

**ТРАДИЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**TRADITIONAL NATIONAL-CULTURAL AND SPIRITUAL
VALUES INNOVATIVE DEVELOPMENT BASIS OF RUSSIA**

Научный журнал
Scientific journal

№ 2 (18) декабрь 2020 г.

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38).

16+, в соответствии с Федеральным законом №436-ФЗ от 29.12.10.

Founder – Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000)

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.10

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38

Тел.: (3519) 29-85-44.

E-mail: rubanova64@mail.ru

Editorial Office Address:

38, Lenin Prospect, Magnitogorsk, 455000, Russia

Phone number: (3519) 29-85-44

E-mail: rubanova64@mail.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

издательский центр

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk,

Chelyabinsk region, 455000, Russia

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk,

Chelyabinsk region, 455000, Russia

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Traditional national-cultural and spiritual values innovative development basis of Russia

The Journal is included in the data-base of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Главный редактор

В.Б. Волкова – доктор филологических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Editor in Chief

V.B. Volkova – D.Sc. (Philology), professor of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Редакционный совет

Е.М. Абайдельдинов – д. юрид. н., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) (Казахстан)

The Editorial Board

E.M. Abayeldinov – D.Sc. (Law), professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. (L.N. Gumilyov ENU) (Kazakhstan)

Т.Е. Абрамзон – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

T.E. Abramzon – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Н.Р. Балынская – д. полит. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

N.R. Balynskaya – D.Sc. (Political), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

А.П. Власкин – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

A.P. Vlaskin – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Т.Б. Зайцева – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

T.B. Zaitseva – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Н.Б. Кириллова – д. культурологии, профессор Уральского федерального университета (Россия)

N.B. Kirillova – D.Sc. (Culturologies), professor, Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

С.А. Песина – д. филол. н., д. философ. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

S.A. Pesina – D.Sc. (Philology), D.Sc. (Philosophy), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Е.Г. Постникова – д. филол. н., ведущий научный сотрудник НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

E.G. Postnikova – D.Sc. (Philology), leading researcher of the research Institute of historical anthropology and Philology Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

С.В. Рудакова – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

S.V. Rudakova – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

В.В. Филатов – д. историч. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

V.V. Filatov – D.Sc. (History), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Ответственный редактор

Ю.Л. Кива-Хамзина – к. философ. н., доцент, заведующий кафедрой Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Executive editor

Y.L. Kiva-Hamzina – PhD (Philosophy) of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Технический редактор

Н.А. Рубанова – к. юрид. н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Technical Editor

N.A. Rubanova – PhD (Law), of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Дизайн обложки – Величко О.В.

Cover design – Velichko O.V.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ.....4

Дегтярев Е.В. Философский анализ биологических оснований войны как социального явления4

Емельянова К.К. Образ военного детства в современных текстах культуры8

Кива Г.Л. Значение дома культуры в процессе формирования личности советского гражданина12

Кривошлыкова М.В. Оппозиция "свой" - "чужой" на примере современной военной прозы15

Кривуть В.И. Польские власти и белорусские школы на территории Западной Беларуси в межвоенный период18

Лыгин М.М. Инновации в электроэнергетике: аспекты патентования22

Малеко Е.В., Малеко В.Е. Миссионерская и просветительская деятельность как основа развития духовной культуры Урала в XII - XVIII веках25

Мусс Г.Н. Российское культурное литературное наследие как средство развития морально-этической ориентации личности29

Неянина С.С. Экология культуры в контексте решения проблемы признания человеком ответственности перед будущим32

Ращектаева О.Г. Динамика архитектурных форм в христианском храмовом строительстве: диахронический подход36

Селезнева Р.С. Древнеиндийские практики в современном мире40

Соколова Е.В. Нетрадиционный музей: специфика организации и новые формы деятельности45

Терещенко И.С. Нейрокультурология как наука о специфике влияния культурной среды на мозг человека49

Шмелева К.П. Российский музыкальный фестиваль в контексте социокультурной деятельности: история и современность52

Яшина В.В. Причины зарождения рекламы и ее исторические формы: культурологический аспект57

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ62

Асмус Н.Г. Лингвистические особенности гендерных различий в блогерской коммуникации (на примере социальной сети "Инстаграм")62

Руденко И.А. Мотив дома в цикле рассказов И.А. Бунина "Темные аллеи": опыт компаративного анализа67

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....71

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

УДК 101

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ БИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Дегтярев Е.В.

Целью статьи является анализ некоторых возможных биологических оснований возникновения такого социального явления, как война. Гипотеза исследования состоит в том, что война как явление общественной жизни может иметь наряду с социальными ещё и биологические основания своего возникновения. Основными методами являются диалектический метод, а также метод исторической редукции. В результате проделанного в статье анализа выявлены и обоснованы те факторы, которые способствовали зарождению войны как социального явления. Актуальность статьи обусловлена не только опасностью войн для самого существования человечества и преимущественно негативным влиянием их на общественное развитие, но и тем фактом, что 2020 год – год семидесятипятоголетия окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Ключевые слова: Война, биологические факторы зарождения войны, территориальный инстинкт, агрессивность.

The purpose of the article is to analyze some of the possible biological grounds for the emergence of such a social phenomenon as war. The hypothesis of the study is that war as a phenomenon of social life can have, along with social, biological grounds for its origin. The main methods are the dialectical method, as well as the method of historical reduction. As a result of the analysis done in the article, the factors that contributed to the emergence of war as a social phenomenon have been identified and substantiated. The relevance of the article is due not only to the danger of wars for the very existence of mankind and their predominantly negative impact on social development, but also by the fact that 2020 is the year of the seventy-fifth anniversary of the end of the Great Patriotic War and World War II.

Keywords: War, biological factors of the origin of war, territorial instinct, aggressiveness.

Для отечественной философской, социологической, политологической традиции характерной является точка зрения на войну как на «организованную вооружённую борьбу между государствами, классами или нациями (народами)» [2, с. 88]. Подобная трактовка идёт от В.И. Ленина, который в свою очередь опирался на исследования немецкого теоретика войны К. фон Клаузевица. В силу известных исторических причин как В.И. Ленин, так и в определённой степени К. фон Клаузевиц акцентировали своё внимание на анализе войны как специфического политического инструмента. Достаточно вспомнить хрестоматийное определение немецкого исследователя: «Война не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [17, с. 27].

Однако природа войны не всегда носила и носит политический характер. Оно и понятно: инструментом политики данный общественный феномен мог стать по крайней мере не раньше, чем эта самая политика возникла. Кроме того, даже с появлением института политики войны не всегда имели политический характер [4]. Достаточно вспомнить межплеменные войны [13], военную экспансию различных кочевых племён [9], многие религиозные войны Средневековья [14] и т.д. То есть

война как социальное явление, конечно же, значительно шире, сложнее, нежели «особый инструмент политики» [10]. Кроме того, генезис войны уходит в глубь веков. Она сопровождает зарождение человечества [15].

Конечно же, война – социальное явление и как подобного рода феномен она весьма основательно исследована [17]. Однако как всякое фундаментальное социальное явление (труд, речь, сознание, брачные отношения между людьми и т.д.) война не может не иметь биологических оснований. Без биологических оснований возникновение социума носило бы характер чуда. А потому в природе войны не может не быть биологического компонента, той основы, на которой возникает война как социальное явление. В данном случае важно избежать сведения социального к биологическому, что мы часто встречаем у философствующих естествоиспытателей Запада, таких как Н. Тинберген, Д. Моррис, К. Лоренц и др. Вместе с тем не следует впадать и в другую крайность: напрочь отбрасывать (как это характерно для «нашей» философской традиции) биологический компонент при исследовании природы войны.

Современный человек как биологический вид, по всей видимости, произошёл от крайне агрессивных существ. Важнейшими инстинктами

архаичных гоминид, вероятно, были, помимо прочих, инстинкты территориальности и агрессивности [21, с. 60-64]. Как и у других биологических видов, агрессивное поведение наших предков в целом играло благотворную роль. Посредством «тактики запугивания» (но не уничтожения) слабых в физическом или психическом плане [11] выживали и давали обильное потомство наиболее приспособленные особи, что служило интересам видового выживания. Этому же способствовали и стадные «территориальные притязания» предков [16]. Инстинктивная деятельность человека принципиально отлична от животной, она облечена в социальные формы, подчинена разуму и общественным нормам. Однако это не означает того, что её нет. Едва ли кто-либо рискнёт утверждать, что в жизнедеятельности человека нет места инстинктам самосохранения, пищевому либо половому. Разум и общественная жизнь не уничтожили, но видоизменили, социализировали, наполнили их новым содержанием. Образно говоря, в данном случае произошло диалектическое отрицание, «снятие» инстинктивной деятельности деятельностью социальной.

Коль скоро инстинкты агрессивности и территориальности действительно относятся к числу важнейших для предков «человека разумного», то они не могли попросту «сгинуть» в процессе социализации последнего, но обязаны были, подобно другим, трансформироваться, наполниться новым, адекватным содержанием. На наш взгляд, именно эти инстинктивные особенности наших далёких предков могли послужить той основой, на базе которой зародилось такое социальное явление, как война.

При этом территориальный инстинкт под воздействием социальных условий и с развитием рассудка вполне мог трансформироваться в стремление к «захвату», овладению «чужими» территориальными, а позднее и нетерриториальными благами [7], ибо первоначально блага по преимуществу – атрибут территории (животные и растения, употребляемые в пищу, залежи металлов, плодородные земли и т.д.) [19]. Действительно (о сила логики!), зачем добывать, недоедать, терпеть страдания, коль скоро можно взять то, что нужно, за счёт «чужой» территории или в дальнейшем у «чужих» [12]. Более того, расширить территорию за счёт «чужих» или взять нечто у «чужих» не только можно, но и нужно [3], ибо таковы требования борьбы за существование. То есть такое атрибутивное свойство войны, как стремление к захвату (или захват) тех или иных благ, по всей видимости, возникает на базе территориального инстинкта, хотя, разумеется, к нему не сводимо.

Другое важнейшее атрибутивное свойство войны – уничтожение представителей собственного биологического вида – могло возникнуть на базе инстинкта агрессивности. Но как такое возможно,

ведь биологическая запрограммированность вида запрещает убивать (уничтожать) себе подобных? Даже побеждённый в схватке волк принимает позу «мольбы о пощаде»: подставляет победителю своё горло, что является «запрещающим сигналом» для продолжения агрессии. Представляется, что начавшаяся социализация наших животных предков трансформировала агрессивность, «сняла» с неё запрет на уничтожение представителей собственного биологического вида. Здесь могли сыграть свою роль следующие факторы:

Во-первых, основа основ социализации – орудийная деятельность [6]. Применение орудия (оружия) в схватке индивида с другим индивидом или одного первобытного стада с другим (в том числе и в связи с территориальными «разборками») «сняло ответственность» за нарушение биологического запрета на убийство. Убивает не индивид или стадо, а орудие (оружие).

Во-вторых, на наш взгляд, в ходе социализации наблюдается смещение акцентов с сохранения всего биологического вида на сохранение отдельных первобытных общин. В связи с этим не только конфликты, но и сменившие их войны определённое время играли благотворную роль: без войн невозможно было бы зарождение цивилизации [22, с. 6-10]. Постепенно приоритет групповых интересов (стада – рода – племени и т.д.) не только над индивидуальными, но и над общевидами начинает носить всё более осознанный характер. В результате все люди как в сознании отдельного индивида, так и в социально-групповом сознании первобытного социума делятся на «мы» и «они» («не-мы»), «свои» и «чужие» и т.д. Убийство, которое инстинктом запрещалось в применении ко всему виду, постепенно с развитием разума и социализацией наших предков запрещается лишь в отношении «своих», в отношении «со-родичей». Благодаря развитию абстрактного мышления [8], орудийной деятельности, другим факторам первобытный коллектив осознаёт свои групповые интересы как важнейшие и противопоставляет себя не только природе, но и другим коллективам [2]. Другие – это «не-мы», «не-я», те, на кого не распространяется инстинктивный запрет на уничтожение.

В-третьих, с развитием сознания и усложнением социальной структуры первобытных общин возникает то, что условно можно назвать «феномен деструкции». Это предтеча будущего разделения труда [1] на умственный – физический, управленческий – управляемый и т.д. При этом с тех, кто замышляет, планирует и организует уничтожение «не нас», биологическая ответственность «снимается» [5] в силу того, что это всего лишь мысли или приказы, но не деяния, а с «исполнителей» – в силу того, что они только исполняют волю «тех, кто знает», тех кто «прав». Ответственность за

нарушение запрета на убийство как бы перекладывается на других, деперсонифицируется, а значит, в биологическом плане исчезает [20].

В-четвёртых, развитие речи как формы общения и понимания людьми друг друга, как важнейшего экспрессивного средства ведёт не только к сплочению, объединению индивидов данной общности, но и к разъединению, противопоставлению групп с различными языками. В результате развития речи «притупляется» понимание «языка» жестов или поз, нечленораздельных звуков, выражающих «мольбу о пощаде». Механизм сдерживания агрессии по отношению к представителям собственного вида перестаёт срабатывать, ибо победитель «не понимает» небологических сигналов о необходимости остановиться. Конечно, социальные факторы с усложнением общественной жизни, в особенности с появлением государственности, начинают играть всё большую роль в развитии военного дела, в «совершенствовании» института войны. Тем более что появляются группы, слои, классы, иногда целые народы, «заинтересованные» в ведении войн. Прежде всего именно в силу социальных причин (политических, экономических, религиозных и проч.). Однако для любого феномена развитию на собственной почве предшествует период «зарождения» или «возникновения». Социальные явления не сводимы к биологическим, но они возникают на основе последних. Такова же природа войны: будучи общественным по своей сути, данное явление имеет наряду с социальными и биологические предпосылки своего возникновения: инстинктивную агрессивность и территориальность наших предков.

В свете вышеизложенного особый интерес представляет проблема будущности войн. Извечно ли это «зло рода человеческого» или можно надеяться, что рано или поздно войны исчезнут? Есть ли для подобного рода надежд достаточные основания? Думается, что да. И дело здесь не в вере автора в «гуманную природу» человечества или в «светлое будущее». Хотя и в этом есть определённый резон: не случайно величайшими умами человечества от Сократа до И. Канта, К. Маркса, А. Швейцера, П. Тейяра де Шардена и др. будущее виделось без войн. Однако более важными здесь представляются доводы разума [8] и диалектики. Начнём с того, что война как любое явление действительности имеет свои количественно-качественные характеристики, свою меру, предел своего развития. Дальнейшее совершенствование современных систем оружия массового уничтожения как раз и представляется тем потенциальным пределом, за рамками которого война «нарушает» свою собственную меру, переходит в противоположность, в «не-войну». Будет ли подобное будущее состояние общества «миром» или нет – иной вопрос. Не исключено, что это будет состояние

общества, подобное пиковым ситуациям «холодной войны», балансировке «на грани» апокалипсиса. Во всяком случае у достигшего пика развития оружия массового уничтожения меняется на противоположную основная функция – уничтожение противника, «чужих». На её место приходит функция самоуничтожения, уничтожения «своих». Поднявший меч от него же гибнет. «Супероружие» меняет традиционное для оружия место «между» враждующими сторонами на «противостояние» как той, так и другой стороне. В результате у этих сторон возникает общий интерес – не допустить, чтобы «оружие их уничтожило».

Осознание этого общего интереса всеми потенциальными участниками военных конфликтов, понимание ими бессмысленности, алогичности войны в изменившихся условиях, невозможности достичь целей военным путём может привести общество к отказу от войны как средства решения проблем. Разум, прежде способствовавший трансформации определённых инстинктов и развитию института войны в силу целесообразности и логичности последнего, столь же неотвратимо обязан «восстать» против этого института, коль скоро он окажется для всех субъектов общественной жизни нецелесообразным и нелогичным, т.е. антиразумным. Кроме того, в развитии общества уже можно обнаружить тенденции к слиянию, ассимиляции государственных, этнических, экономических, религиозных (церковных) структур (процесс объединения Европы; «плавильный этнический котёл» США; расцвет и экспансия ТНК; всплеск экуменизма и т.п.). Конечно, этот процесс не может не сопровождаться известной диссимилиацией, деструкцией социальных систем. Но в данном случае для общества важнее преобладающая тенденция. Эта тенденция подтверждает идеи гениальных мыслителей прошлого и настоящего о будущем переструктурировании, об интегративном переустройстве общества. Достаточно вспомнить К. Маркса с его идеей бесклассового структурно-однородного социума, К.Э. Циолковского с его космическим единством всего человечества, Э. Леруа с теорией объединённого на разумных основах общества или Д. Белла с концепцией будущего «постиндустриального» общественного устройства всего человечества. В свою очередь социальная однородность или хотя бы отсутствие множественности государственных образований сделало бы невозможными войны «как продолжение политики иными средствами». Интересно, что с идеей движения общества к единому государству согласны представители самых разных, даже противостоящих друг другу философских направлений. Подобного рода соображения в своё время высказывались, к примеру, религиозно-ориентированными А. Тойнби и П. Тейяром де Шарденом и атеистами Б. Расселом и В.И. Лениным.

Показательны в этом смысле рассуждения последнего: «Соединённые Штаты мира... являются... государственной формой объединения и свободы наций..., пока полная победа коммунизма не приведёт к окончательному исчезновению всякого... государства» [18, с. 354].

Подобного рода супергосударство или, как его называл Б. Рассел, «мировое правительство» при достаточном авторитете (в том числе основанном и на военной силе) могло бы сделать войну невозможной. В таком случае разум человечества обязан будет подыскать, создать или развить новые, не военные, исторически-адекватные формы сублимации инстинктов, в том числе территориального и стремления к агрессии. Такими «разумными» формами инстинктивных проявлений могли бы стать, а возможно, и уже становятся спортивные и иные состязания, перипетии «болельщиков», различные конкурсы, диспуты, новая ритуализация общественной жизни и прочее. В свете вышеизложенного представляется принципиально возможным и необходимым исчезновение войн в будущем. Хотя автор вполне отдаёт себе отчёт в том, что возможность есть лишь «потенциальная действительность», а необходимость не исключает случайности. А потому, хотя мы можем верить и надеяться на «лучшие времена», главное, должны жить и действовать так, чтобы эти «лучшие времена», времена, когда человечество сможет отказаться от войн, обязательно наступили.

Список литературы

1. Беликов В.А. Профессиональное образование. Методология деятельности: монография / В.А. Беликов, А.С. Валеев, А.В. Гришин. М.: Владос, 2009. 333 с.
2. Бовин А.Е. Война // Советский энциклопедический словарь. М., 1983. С.88-89.
3. Вильданова Г.Б., Вильданов Х.С., Дегтярев Е.В. Гносеологический анализ взаимоотношения понятий «истина» и «мудрость» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 99-105.
4. Горохов П.А., Вялых В.В. Феномен прекариата как фактора управления государством (опыт социально-философского прочтения) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 22-25.
5. Дегтярев Е.В. Понимание в контексте неклассического и постнеклассического типов научной рациональности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 3. С. 110-114.
6. Дегтярев Е.В. О некоторых аспектах технического знания // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 33 (170). С. 100-102.
7. Дегтярев Е.В. Техническое мышление: аспект единства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 91-93.
8. Дегтярев Е.В., Дегтярева Е.Е. Фундаментальное и прикладное знание: философские и культурологические аспекты // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. Т. 2. С. 259.
9. Дегтярев Е.В., Карпова Е.В. Искусство экспансионизма: специфика голландского доминирования // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. Т. 2. С. 260.
10. Дегтярев Е.В., Сеничев И.В. Парадоксальность британского экспансионизма: некоторые аспекты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 137-141.
11. Дегтярева Е.Е. Предметность психологического познания в контексте научной рациональности: опыт гносеологического анализа: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Магнитогорский государственный университет. Магнитогорск, 2009. 152 с.
12. Деменёв Д.Н. О логике художественного процесса // Философия и культура. 2017. № 12 (120). С. 72-82.
13. Карпова Е.В. К понятию «социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 128-131.
14. Карпова Е.В. Онтологические основания социокультурного восприятия пространства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 10 (116). С. 65-67.
15. Карпова Е.В. Символические образы правового восприятия пространства // Политика и общество. 2015. № 6 (126). С. 755-762.
16. Карпова Е.В. Субъективный план социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях // Философия и культура. 2011. № 11 (47). С. 28-35.
17. Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1934. 420 с.
18. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. 590 с.
19. Максимов А.М., Беляев И.А. Граница как мера целостности и свободы человека // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 10. С. 30-33.
20. Слободнюк С.Л. Бытийная образность в космогоническом дискурсе // Art Logos. 2019. № 3 (8). С. 6-20.
21. Сторр А. Человеческая агрессивность. М., 1991. 226 с.
22. Тойнби А. Война и цивилизация. М., 1994. 486 с.

УДК 304.2:930.272

ОБРАЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

Емельянова К.К.

Целью данной статьи явилось рассмотрение образа военного детства в современных текстах культуры, где складывается особое представление о формировании личности ребенка, прошедшего через суровые испытания. Автором была выдвинута гипотеза о том, что в анализируемых текстах раскрывается общая тема лишений, страданий, наложивших отпечаток на детские судьбы, но средства ее репрезентации имеют отличия. Для решения задач проведенного исследования наиболее значимым оказался сравнительно-сопоставительный метод, который позволил выявить общность и различие между литературным и визуальным текстом. Результатом статьи стал вывод о том, что различные тексты культуры о военном детстве объединяет высокая эмоциональность, ощущение сопричастности событиям, что и повышает их значимость для моделирования отношений между членами современного общества, в котором происходит постепенная утрата гуманизма.

Ключевые слова: Культура, детство, война, текст культуры, литературный текст, визуальный текст.

The purpose of this article is to examine the image of military childhood in modern cultural texts, which form a special idea of the child's personality as a significant member of society who has passed through severe trials. The author hypothesized that the analyzed texts reveal the General theme of deprivation and suffering that left an imprint on children's destinies, but the means of its representation differ significantly. To solve the problems of the study, the most significant was the comparative method, which revealed the commonality and difference between the literary and visual text. The result of the article is the conclusion that various cultural texts about military childhood are United by high emotionality, a sense of belonging to events, which increases their significance for modeling relations between members of modern society, in which there is a gradual loss of humanism.

Keywords: Culture, childhood, war, culture text, literary text, visual text.

Современная культура видит в ребенке залог будущего развития, осознает важность образования и воспитания подрастающего поколения, которому этот мир передается по наследству. Внимание, проявленное к ребенку, – это внимание к личности, которой предстоит строительство новой культуры, созидающей обновленные принципы существования, новые материальные и духовные ценности. Именно поэтому тема данного исследования особенно актуальна в наши дни.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ней образ детства представлен в различных текстах культуры – литературных и визуальных, а его особенности выявлены в результате сравнительно-сопоставительного анализа данных текстов.

Целью работы стало рассмотрение образа военного детства в современных текстах культуры, где складывается особое представление о личности ребенка как значимого члена социума.

Цель работы определила и круг задач, решение которых обозначило значимые этапы работы. Во-первых, важно было проанализировать тексты, основанные на военной тематике, в которых личность ребенка представлена в страшных условиях военного времени, несущего гибель и разрушение, противоречащих самому принципу детства как началу жизненного пути каждого человека. Во-вторых, необходимо было провести пообразный

анализ, представивший особенности детства на материале разных типов текстов: литературного (книжного) и визуального (кинофильм). В-третьих, нужно было обосновать существующие различия в восприятии образов, созданных на основе печатного слова и образов визуализированных, созданных средствами киноискусства.

Для решения задач проведенного исследования наиболее значимым оказался сравнительно-сопоставительный метод, который позволил выявить общность и различие между литературным и визуальным текстом. В этих текстах раскрывается общая тема военного детства, лишений, страданий, наложивших отпечаток на детские судьбы, но средства ее репрезентации существенно отличаются.

Особенности изучения текстов культуры в наши дни достаточно разнообразно представлены в работах таких авторов как А.М. Воробьева, Л.П. Авдонина [1], С.Г. Мусабеева [5], Н.А. Симбирцева [6], З.Ф. Юсупова [10]. Данные научные работы объединяет общая мысль о том, что любое порождение культуры является текстом, созданном на уникальном языке, знаки которого понятны только человеку. Одновременно изучению детства посвятили свои научные исследования такие авторы, как С.Н. Майорова-Щеглова [3], Е.Н. Суворкина [7], А.Б. Тугаров [8]. Эти работы раскрывают педагогические и воспитательные

основы формирования личности ребенка, анализируют его уникальный внутренний мир, не отягощенный условностями социума, которые явственно проявляются в личности взрослого человека. В данной научной статье мы попытались связать оба аспекта исследований воедино: образ детства представлен через призму его прочтения в текстах современной культуры.

Важным событием российской действительности стал 2020 год: 75-ая годовщина окончания Великой Отечественной войны и победы над фашизмом. Именно поэтому для российского социума огромное значение имеет литература и кинофильмы о войне. Особое место среди данной художественной продукции занимают произведения о детях, о детстве в годы войны. Ярким примером тому служит повесть башкирского поэта, писателя и драматурга Мустая Карима «Радость нашего детства» и повесть Любови Воронцовой «Девочка из города».

Много лет отделяют нас от Великой Отечественной войны. Но время не снижает интереса к этой теме, поэтому закономерно внимание сегодняшнего поколения к прошедшим годам, к истокам подвига и мужества советских людей. В этой войне погибло тринадцать миллионов детей. Война отнимала жизнь, родителей, детство. С особенной силой тема войны прозвучала в советской литературе. Для детей и о детях на войне писали А.Т. Твардовский, К.М. Симонов, С.Я. Маршак, Л.Ф. Воронкова и др. Большинство авторов представляло детей как непосредственных участников военных событий, потому что в годы войны появлялись юные герои [9]. В повести Мустая Карима «Радость нашего дома» война до определённого времени лишь косвенно касается главного героя. А в повести Л.Ф. Воронковой «Девочка из города» война отнимает у девочки Валентинки самое дорогое – маму. Литературные тексты в данном случае объединяют антинормативные начала: война и детство, горе и человеческая доброта. В этих текстах формируется особый образ ребенка: этот тот, кто выстоял перед лицом страшной беды и не потерял веру в жизнь.

Литературные тексты о военном детстве имеют высокую степень обобщения при всей конкретике детских образов. Это объясняется тем, что данные тексты создавались либо очевидцами войны, либо теми, кто лично ощутил ее тяготы и горе. Так, через всю войну прошел Мустай Карим. После окончания войны писатель начал перерабатывать фронтовые очерки в литературные произведения. «Радость нашего дома» – история о маленьком мальчике Ямиле и девочке Оксане, которая потеряла всех родных во время Великой Отечественной войны. Эта история основана на реальных событиях. Текст повести «Радость нашего дома» можно охарактеризовать как структурно точный и емко изложенный. В произведении много мирных картин.

На первый взгляд кажется, что они доминируют в произведении и больше подходят для 50-60-х, чем для 40-х гг. XX века. Автор ведет неспешное, очень спокойное повествование с огромным количеством реальных детских диалогов. Через реалистично переданную коммуникацию читатель зримо представляет течение жизни.

Дети тихой башкирской деревни далеко в тылу и в годы войны остаются детьми. Ямиле со своими сверстниками находят время для различных игр, в которых каждый миг ребенка является открытием. Новый виток в развитии всей повести даёт удочерение матерью Ямиля маленькой украинской девочки Оксаны. Это событие становится метафорой, получающей широкое обобщение. Маленькая девочка как осколок грохочущей, ранящей тела и души войны входит в размеренную жизнь башкирской семьи, всего села. Оксана психологически травмирована войной, ее везде преследует страх. Излечением души героини занимается такой же ребенок – Ямиле, который проявляет в отношении приемной сестренки чуткость и тактичность, несвойственные его годам, помогая забыть ужас трагических событий. Можно утверждать, что автор вместе с детьми проживает все события их жизни. Временно-пространственная канва повести делится на две части: до появления приемной сестры в судьбе Ямиля и после. Малыш преображается, встав на пути злобного гуся, от которого защищает Оксану, совершая настоящий подвиг. Проницательный читатель, несомненно, проводит параллели между событиями, лежащими в одной хронологической плоскости. Подвиги совершаются на фронте и в тылу, но все они приближают великую победу. Именно поэтому мы можем говорить о двух уровнях прочтения данного текста: сюжетно-событийном и символическом. Когда ребенок способен преодолеть в себе ужас войны, поверить в добро и любовь, зло будет остановлено – так звучит главная мысль повести.

Героине повести Л.Ф. Воронковой «Девочка из города» Валентинке война также принесла страшное горе: она сделала её круглой сиротой, беженкой, у которой нет даже крыши над головой. Но отчаяние ребенка сменяется надеждой: девочку пожалела и приютила простая деревенская женщина, мать троих детей Дарья Шалихина.

Валентинке трудно поверить в то, что ее страдания закончились. В первые недели в деревне она похожа на маленького испуганного зверька, который боится, что его вновь обидят. Девочка не может поверить в ту благодать, которая вдруг перед ней открылась: тепло, уют, пристанище, сытость. Постепенно душу Валентинки отпускает ранившая ее боль. Главным человеком в ее жизни становится простая русская женщина Дарья Шалихина, которая смогла заменить испуганному ребенку мать. Эта повесть о том, как в добре открывается добро:

ребенок не должен жить в военных лишениях, но если таковые ему суждено пройти, то только мать способна оградить свое дитя от самого страшного – от смертельной опасности войны.

Многие произведения о войне обрели свою вторую жизнь в кинематографе, так получилось и с произведениями «Девочка из города» и «Радость нашего дома». Художественный фильм «Девочка из города» снят в СССР режиссёром Олегом Николаевским по одноимённой повести Любови Воронковой. В 2018 году режиссер Александр Галибин представил фильм «Сестренка». Литературное повествование получило визуальное воплощение в новом тексте культуры. В данной экранизации литературного текста суть заключена не в передаче фактов и событий, а в особой поэзии, рожденной зрительно воспринимаемыми образами. Кинофильм «Девочка из города» является образцом детского кинематографа в абсолютном его варианте. Здесь сочетается ясная событийная линия, блестящая актерская игра и ненавязчивая дидактика. Этот кинофильм не предназначен для обыденной организации досуга [2], хотя киноискусство организует его своими неповторимыми средствами. Фильм повествует о светлом чувстве любви к ближнему, благодаря которому мы понимаем, что не бывает чужих детей. Восприятие этого текста культуры органично осуществляется и детской, и взрослой аудиторией.

Событийная канва литературного текста положена в основу кинематографической визуализации. Действие картины разворачивается в годы Великой Отечественной войны. Осиротевшая девочка Оксана, найденная в разоренном доме, обретает новую семью. Башкирская деревня в тылу становится для нее миром покоя и безопасности. Считается, что повесть Мустая Карима относится к числу лучших экранизированных произведений. Здесь война становится отправной точкой для возникающего настроения счастья и благородства человеческих отношений, противостоящих любой трагедии. Через весь кинофильм проходит линия поиска, завершающаяся обретением Оксаной отца. Эта линия ярче и драматичней, чем в книге. Образ отца может быть воспринят как простой и бытовой – образ отца, брата и батыра. Но это и образ символический, воплощающий в себе дух мужественности, служения девочке и женщине.

Этот визуальный текст культуры прочитывается на уровне чувств: как трогательный и искренний фильм и для взрослых, и для детей, пробуждающий глубинные переживания в тех, чьи представления о ценности жизни, ее хрупкости и уязвимости сформировались только сейчас в рамках обезличенной информационной культуры [4]. Точка зрения главного героя повести, мальчика Ямиля, является основой всего фильма. По-детски наивный взгляд персонажа диктует особую визуализацию

происходящего: яркие и однозначные краски эмоций, опрятная одежда и всегда добрые люди, видимое отсутствие голода, война как абстракция. Это удачное решение в целом определяет возрастной рейтинг фильма. Он понятен всем, кто старше шести лет, так как является адекватной экранизацией исходного литературного материала. Основная задача данного текста культуры – нести добро.

В итоге проведенный сопоставительный анализ показывает, что различные тексты культуры о военном детстве объединяет высокая эмоциональность, ощущение сопричастности событиям, которое складывается у реципиента, что повышает значимость их восприятия в контексте моделирования отношений между членами современного социума, во многом утратившего понимание принципов гуманизма. Органичная дидактика всегда служит сопутствующим элементом разнообразно представленной темы военного детства.

Список литературы

1. Воробьева А.М., Авдонина Л.П. О соотношении понятий «культура и текст» и «текст культуры» // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения. Труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Под. ред. М.В. Темлянцева. 2014. С. 45-47.
2. Кулешова А.В., Малек Е.В. Особенности создания модели организации досуговой деятельности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 20-22
3. Майорова-Щеглова С.Н. Трансформации детства в начале XXI в.: к уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4 (126). С. 173-183
4. Малек Е.В. Особенности формирования личности в пространстве информационной культуры // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 1 (13). С. 29-31
5. Мусабекова С.Г. Кинематографическая репрезентация текстов культуры // Россия и Европа: связь культуры и экономики. Материалы XI международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Отв. ред. Уварина Н.В., 2015. С. 489-491.
6. Симбирцева Н.А. Текст культуры и практика его прочтения в истории культуры // Филология и человек. 2015. № 3. С. 7-16.
7. Суворкина Е.Н. Субкультура детства как модель автономной реальности детства // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2012. № 3(36). С. 60-69
8. Тугаров А.Б. Детство и мир детства как направление научно-исследовательской деятельности // Педагогический институт им. В.Г. Белинского: традиции и инновации. Научная конференция, посвященная 75-летию Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета. Под ред. О.П. Суриной. 2015. С.38-41.
9. Чижкова М.Б. Детство по законам военного времени:

социально-психологические особенности этапа детства в годы Великой Отечественной войны // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского

народа в Великой Отечественной войне. 2015. С. 478-481.
10. Юсупова З.Ф. Художественный текст как единица культуры: лингвометодический аспект // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 229-234.

ЗНАЧЕНИЕ ДОМА КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА

Кива Г.Л.

Целью данной статьи явилось рассмотрение значения Дома культуры в процессе формирования гражданина советской эпохи. Главной проблемой, которая поднимается в статье, стал вопрос о механизмах воздействия культуротворческой организации на личность для утверждения в обществе принятых советской властью идеологических установок. В статье была выдвинута гипотеза о том, что пропаганда советской культуры базировалась на принципиально идеологизированной педагогике и дидактике, «проповедниками» которых стали государственные институты. Исследование построено на использовании генетического, системного и деятельностного метода, с помощью которых были рассмотрены основные этапы истории формирования, структура и направления деятельности Дома культуры. Результатом статьи стал вывод о том, что в советской России данная организация приняла на себя социальную ответственность за формирование коллективизма, познавательной активности и стремления к постоянному совершенствованию будущих строителей коммунизма.

Ключевые слова: Культура, Дом культуры, советская эпоха, личность, гражданин.

The purpose of this article is to examine the significance of the House of culture in the process of forming the personality of a citizen in the Soviet era. The main problem that is raised in the article is the question of the mechanisms of influence of cultural organizations on the individual for the approval of the ideological attitudes adopted by the Soviet government in society. The article hypothesized that the propaganda of Soviet culture was based on a fundamentally ideologized pedagogy and didactics, which were "preached" by state institutions. The research is based on the use of genetic, system and activity methods, which were used to consider the main stages of the history of the formation, structure and activities of the House of culture. The article concluded that in Soviet Russia this organization assumed social responsibility for the formation of collectivism, cognitive activity and the desire for continuous improvement.

Keywords: Culture, House of culture of the Soviet era, the identity of the citizen.

Советская эпоха в России основывалась на общих идеях установления всеобщего равенства, социальной справедливости и высокой гражданственности. Именно поэтому формирование гражданина нового типа – человека страны Советов – стало для данного периода одной из важнейших задач.

В наши дни возникает вопрос о том, какие механизмы лежали в основе формирования новой советской идеологии и новых гражданских идеалов. Очевидно, что одни лишь насильственные методы со стороны власти не могли быть продуктивным способом внедрения в социокультурную действительность новых идей и новых жизненных ценностей. Мы склонны считать, что пропаганда советской культуры базировалась на принципиально идеологизированной педагогике и дидактике, «проповедниками» которых стали государственные институты. В качестве такого социокультурного порождения советской эпохи может быть рассмотрен Дом культуры.

Целью данной статьи явилось рассмотрение значения Дома культуры в процессе формирования личности советского гражданина. Эта личность в полной мере должна была отражать государственную идею о формировании нового поколения строителей коммунизма – уникальной системы социокультурных отношений, не имеющих аналогов ни в одной из стран мирового сообщества.

Цель работы определила круг задач, которые необходимо было решить при рассмотрении интересующего нас вопроса. Во-первых, нам важно было обнаружить истоки возникновения такой культуротворческой организации, как Дом культуры. Во-вторых, необходимо было рассмотреть принципы организации советских граждан в рамках сформировавшейся среды Дома культуры. В-третьих, представить методы привлечения граждан в социокультурное пространство Дома культуры и механизмы воздействия на них данной организации в процессе формирования особого типа личности советского гражданина.

Для получения наиболее объективных результатов исследования нами были использованы:

- 1) генетический метод, позволивший наиболее полно и поэтапно представить историю появления Домов культуры в советской России;
- 2) системный метод, давший возможность рассмотреть Дом культуры как организацию, имеющую определенную структуру, все части которой наделены определенного вида функциями (воспитательными и образовательными), подчиненными общей цели формирования личности;
- 3) деятельностный метод, с помощью которого были рассмотрены основные направления деятельности интересующей нас культуротворческой организации.

До сих пор в научной литературе не было

опубликовано исследований, подробно представивших вопрос о существовании Домов культуры как социальных институтов советского периода. Современное состояние данной культуротворческой организации рассмотрено достаточно обстоятельно в работах К.В. Бусыгина, В.Е. Бородова [1], Е.В. Зеленцовой [2], М.М. Сысоевой, Е.Н. Тепляковой [9], М.В. Чистовой, Н.А. Колтун [10]. Однако эти исследователи не связывают современное состояние Домов культуры с их историческим прошлым, уходящим в советское время. Общих вопросов советской культуры, идеологических основ, на которых базировалась жизнь общества, касались Пархоменко Т.А. [7], Малек Е.В. [6] и др. Для представленного нами исследования важно было решение вопроса о существовании Дома культуры как общественного института именно в советский период истории. В целом нас интересовала не только история данной общественной организации, но и ее существование по принципам советской идеологии в контексте процессов, влияющих на становление личности и ее гражданских качеств.

В наши дни Дом культуры остается востребованной культуротворческой организацией, ведущей секционную, кружковую, научную и творческую работу, выступая организатором слетов, собраний, творческих вечеров и национальных праздников. Мы должны помнить о том, что история данной организации в России насчитывает уже более столетия. Генеалогия Домов культуры восходит к народным домам и рабочим клубам.

Народные дома стали популярны еще в дореволюционной России [8]. Сейчас мы можем говорить о том, что общественные заведения подобного типа заменяли образовательные организации для всех, кто желал получить начальные знания. В Народных домах ликвидировали безграмотность детей и взрослых: здесь организовывали библиотеки, читали лекции, обменивались практическим опытом. Первые Народные дома в конце XIX века возникли в Томске и в Петербурге.

В 70-80-е годы XIX столетия возникли рабочие клубы [7]. Чтобы укрепить свое классовое положение рабочие собирались в них с целью обучения грамоте тех, кто ею не владел, а также для обсуждения политических и экономических новостей. Функционирование таких клубов быстро вышло за рамки отдельных предприятий, т.к. в России оно приобрело масштабный классовый характер.

Особенно значимой стала деятельность общественных организаций в послереволюционный период. В советской России формировалась новая культура, а потому были необходимы новые «храмы» – Дома культуры. И действительно, эти общественные организации в советское время были

призваны конкурировать с церковью. Советский человек теперь должен был посещать не православный храм, а Дом культуры. Эффект равноценной замены заключался в том, что в новой социальной организации человек, живущий в стране Советов, ощущал все ту же общность, что и в храме. Но это уже было не религиозное, а идеологическое и культурное единение, в котором рождалась «новая соборность» советской России [5].

По замыслу руководителей партии большевиков, архитектура советских Домов культуры также должна была конкурировать с храмовым зодчеством. Строительство и сроки сдачи зданий для подобных общественных заведений включались в планы пятилеток. К строительству привлекались известные архитекторы. Так, например, по проекту Константина Мельникова в Москве был построен Клуб Русакова, в котором собирались представители Союза Коммунальников (в наши дни это Дом культуры им. И.В. Русакова в Москве). Илья Голосов подготовил проект строительства Клуба профсоюзов коммунальников им. А.И. Зуева (до сих пор это один из самых известных Домов культуры). Здания Домов культуры планировались и возводились с явными художественными достоинствами: часто использовался неоклассический стиль, делавший воплощение архитектурных замыслов монументальным. Такая архитектура выполняла разнообразные задачи. Во-первых, она воспитывала в советских гражданах эстетический вкус, знакомила с художественным творчеством, с зодчеством как видом искусства. Во-вторых, она конкурировала с православным зодчеством, имея столь же большой пространственный размах, что и исторические культовые постройки. Русь советская перенаправила стремления личности: оказавшись от религии, объявленной мракобесием, советский человек был обращен к миру культуры и просвещения.

Советский Дом культуры действительно должен был осуществлять образовательные и воспитательные задачи, поддерживать гражданское самосознание каждой личности. Именно поэтому важно отметить, для каких возрастных категорий граждан существовали отдельные направления работы Дома культуры.

Во-первых, данную организацию посещало большое количество детей советских тружеников. Дом культуры воспринимался как досуговая среда, в которой и формируются представления о счастливом детстве в стране Советов. Организация досуг ребенка всегда была важной частью культуротворческих общественных заведений [4], но для советского Дома культуры она носила особую идеологическую окраску. Воспитатели, организаторы кружков и секций должны были вовлечь ребенка в бурную жизнь страны, которая стала страной широких возможностей для рабочих и крестьян. Дом культуры поддерживал в детях интерес к тому, что так ценило

советское общество. Самыми популярными кружками были авиамодельный и радиотехнический, где занимались будущие летчики, военные, связисты, изобретатели новых машин. Юные спортсмены добивались высоких показателей, чтобы быть крепкими духом и телом и в минуту опасности смело стать на защиту Родины, интересов рабоче-крестьянского класса. Дом культуры был призван не только увлечь детей новыми возможностями, организовать их досуг, но и правильно сформировать образовательные интересы в духе идеологических требований, предъявляемых к личности советского гражданина [3].

В советский период в Дома культуры активно привлекались и рабочие-подростки. В основном это были молодые люди, получившие рабочую профессию, но имеющие недостаток в образовании. Для таких советских граждан Дом культуры становился образовательной средой, выстраивающей гибкий график работы с населением, позволяющей совмещать работу и учебу. Подростки 4 часа были заняты на производстве, следующие 4 часа обязательно отводились на занятия в Доме культуры. Советское правительство желало видеть основой государственности всесторонне развитую личность. С этой целью молодые люди 2 часа посвящали занятиям по повышению грамотности, 1 час занимались изучением произведений искусства и творчеством и 1 час – спортом. Знания, которые давал Дом культуры, формировали широкий кругозор молодого человека. Важно заметить, что образование здесь включало элементы политической и научной грамотности: происходило знакомство с основами всеобщей истории, биологии литературы и даже с основными положениями марксизма.

Конечно, советский Дом культуры привлекал и взрослое население. Юные участники организации и многочисленные любители организовывали здесь частые концерты и театральные постановки, устраивались лектории и совместные просмотры кинофильмов, советские граждане посещали танцевальные и поэтические вечера. Советский Дом культуры был территорией общения, где граждане не только знакомились, но и впоследствии создавали прочные советские семьи, основанные на общих интересах супругов.

Таким образом, советский Дом культуры можно рассматривать как связующее звено между властными структурами и простыми гражданами, получившими право на отдых и образование, закрепленное конституционно. Дом культуры являлся институтом, обеспечивающим, помогающим реализовать данные права в полной мере. Эта культуротворческая организация по сложившемуся замыслу должна была показать советскому гражданину весь спектр его возможностей,

полученных в результате революционных преобразований. Мы с уверенностью можем говорить о том, что в советской России Дом культуры принял на себя социальную ответственность за формирование коллективизма, познавательной активности и стремления к постоянному совершенствованию будущих строителей коммунизма. Всей своей деятельностью данный социокультурный институт реализовывал важнейшую цель, поставленную перед ним партией большевиков – формирование личности советского гражданина. С этой задачей советский Дом культуры справлялся в полной мере, продуманно выстраивая важнейшие направления собственной деятельности.

Список литературы

1. Бусыгин К.В., Бородов В.Е. Проектирование современных Домов культуры и сельских клубов // Научному прогрессу – творчество молодых. Материалы X международной молодежной научной конференции по естественнонаучным и техническим дисциплинам. Поволжский государственный технологический университет. 2015. С. 238-239.
2. Зеленцова Е.В. Будущее Домов культуры. Какие культурные центры нужны современному городу? // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2014. № 4. С. 52-64.
3. Карюхина А.С., Глебова Л.Н. Социально-педагогический потенциал досуга в центрах детского и юношеского творчества (Дом культуры) // Молодой ученый. 2015. № 22-1 (102). С. 93-95.
4. Кулешова А.В., Малек Е.В. Особенности создания модели организации досуговой деятельности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 20-22
5. Малек Е.В. «Новая соборность» советской России (на материале поэзии первостроителей Магнитки) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 120-123.
6. Малек Е.В. Особенности формирования личности в пространстве информационной культуры // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 1 (13). С. 29-31
7. Пархоменко Т.А. Советский период в истории и культуре России // Вопросы культурологии. 2015. № 4. С. 20-27.
8. Стогов Д.И. История возникновения и развития Народных домов в России и перспективы их возрождения в современных условиях // Информация – Коммуникация – Общество. 2018. Т. 1. С. 327-333
9. Сысоева М.М., Теплякова Е.Н. Деятельность сельского Дома культуры по формированию общественного мнения // Электронный научно-практический журнал «Культура и образование». 2014. № 4 (8). С. 17.
10. Чистова М.В., Колтун Н.А. Дом культуры как учреждение социально-культурной сферы // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2017. С.183-188.

УДК 168.522

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

Кривошлыкова М.В.

Цель исследования заключается в изучении особенностей формирования оппозиции «свой» – «чужой» в современной военной прозе. Предметом анализа являются повести писателя и публициста Германа Садулаева «Одна ласточка ещё не делает весны», а также писателя и журналиста Аркадия Бабченко «Алхан-Юрт». Научная новизна состоит в том, что впервые произведения русского и чеченских авторов рассматриваются в контексте культурологической проблемы стереотипизации. Данные произведения позволили раскрыть специфику бытования взаимных представлений русских и чеченцев в период военных действий в Чечне в 90-е годы XX века. Результатом исследования является вывод о том, что образ «чужого» («иног», «врага») является результатом процессов восприятия, создающих картину мира. Результатом такого деления становится конкретный образ «чужого», отталкиваясь от которого формируются границы собственной уникальности, происходит осознание культурой самобытности.

Ключевые слова: Оппозиция, «свой» – «чужой», стереотипы, война, межкультурное взаимодействие.

The purpose of the study is to study the features of the formation of the "friend" – "stranger" opposition in modern military prose. The subject of the analysis is the novel "one swallow doesn't make spring yet" by the writer and publicist German Sadulaev, and "Alkhan-Yurt" by the writer and journalist Arkady Babchenko. The scientific novelty is that for the first time the works of Russian and Chechen authors are considered in the context of the cultural problem of stereotyping. These works allowed us to reveal the specifics of mutual representations of Russians and Chechens during the war in Chechnya in the 1990. The result of the research is the conclusion that the image of the "alien" ("other", "enemy") is the result of perceptual (cognitive) processes that form a picture of the world. The result of this division is a specific image of the "alien", from the perception and evaluation of which the contours of its own uniqueness are created, and the culture becomes aware of its identity.

Keywords: Opposition, antinomy, «one's own» – «someone else's», stereotypes, war, cross-cultural interaction.

Любая культура начинается с определения собственных границ. Это важнейшее основание служит маркировкой «своего» пространства, «своих» устоев, «своих» представлений о мире, таким образом определяя сферу должного и табуированного, допустимого и запретного. Формирование культурных границ происходит посредством межкультурного взаимодействия [7]. Интеракция позволяет осознать отличия, которым являются принципиально значимыми для каждой из сторон коммуникации.

Актуальность данного исследования заключается в осмыслении самобытности и оригинальности культуры, проявляющейся в необходимости позиционировать себя иначе, противопоставлять себя другим, отличаться. Симптоматично, что современная культурология, социология, психология, лингвистика и литературоведение очень активно изучают имагологические процессы, ведь интерес к ним во многом определяется процессами глобализации, а значит, тесным взаимодействием различных типов культур, одним из которых на протяжении долгого времени приходилось находиться в своеобразной топографической изоляции, а другим – проходить процесс аккультурации вследствие исторически сложившихся геополитических факторов. Таким образом в культуре запускаются охранительные механизмы, которые препятствуют проникновению

инородных культурных форм, что, несомненно, отражается на результатах взаимодействия. Поэтому антиномия «свой» – «чужой» остается актуальной вне зависимости от контекста коммуникации [12].

Особую значимость данная антиномия приобретает в условиях войны между сторонами – участниками конфликта. Это обусловлено прежде всего тем, что противопоставление «свой» – «чужой», являясь составляющей духовной картины мира, делит ее на две части; обозначая четкую демаркацию между сферой «своих», близких, безопасных, и сферой «чужих», и опасных, при этом акцентируя внимание на знаковой, семиотической природе этого противопоставления.

Взаимодействие мусульманского и христианского типа культур традиционно для России, хотя каждый из типов стремится одновременно и к обособлению, и к взаимосвязи, что находит отражение, например, в современной военной прозе, повествующей об афганской и чеченских войнах [5], [6].

Определяя предметом данного исследования процессы взаимодействия между русскими и чеченцами в период военных действий на Северном Кавказе в 90-х годах XX века, обратимся к рассмотрению механизмов формирования оппозиции «свой» – «чужой» на примере современной военной прозы. Материалом для анализа послужили произведения литературы, выступающие как имагологический фундамент для создания образа

«чужого» («иног», «врага»), – повести Германа Садулаева «Одна ласточка ещё не делает весны» (2005 г.) и Аркадия Бабченко «Алхан-Юрт» (2006 г.). Выбор литературы в качестве предмета исследования обусловлен тем, что, данный вид искусства способен быстрее отзываться на изменения, происходящие в культуре. Образ «чужого» при этом проецируется вовне и поэтому становится доступным, узнаваемым.

Оппозиция «свой» – «чужие» по мнению Ю.С. Степанова является не только частью массового, коллективного сознания, но и способствует фиксации различий между «мне подобными» и «другими» [11, с. 126, 143]. Автор отмечает, что такое деление рождается в силу двух условий: первое – это наличие объективных причин – собственно различий; второе – это субъективное отражение реальности в сознании индивида, которое может принимать мифологизированные формы [8, с. 218].

В период военного конфликта процессы культурного самоопределения как никогда связаны с сопоставлением своего и чужого, акцентирующими различия и возводящими эти отличия в абсолюты.

В данном контексте можно выделить несколько дуалистических понятий, лежащих в основании оппозиции «свой» – «чужой»: геокультурный («Север» – «Юг»), религиозный (христианство – ислам), этнический (русские – чеченцы).

Эти основания способствуют складыванию образа «чужого» – чужого языка, чужой веры, чужой культуры. Герман Садулаев, акцентируя внимание на характеристиках настоящих чеченцев [3], пишет: «Трудно быть чеченцем <...> Пусть уходят любимые женщины, пусть нищета разоряет твой дом, пусть на твоих руках истекают кровью товарищи, ты не можешь плакать, если ты чеченец, если ты мужчина» [10]. Автор подчеркивает ценностные доминанты чеченцев, таким образом противопоставляя себя и «своих» всему остальному миру [2]. Амбивалентность оппозиции «свой» – «чужой» способствует кристаллизации ценностных доминант, рождает стройную непротиворечивую систему представлений о мире и утверждает систему должного и запретного.

Воспринимая процессы и явления внешней среды, человек определяет их значимость и дает им оценку. Иначе говоря, в процессе формирования образов своей и чужой культуры не только происходит выявление отличий, но и закладывается ценностное отношение к ним. Поэтичным и лирическим кажется отношение к Родине Г. Садулаева, в котором он сравнивает Чечню со своей мамой, защищая её, он готов пожертвовать своей жизнью: «Пришли орды кочевников, огромное войско, их сотни тысяч, и пыль, поднятая копытами их коней, заслоняет солнце. Мы примем бой на

равнине, и почти все умрем. Мы будем защищать тебя, мама!» [10]. Симптоматично, что частью родного пространства выступает солнце, свет которое заслоняет пыль, поднятая кочевниками. «Свое» пространство маркируется как безоблачное и светлое, и этот пейзаж крайне значим для осмысления образа родины, который в таком контексте сближается с образом дома [9, с. 82].

Совершенно иначе описывает место действия Аркадий Бабченко в повести «Алхан-Юрт»: «Слякоть стояла уже неделю. Холод, сырость, промозглая туманная влажность и постоянная грязь действовали угнетающе <...> Грязь была везде <...> Что он, москвич, русский двадцатитрехлетний парень с высшим юридическим образованием, делает в этом чужом нерусском поле, за тысячу километров от своего дома, на чужой земле, в чужом климате, под чужим дождём?» [1].

Современные социальные общности характеризуются высокой мобильностью и разнообразием. Это ставит человека в условия необходимости быстрого реагирования и оценки той или иной ситуации. Все это происходит вне зоны комфорта, поскольку взаимодействие часто сопряжено с многочисленными «чужими». Отметим, что когнитивные процессы психики человека следуют определенным закономерностям, которые человек не может игнорировать. В частности, в целях экономии времени и энергии индивид стремится интерпретировать происходящее, прибегая к уже сформированным представлениям (стереотипам). Особенность эта сводится к неспособности или нежеланию каждый раз детально и глубоко воспринимать, и оценивать реальность, поэтому человек стремится свести когнитивные процессы к знакомым схемам, знакам, шаблонам и маркерам.

Стереотипные представления характеризует процессы восприятия и способны создавать эмоционально окрашенные образы «врага» в самых разнообразных сферах социального и культурного взаимодействия. Отметим, что данные образы характеризуются отрицательными оценками противника. Примером может служить следующий отрывок: «Слева замелькали разбитые дома Алхан-Юрта. На одном из них, полуразрушенном белом коттедже с минаретовскими башенками по углам, зелёной краской, с ошибкой была выведена метровая надпись: «Русские – свиньи». Снизу, такими же метровыми буквами, приписка углём: «Хаттаб чмо» [1]. Лексема с отрицательной коннотацией (свиньи) и жаргонизм (чмо) маркируют отношение «своих» к «чужим» [4, с. 262] и одновременно отражают глубину многовекового противостояния, определяющего культурную картину мира двух народов.

Показательно, как одни и те же явления и предметы могут по-разному описываться и интерпретироваться сторонами интеракции. В этом

проявляются особенности механизмов стереотипизации. Характерно отношение героев произведений к смерти: «Теперь мне не страшна смерть. Ведь смерть – это больше не разлука, смерть – это встреча с тобой, мама» [10] и «С каждым разрывом ему хотелось быть в норке всё сильнее и сильнее, и, когда рвануло совсем рядом, он, вздрогнув телом, уже поверил в эту норку и с крепко зажмуренными глазами, боясь их открыть перед смертью <...> Сейчас убьёт. Зря он приехал в эту Чечню. Зря» [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ «чужого» («иног», «врага») является результатом перцептивных процессов, формирующих образ мира и место человека в нем. Данный образ, несмотря на репрезентативность является субъективным и идеальным отображением, копией реального мира. Дихотомия деления на «свои» и «чужие» присутствует в культуре постоянно, поскольку является одним из способов ее самоидентификации. При этом межкультурное взаимодействие становится условием, актуализирующим проблему этого деления. Такое компаративистское восприятие формирует яркий образ «чужого», оценка которого определяет границы собственной уникальности, происходит осознание культурой самобытности.

Список литературы

1. Бабченко А.А. Алхан-Юрт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://booksafe.net/read/babchenko_arkadiy-alhan_yurt-49651.html#p1 (дата обращения: 27.10.2020).
2. Беляева М. Постколониальный дискурс в произведении Германа Садулаева «Я – чеченец!» // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 128-133.
3. Бодалев А.А. Познание человеком человека (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты). СПб.: Речь, 2005. 324 с.
4. Волкова В.Б. Жаргонизация как одна из доминант развития современного русского языка. Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2010. Т. 2. № 68. С. 260-263.
5. Волкова В.Б. Интертекстуальные концепты в военной прозе О.Н. Ермакова конца 1980 - начала 2000 гг. Магнитогорск, 2010.
6. Волкова В.Б. Концептосфера современной военной прозы диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2014.
7. Герман Н.Ф. Оппозиция «свое – чужое» и проблемы взаимопонимания в межкультурном диалоге // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4 (32). С. 45-49.
8. Кривошлыкова М.В., Наумова В.Ю. Проблема восприятия «чужих» в культуре // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницынские чтения), 16-17 апреля 2014 года. Екатеринбург: [Гуманитарный университет], 2014. С. 217-220.
9. Легонькова В.Б. Человек и природа в романе Л. Н. Толстого "Война и мир" диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Магнитогорск, 2001.
10. Садулаев Г.А. Одна ласточка ещё не делает весны [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://booksafe.net/read/sadulaev_german-odna_lastochka_esche_ne_delaet_vesny-19730.html#p1 (дата обращения: 27.10.2020).
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, исп. и доп. М.: Академический Проспект, 2004. 992 с.
12. Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Архетипические основы антиномии «свой-чужой» в годы Кавказской войны // Общество: философия, история, культура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-osnovy-antinomii-svoy-chuzhoy-v-gody-kavkazskoy-voyny/viewer> (дата обращения: 27.10.2020).

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

ПОЛЬСКИЕ ВЛАСТИ И БЕЛОРУССКИЕ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Кривуть В.И.

Целью статьи является изучение влияния политики польских властей на процесс развития системы белорусских школ на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Характеризуются правовые нормы, регулировавшие создание школ для национальных меньшинств межвоенной Польши, а также практика польской государственной администрации в этой сфере. Освещаются основные этапы политики польских властей в отношении белорусских школ, приведшей к концу 1930-х гг. к их полной ликвидации на территории Западной Беларуси. Исследование базируется на анализе документальных источников, правовых документов, материалов белорусской и польской историографии.

Ключевые слова: Западная Беларусь, межвоенный период, национальные меньшинства, национальная политика, школьное образование.

The aim of the article is to study the influence of the policies of the Polish authorities on the development of the system of Belarusian schools in Western Belarus during the interwar period. The legal norms governing the creation of schools for national minorities of interwar Poland are characterized, as well as the practice of the Polish state administration in this area. The main stages of the policy of the Polish authorities in relation to Belarusian schools, which led to the end of the 1930s, are highlighted to their complete elimination on the territory of Western Belarus. The study is based on the analysis of documentary sources, legal documents, materials of Belarusian and Polish historiography.

Keywords: Western Belarus, interwar period, national minorities, national politics, school education.

Система образования всегда будет играть важную роль в реализации государственной молодежной политики. Особое значение и специфику она приобретает в условиях многонационального государства. Она может способствовать консолидации общества или, наоборот, вести к его расколу, что в перспективе может иметь самые неблагоприятные последствия для данного государства. В качестве примера можно привести деятельность польских властей и руководителей государственной системы образования в отношении развития белорусских школ на территории Западной Беларуси, входившей в 1921-1939 гг. в состав межвоенного польского государства, т.н. 2-й Речи Посполитой.

Белорусы являлись одним из значительных национальных меньшинств межвоенной Польши. Тогдашнее польское государство в соответствии со своей конституцией и принятыми на себя международными обязательствами гарантировало свободное развитие культуры, языка и религиозной сферы. Помимо всего прочего, Польша обещала государственную поддержку образования национальных меньшинств [1, с. 1039]. Таким образом, с формальной точки зрения права национальных меньшинств, в том числе и белорусов, были обеспечены. Но в реальности дела обстояли иначе, чем это было закреплено на бумаге.

С первых же лет существования возрожденного польского государства его правящие круги взяли курс на национальную ассимиляцию славянских национальных меньшинств. Этой цели соответствовал закон от 31 июля 1924 г.,

регулировавший правила создания и деятельности школ для национальных меньшинств 2-й РП. Помимо прочих окраинных территорий, закон касался Полесского, Новогрудского, Виленского воеводств, а также Гродненского и Волковысского поветов Белостокского воеводства.

Основным типом государственных школ на «окраинах» в целях «согласования и объединения для достойной совместной жизни населения национально смешанных земель, а не для разделения их» объявлялась двуязычная (утраквистическая) школа, которая «воспитывает хорошими гражданами Государства детей польской и непольской национальности во взаимном уважении к их национальным особенностям» [2, с. 1213].

В местностях, где проживало 25% украинского, белорусского или литовского населения, закон предусматривал обеспечение детям преподавания на родном языке при условии, что этого пожелают родители 40 детей школьного возраста. Если таковых желающих не было, языком преподавания становился польский. Если на территории одного школьного района существовали отдельные польская и белорусская (украинская, литовская) школы, то предусматривалось их объединение в одну двуязычную [2, с. 1213].

Закон от 31 июля 1924 г. предусматривал через решение языкового вопроса уменьшить социальную напряженность в восточных воеводствах. Но проблема решалась лишь формально. Исполнительные акты, которые прилагались к закону, делали развитие обучения на белорусском языке практически невозможным. Через год после введения

закона двухмиллионное белорусское меньшинство 2-й РП имело 3 школы (425 учеников) с родным языком обучения, а также 19 двуязычных школ (1 683 ученика). Всех белорусских детей, которые посещали общеобразовательные школы, было более 125 000. Таким образом, на каждую тысячу детей-белорусов только 3-4 изучали родной язык [3, с. 180].

Одновременно польские школьные власти целенаправленно вытесняли из региона учителей-белорусов. Обычно после курсов переподготовки их направляли в центральные регионы Польши. В результате в январе 1925 г. в Виленском воеводстве из 2 049 учителей 1 933 являлись поляками и только 60 – белорусами, в Новогрудском воеводстве было 1 660 учителей поляков и 78 учителей-белорусов, в Полесском воеводстве учителями являлись 1 150 поляков и 54 белорусов [4, с. 371].

После государственного переворота в мае 1926 г. и установления в Польше режима «санации» во главе с маршалом Ю. Пилсудским ряд «санационных» деятелей (Т. Голувко, Л. Василевский, К. Млодяновский) выступили за замену национальной ассимиляции государственной, которая бы укрепила 2-ю Речь Посполитую и сделала бы национальные меньшинства более устойчивыми перед влияниями с востока. Они предлагали государственную поддержку школ с белорусским языком обучения. Также предлагалось создание белорусской учительской семинарии, принятие на работу в государственные школы учителей-белорусов, разработка программ и учебников для школ с белорусским языком обучения, содействие белорусской молодежи при поступлении в высшие учебные заведения, оказание помощи белорусским просветительским организациям [3, с. 187].

Циркуляр министерства образования от 19 ноября 1926 г., направленный кураторам Виленского, Белостокского, Полесского и Волынского школьных округов, требовал, чтобы учителя и школьные инспекторы владели местным языком [5, с. 122]. В связи с такой позицией руководства министерства в 1927-1929 гг. были проведены трехнедельные курсы белорусского языка для учителей в Лиде, Несвиже, Свентянах, Пружанах, Слониме и Гродно [5, с. 123]. Но данные курсы не имели значительного результата в виде распространения белорусского языка в школах. В результате сопротивления местной школьной администрации и локального самоуправления обучение на белорусском языке во всеобщих школах очень часто ограничивалось только занятиями по физической культуре и уроками труда [6, с. 204-205].

Польские власти попытались улучшить положение с обеспечением учебниками белорусских всеобщих школ. Для этого в 1929 г. был издан букварь С. Любич-Маевского. Однако это был неудачный учебник. Филологи насчитали в нем более 250 опечаток и нарушений правил педагогики, а

также фонетики, морфологии и орфографии белорусского языка [5, с. 134].

В 1927/1928 учебном году на территории Западной Беларуси существовали 23 государственные белорусские школы (1 960 учеников) и 49 утраквистических (5 670 учеников) [7, с. 109]. Кроме того, действовали частные белорусские гимназии в Вильно, Новогрудке, Клецке и Радошковичах.

Но планы либеральных деятелей «санации» по государственной ассимиляции не реализовались. Для этого не было соответствующей материальной базы, и, главное, либеральная политика не встретила благосклонности местной польской администрации. Не поддержал ее и Ю. Пилсудский, который являлся сторонником сохранения польского языка в качестве единственного государственного, а в отношении белорусского языка утверждал, что он является «таким тяжелым и неразработанным, что не может быть языком школы и управления» [5, с. 121]. Кроме того, польский диктатор больше надеялся на репрессивные методы решения национального вопроса, а не на удовлетворение национально-культурных потребностей населения окраин польского государства. Все это привело к фактическому разгрому белорусских школ на территории Западной Беларуси.

Уже в 1928 г. была закрыта белорусская гимназия в Радошковичах. При ее закрытии власти формально ссылались на близость польско-советской границы, низкий уровень обучения, невостребованность со стороны местного белорусского населения [8, с. 88].

Местные польские власти не выполняли даже нормы польского законодательства. Так, например, белорусский депутат в польский сейм Ф. Волинец в феврале 1929 г. сообщал, что в Барановичском повете было подано 370 деклараций о желании открыть белорусско-язычные школы. Такое желание выказали родители 723 детей. Таким образом, можно было бы открыть 18 школ, но в повете действовали только 2 белорусские и 4 утраквистические школы. Всего по 17 западно-белорусских поватах было подано 10 854 декларации (около 20 000 детей), что предусматривало создание 481 белорусской школы. Но этого не произошло [7, с. 109].

Местное воеводское руководство фактически осуществляло концепцию национальной ассимиляции славянских меньшинств. Это повлияло и на развитие белорусских школ. Еще в январе 1929 г. виленский воевода В. Рачкевич заявлял про то, что стремление белорусов к национальной школе является опасным [4, с. 371].

Такое отношение польских властей к белорусскому вопросу сохранялось до самого начала Второй мировой войны. Так, новогрудский воевода А. Корвин-Соколовский в 1937/1938 учебном году рекомендовал полную ликвидацию белорусских и литовских школ и замену их польскими. Также

рекомендовалось «полное вытеснение непольского элемента с постов учителей» [4, с. 375-376]. С ним был полностью солидарен полесский воевода В. Костек-Бернацкий, который заявлял: «Не может быть и речи, как минимум, на протяжении 10 ближайших лет, чтобы учителем на Полесье был русский, украинец, белорус или даже местный житель Полесья» [9, л. 16]. Характерно, что в Полесском воеводстве полиция по приказу властей проводила специальные мероприятия в отношении учителей-православных, которые декларировали свою национальность как польскую. Поветовые коменданты полиции должны были отслеживать, на каком языке такие учителя разговаривают с соседями [6, с. 82].

В результате политики польских властей на протяжении 1930-х гг. шло активное сокращение немногочисленных всеобщих белорусско-язычных и двуязычных школ. Так, в 1934/1935 учебном году существовали 16 белорусско-язычных школ, через два года – 8, а в 1937/1938 учебном году их вообще не было. В 1936/1937 учебном году на территории Западной Беларуси действовали 13 утраквистических школ (1 566 учеников), а в следующем году – только 5 (766 учеников). Кроме того, в 44 школах с польским языком обучения белорусский язык преподавался в качестве отдельного предмета для 8 200 учеников [7, с. 113].

Не лучшим образом обстояли дела и с белорусскими гимназиями. В 1929/1930 учебном году в трех частных белорусских гимназиях (в Вильно, Новогрудке и Клецке) училось около 400 учеников. В 1931 г. была закрыта гимназия в Клецке. Куратор Виленского школьного округа не выдал ей концессию на следующий учебный год, объяснив свое решение низким воспитательно-учебным уровнем гимназии и тем, что она является центром коммунистической акции. Одновременно уменьшилось количество оплачиваемых государством учительских должностей (с семи до трех) в Виленской и Новогрудской гимназиях. Из 200 000 злотых, которые были выделены сеймом на строительство интерната при Новогрудской гимназии, было ассигновано только 50 000 [5, с. 137].

В сентябре 1932 г. под предлогом выполнения нового школьного законодательства на территории Виленского школьного округа начался процесс превращения белорусских гимназий в филиалы местных польских гимназий. До этого они являлись собственностью родительских комитетов. Изменение правового статуса власти объясняли заботой об уровне обучения и улучшении материальных условий. Действительно, с приобретением государственного статуса белорусские гимназии улучшали существующую материально-финансовую базу, но теряли свою самостоятельность [8, с. 88].

После того как Новогрудская белорусская

гимназия была превращена в филиал польской государственной гимназии имени А. Мицкевича, она просуществовала только два года. При этом белорусский язык изучался в ней только в качестве дополнительного предмета. Летом 1934 г. белорусский филиал гимназии в Новогрудке был ликвидирован, поскольку, как сообщал воевода, кроме нескольких евреев, не было желающих изучать белорусский язык [6, с. 82]. Характерно, что виленская пресса отмечала, что на закрытие белорусского филиала в Новогрудке повлияло именно огосударствление, которое привело к повышению в четыре раза платы за обучение и задержке строительства интерната для учащихся [5, с. 138].

Виленская белорусская гимназия стала филиалом польской государственной гимназии имени Ю. Словацкого. Согласно новому школьному законодательству, она была превращена в четырехклассную (ранее там было восемь классов). Родительский комитет добивался открытия на ее базе гуманитарного лицея в 1937/1938 учебном году, но школьные власти не позволили этого. Кроме того, в 1938/1939 учебном году руководство Виленского школьного округа приказало ликвидировать первый класс гимназии. Летом 1939 г. власти разрешили провести вступительные экзамены, но положение единственной белорусской гимназии оставалось неопределенным [8, с. 88]. В связи с этим есть все основания утверждать, что система белорусских школ на территории Западной Беларуси перестала существовать.

Что касается деятельности польско-язычных школ, то она фактически была направлена на колонизацию местной молодежи. Так, в 1937 г. новогрудский воевода А. Корвин-Соколовский на совещании воевод и командующих военных округов открыто заявил: «В школе необходимо делать определенное давление в направлении обработки белорусов. Часто это будет насильственно, но цель является великой... Школа – это то, что создает польскость. Лозунг про аполитичность школы – это какое-то недоразумение. На окраинах школа должна быть политической, это оружие, которое используется политической администрацией» [10, с. 104].

В результате в школе складывалась ситуация, которую хорошо характеризуют слова одного ученика-белоруса: «На протяжении всего обучения во всеобщей школе я вообще ничего не услышал о своей деревне, о культуре и творчестве народа, от крови и кости которого мы происходим. Никто ни слова не сообщил ни про историю белорусской нации, ни про ее литературу» [7, с. 113]. Такие свидетельства только лишний раз подтверждали колонизаторский характер школьной системы 2-й Речи Посполитой.

Таким образом, одним из серьезных недостатков школьной системы межвоенного

польского государства, в состав которого входила Западная Беларусь, являлось игнорирование культурно-образовательных потребностей национальных меньшинств. Ярким проявлением такой позиции польских властей была судьба белорусско-язычных школ, которые после относительной либерализации конца 1920-х гг., вызванной политической конъюнктурой, были полностью ликвидированы польским «санационным» режимом к концу 1930-х гг. Это было нарушением конституционных гарантий и международных обязательств межвоенной Польши и являлось одной из причин национальной напряженности, что имело серьезные последствия в сентябре 1939 г., когда значительная часть населения западно-белорусского региона в лучшем случае безразлично отнеслась к крушению польской государственности.

Список литературы

1. Traktat między głównymi mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Polska podpisany w Wersalu 28 czerwca 1919 r. // *Dziennik Ustaw*. 1920. № 110. S. 1933-1946.
2. Ustawa z dnia 31 lipca 1924 r., zawierająca niektóre postanowienia o organizacji szkolnictwa // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1924. № 79. S. 1212-1214.
3. Латышонак А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. 368 с.
4. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917-1945 гг. / пад. рэд. М. Касцюка. Мінск: Экаперспектыва, 2006. 613 с.
5. Siemakowicz M. Szkoły z białoruskim językiem nauczania na tle polityki władz polskich wobec ludności białoruskiej od zamachu majowego do końca II Rzeczypospolitej // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2002. № 17. S. 119-140.
6. Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. 294 s.
7. Mauersberg S. Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918-1939. Wrocław: Ossolineum, 1968. 230 s.
8. Вабішчэвіч А. М. Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920 – 1930-я гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2002. – № 18. – S. 78 – 90.
9. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 1659.
10. Mironowicz E. Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937-1939 // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. № 25. S. 102-115.

ИННОВАЦИИ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ: АСПЕКТЫ ПАТЕНТОВАНИЯ

Лыгин М.М.

Цель настоящего исследования – изучение особенностей инновационного развития, выявление причин отказов в выдаче патентов в сфере электроэнергетики. Методы исследования: патентный информационный поиск, анализ административной практики Палаты по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента). Результаты исследования: рассмотрены патентные споры в сфере электроэнергетики с целью анализа причин отказов в выдаче патента (несоответствие условиям патентоспособности, противоречие законам природы и знаниям современной науки о них, отсутствие технического результата, полноты, необходимой для осуществления, результатов экспериментов и испытаний).

Ключевые слова: Инновации, электроэнергетика, патент, условия патентоспособности, промышленная применимость.

Annotation. The purpose of this study is to study the features of innovative development, identify the reasons for refusal to grant patents in the field of electric power. Research methods: patent information search, analysis of administrative practice Of the chamber for patent disputes of the Federal service for intellectual property (Rospatent). Research results: patent disputes in the electric power industry are considered in order to analyze the reasons for refusal to grant a patent: non-compliance with the conditions of patentability, contradiction to the laws of nature and knowledge of modern science about them, lack of technical results, completeness necessary for implementation, results of experiments and tests.

Keywords: Innovation, electric power industry, patent, patentability conditions, industrial applicability.

Соответствие критериям патентоспособности является необходимым условием патентования [3]. Проведённый нами информационный поиск даёт возможность проанализировать причины отказов в выдаче патентов в сфере электроэнергетики в последние годы.

Нами рассмотрено возражение на решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности об отказе в выдаче патента на изобретение «Устройство для создания тяги» [4]. Принцип работы заявленного технического решения: устройство состоит из двух или более конденсаторов, которые расположены в ряд и у которых пластины могут выполнять возвратно-поступательное движение в продольном направлении друг относительно друга, а пластины оставшихся конденсаторов имеют возможность возвратно-поступательного движения в поперечном направлении относительно предыдущих конденсаторов. Отличительной чертой устройства является возможность поступательного движения соединённых между собой конденсаторов друг относительно друга в разных плоскостях. Причины отказа в выдаче патента заключаются в том, что, во-первых, материалы заявки не соответствуют требованию раскрытия сущности изобретения с полнотой, достаточной для осуществления заявленного изобретения специалистом в данной области техники. Во-вторых, отсутствуют сведения о конструктивных и функциональных связях между заявленным предложением и транспортным

средством. В-третьих, отсутствуют объективные данные (результаты проведения эксперимента, испытаний или оценок) или теоретические обоснования, основанные на научных знаниях. В защиту своих интересов заявителем были приведены следующие доказательства: экспертное заключение научного руководителя ФГБНУ ФНАЦ ВИМ; теоретические источники информации (учебные пособия и материалы). В удовлетворении возражения заявителю было отказано. По нашему мнению, с точки зрения физики создать данное устройство невозможно, так как необходимо организовать однонаправленное излучение электромагнитной волны: как это сделать, не указывается. Заявитель не смог построить или смоделировать работу изобретения в компьютере. Остается непонятным, на каких реальных законах оно должно работать. В своих аргументах заявитель представлял такие источники информации, автором которых являлся он сам. Эта информация не находила научного подтверждения в изданиях РАН. Единственный возможный выход – создание работающей экспериментальной модели, которая бы полностью соответствовала заявленным возможностям. По словам заявителя, на это способен любой специалист, работающий в данной области техники.

Интересным с точки зрения нашего исследования представляется возражение ООО «Велес» против выдачи патента на полезную модель «Композиционное греющее электрическое устройство» [5]. Устройство состоит из

изоляционного слоя и резистивного нагревательного элемента (резистора), который подключается к источнику тока. Нагревательный элемент выполнен из гибкого листового элемента, который покрыт изоляционным слоем, сделанным на основе синтетической смолы. Отличительной чертой устройства, по словам автора, является наличие в устройстве синтетической смолы с добавлением катализатора тканного или нетканого армирующего материала плотностью 0,01 кг/м² до 2 кг/м², а также само наличие теплоизоляционного слоя. Причинами отказа в выдаче патента стало несоответствие полезной модели критерию «новизна». Признаки «с добавлением катализатора», «плотностью 0,01 кг/м² до 2 кг/м²» и «тканного или нетканого» не являются существенными. Представлены уже существующее решение из другого патентного документа и ГОСТ Р 52161.2.96-2006 «Безопасность бытовых и аналогичных электрических приборов. Часть 2.96 Частные требования для гибких листовых нагревательных элементов для обогрева жилых помещений». В удовлетворении возражения заявителю было отказано. По нашему мнению, заявителю для защиты своей позиции необходимо найти патенты, которые были бы схожи по наличию армирующего вещества в составе. Если таковых не имеется, то смысла в дальнейшем разбирательстве нет.

Мы рассмотрели также возражение на решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности об отказе в выдаче патента на изобретение «Резонансный генератор электрической энергии» [6]. Инвертор превращает постоянное напряжение в переменное, часть которого после выпрямителя подаётся обратно на вход устройства, а оставшаяся часть идёт на раскачивание первого контура, который должен потом раскачивать второй контур. После идёт переключение на вторую схему, где второй контур меняется на другой такой же, но уже связан с первым контуром по-другому. Энергия от верхнего контура поступает на инвертор, и цепь замыкается, тем самым выдавая полезную электрическую мощность без поступления какой-либо энергии извне. Причины отказа в выдаче патента: заявленное решение не является техническим решением и противоречит известным законам природы и знаниям современной науки о них, не указана техническая проблема, решаемая изобретением, и не указан технический результат, обеспечиваемый изобретением. Нет соответствия критерию «промышленная применимость». Как нам представляется, вместо указания на несостоятельность идеи с технической точки зрения, коллегия решила указать на отсутствие технической проблемы и несоответствие критерию «промышленная применимость», после чего заявитель не стал доказывать свою правоту. Данное устройство представляет собой вечный двигатель,

который на данный момент в природе невозможен, но попытки создать который предпринимаются каждый год различными изобретателями. Развитие технического знания и практики приведет к тому, что вечный двигатель, возможно, будет создан, но очень не скоро. Различные концепции его создания уже рассматриваются научным миром, но не более [1], [2].

Также нами рассмотрено возражение АО НТЦ «Энергосбережение» против выдачи патента Российской Федерации на полезную модель «Устройство для электрического обогрева технологических объектов вихревыми токами» на имя ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет» [7]. Устройство состоит из источника питания переменного тока, нагревательной трубки, внутри которой протянут проводник и коммутирующее устройство. Концы проводника соединены с выходами коммутирующего устройства, а входы коммутирующего устройства – с источником питания. В обоснование своих требований заявитель указал, что полезная модель не является техническим решением, относящимся к устройству, и не соответствует критериям «новизна» и «промышленная применимость». Представлены источники информации, включающие в себя патент на похожее устройство и буклет НТЦ «Энергосбережение». Также указывается, что полезная модель характеризует не одно устройство, а систему нескольких устройств, а значит, формула составлена с нарушением единства. Некоторые компоненты не являются существенными, т.к. не находятся в причинно-следственной связи между собой. Палатой по патентным спорам возражение было удовлетворено, патент признан недействительным полностью, т.к., решение, предложенное патентообладателем, относится к системе, а не устройству. Отсутствуют какие-либо конструкторские связи, есть только функциональные, а это не приводит к созданию нового устройства. Наличие буклета НТЦ «Энергосбережение» позволяет признать полезную модель не соответствующей критерию «новизна». По нашему мнению, патентообладатель проявил халатность к защите своей полезной модели, за что и поплатился. Необходимо было доказывать свою правоту: найти документы, которые были созданы раньше, чем буклет НТЦ «Энергосбережение», и доказать отсутствие сходства полезной модели с представленными заявителем источниками информации. На данный момент необходимо создать устройство аналогичного принципа действия с условием наличия каких-либо конструктивных связей его компонентов, после чего заново патентовать устройство.

Ещё одним рассмотренным нами документом является возражение индивидуального предпринимателя А.Г. Добрынина против выдачи

патента Российской Федерации на полезную модель «Электрический самовар» на имя ООО «ПластМет» [8]. Это электрический самовар с крышкой; корпусом, в который вмонтирован электронагревательный элемент; основанием, в котором вмонтировано автоматическое отключение. Отличительной чертой устройства, по словам автора, является то, что автоматическое отключение выполнено в виде термостата, поджатого к нижней стенке корпуса и связанного со схемой электромеханического реле, нормально-разомкнутой кнопки без фиксации и светодиода. Технический результат заключается в предотвращении самопроизвольного повторения включения электронагревателя. Заявитель настаивал на несоответствии полезной модели критерию «новизна». Все существенные признаки формулы полезной модели известны из прилагаемого патента. Все признаки формулы являются несущественными, так как не находятся в причинно-следственной связи с техническим результатом. В доказательство были приложены источники информации, включающие Толковый словарь русского языка и Политехнический словарь. В удовлетворении возражения было отказано, т.к. отличительные признаки являются существенными, хотя некоторые не присущи техническому решению. Также возражение не содержит доводов, позволяющих признать полезную модель, не соответствующую критерию «новизна». Как нам представляется, необходимо найти такое же конструкторское решение, как у патентообладателя, но только с термостатом и соответствующей электрической цепью, чтобы доказать несоответствие критерию «новизна». Это самый обычный электрочайник, но только с автоматической системой управления.

Таким образом, как показывает проведённый нами анализ, причинами отказов в выдаче патентов являются следующие: прежде всего речь идёт о несоответствии заявленных технических решений условиям патентоспособности (новизне и промышленной применимости), о противоречии сути технического решения известным законам природы и знаниям современной науки о них. Заявителем может быть не указана техническая проблема, решаемая изобретением, и не указан технический результат, обеспечиваемый изобретением. В материалах заявки может обнаружиться несоответствие требованию раскрытия сущности изобретения с полнотой, достаточной для осуществления заявленного изобретения специалистом в данной области техники. Сведения о конструктивных и функциональных

связях между элементами, приводящими к созданию нового устройства, могут отсутствовать. В заявке могут отсутствовать теоретические обоснования, основанные на научных знаниях, данные о результатах проведения экспериментов, испытаний или оценок.

Список литературы

1. Дегтярев Е.В. О некоторых аспектах технического знания // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 33 (170). С. 100-102.
2. Карпова Е.В. «Вечный двигатель»: проблемы защиты интеллектуальной собственности // Экономика и предпринимательство. 2019. № 12 (113). С. 1129-1131.
3. Карпова Е.В., Кива-Хамзина Ю.Л. Соответствие условиям патентоспособности: гражданско-правовые аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 9А. С. 148-157.
4. Решение Роспатента от 06.12.2018 по заявке № 2017119201/63 [Электронные ресурсы] // Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) – официальный сайт. URL: http://www.fips.ru/cdfi/pps.dll?File=_new/2019/2019%С201396/2019%С201396-2019.10.02.htm (дата обращения 07.06.2020).
5. Решение Роспатента от 01.07.2019 по заявке № 2014116014/07 [Электронные ресурсы] // Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) – официальный сайт. URL: http://www.fips.ru/cdfi/pps.dll?File=_new/2018/2018%С210469/2018%С210469-2019.04.16.htm (дата обращения 12.06.2020).
6. Решение Роспатента от 25.09.2018 по заявке № 2017120760/07 [Электронные ресурсы] // Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) – официальный сайт. URL: http://www.fips.ru/cdfi/pps.dll?File=_new/2018/2018%С209288/2018%С209288-2019.07.03.htm (дата обращения 12.06.2020).
7. Решение Роспатента от 08.12.2017 по заявке № 2015102482/07 [Электронные ресурсы] // Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) – официальный сайт. URL: http://www.fips.ru/cdfi/pps.dll?File=_new/2017/2017%С202793/2017%С202793-2018.04.25.htm (дата обращения 13.06.2020).
8. Решение Роспатента от 25.04.2018 по заявке № 2014135694/12 [Электронные ресурсы] // Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) – официальный сайт. URL: http://www.fips.ru/cdfi/pps.dll?File=_new/2018/2018%С202766/2018%С202766-2018.08.23.htm (дата обращения 14.06.2020).

УДК 008

МИССИОНЕРСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА В XII-XVIII ВЕКАХ

Малеко Е.В., Малеко В.Е.

В статье рассмотрен вопрос о значимости миссионерской и просветительской деятельности на Урале в период развития региона в XII-XVIII вв. Автором выдвинута гипотеза о том, что под непосредственным влиянием этой деятельности происходило формирование и развитие духовной культуры края. В процессе исследования были использованы социологический и деятельностный методы, позволившие представить значимость миссионерской и просветительской деятельности в рамках общественной жизни населения региона. Итогом работы стал вывод о том, что деятельность христианских миссионеров на Урале способствовала консолидации общества, состоявшего из представителей разных этнических групп и народностей. Общее и профессиональное просветительство XIV-XVIII вв. в регионе стало началом рождения новой заводской интеллигенции, которая определяла духовное развитие Урала в последующие столетия.

Ключевые слова: Духовная культура, региональная культура, Урал, миссионерская деятельность, просветительская деятельность.

The article discusses the importance of missionary and educational activities in the Urals during the development of the region in the XII-XVIII centuries. The author hypothesizes that the formation and development of the spiritual culture of the region took place under the direct influence of this activity. In the course of the research, sociological and activity methods were used, which allowed us to present the importance of missionary and educational activities in the social life of the population of the region. The result of the work was the conclusion that the activities of Christian missionaries in the Urals contributed to the consolidation of a society consisting of representatives of different ethnic groups and nationalities. General and professional enlightenment of the XIV-XVIII centuries in the region was the beginning of the birth of a new factory intelligentsia, which determined the spiritual development of the Urals in the following centuries.

Keywords: Spiritual culture, regional culture, the Urals, missionary activities, educational activities.

Урал – территория пересечения различных культур, именно поэтому Уральские горы исторически представляются границей между двумя мирами: западным и восточным [7, с. 103]. Народы, заселившие регион еще в XII столетии, – башкиры, татары, русские, удмурты и многие другие – имели разные религиозные убеждения. В уральских землях христианство тесно соседствовало с исламом, а также с язычеством в различных его этнических вариантах. Отличие в вопросах вероисповедания часто становилось причиной межэтнических конфликтов, сопровождавших процессы расселения, распределения и закрепления территорий за отдельными этносами.

Проблема межкультурного взаимодействия народов на Урале осложнялась и еще одним обстоятельством. Регион был значительно удален от центра, процессы развития культуры здесь шли не столь интенсивно, как, например, на территориях Московского, Новгородского или Владимиро-Суздальского княжества. Большая часть населения Урала вплоть до начала XIX века оставалась неграмотной, т.к. просвещение могло прийти в этот регион только совместно с цивилизацией. Вследствие сложившегося положения историки культуры отмечают существенное отставание уральских народов в духовном и материально-техническом развитии от населения центральной Руси [3], [4].

Рассмотрение обозначенных проблем делает

данную работу вполне актуальной. В наши дни важно понять, какой исторический путь был пройден столь значимым российским регионом, что сыграло принципиальную роль в формировании его культуры. Важно осознавать, что путь духовного развития Урала – это неотъемлемая часть культурно-исторического пути всей России. Изучение региональной культуры позволяет нам составить более объективные представления о значимых этапах развития всего государства.

Научная новизна исследования заключена в том, что в нем подчеркнута значимость миссионерства и просветительства в рамках процессов консолидации различных этносов в пределах отдельного регионального образования. В данной статье нам хотелось объяснить причины мирного сосуществования народов в уральском регионе на протяжении длительного периода вплоть до современного этапа, важно было обнаружить историко-культурные предпосылки исследуемого положения.

Целью работы стало разъяснение принципов деятельности отдельных исторических личностей, сыгравших важную роль в процессах формирования и развития духовной культуры Урала в XII-XVIII вв.

В числе задач, которые решались в ходе исследования, мы можем назвать следующие:

– во-первых, был предпринят анализ деятельности миссионеров, утверждающих

христианскую веру с целью объединения разрозненных по этническому признаку народов Урала;

– во-вторых, обозначены принципы деятельности уральских просветителей, стремлением которых было повышение уровня образования и профессионального мастерства тех, кто проживал в регионе;

– в-третьих, определено конкретное значение миссионерской и просветительской деятельности в контексте региональных культурных процессов в области консолидации и развития этносов.

Рассматриваемые в статье вопросы явились предпосылкой для выбора методов исследования. Автором статьи был использован социологический метод, позволивший представить значимость миссионерской и просветительской деятельности в рамках общественной жизни населения региона. Деятельностный метод дал возможность рассмотреть миссионерство и просветительство как культурную деятельность, направленную на преобразование духовной составляющей существования региона в целом. Метод обобщения был необходим для подготовки объективных выводов, полученных в процессе исследовательской работы.

В представленной статье мы опирались на те исследования, в которых региональные процессы в области культуры рассмотрены как важная часть историко-культурного пути государства. В этом смысле нам близка точка зрения Г.М. Казаковой [5], А.Ю. Ерыкалиной, В.С. Толстикова [1], Ч.К. Ласло [6], В.А. Нагорной [8]. Все перечисленные исследователи сходятся во мнении о том, что культуру России формируют регионы, они являются носителями тех черт, которые составляют этнокультурное своеобразие всего государственного образования.

Рассматривая процессы, происходившие в духовной жизни Урала, мы пришли к выводу о том, что на территории региона длительный период времени занимало противоборство двух духовных направлений – христианской веры и язычества. До прихода русских на Урал у татар и башкир, вогуличей, коми-зырян, народов ханты и манси формируются устойчивые культы, связанные с поклонением природным стихиям. Историки В.А. Оборин, С.Г. Пархимович [4, с. 53-54.] отмечают, что до конца XVIII столетия эти народы ведут присваивающее хозяйство, занимаясь исключительно охотой, бортничеством и собирательством. Такое существование уральских народов делало их жизнь единой с жизнью природы, что подтверждается рядом исторических фактов. Так, находки, относящиеся к языческому прошлому региона, были сделаны в Зауралье на территории бывшего «Пелымского городка». Здесь находилось большое языческое святилище с идолами, высеченными из дерева и имеющими человеческий

облик. Религиозный языческий центр был устроен возле священной лиственницы («лествицы»), вокруг которой в расставленных кумирницах хранились орудия для убийства жертвенного скота, стрелы и копья. Количество останков жертвенных животных является свидетельством того, что кровавые ритуалы совершались довольно часто. В так называемых Черных юртах [3, с. 34] пелымцев хранилась важная языческая реликвия – черное копьё, святыня, которая почиталась многими уральскими народами. Сейчас можно предположить, что язычество на Урале долгое время оставалось фактором, сдерживающим развитие края. Эта ситуация осложняла и межкультурное взаимодействие с русскими, которые принесли в регион достижения цивилизации: строительство городов, ведение пахотного земледелия, развитие скотоводства и многочисленные промыслы. Для консолидации населения на Урале нужна была общая вера, этапы утверждения которой оказались сложными и неоднозначными.

Сейчас мы можем говорить о том, что процессы христианизации Руси были продолжены далеко за пределами Киева именно на Урале. Огромное значение в утверждении христианской веры здесь принадлежало отдельным сподвижникам – миссионерам. Результаты миссионерской деятельности на Урале были различными. В качестве положительного примера мы можем отметить деятельность православного иеромонаха Стефана по прозвищу Храп. Летописи свидетельствуют, что христианский миссионер в 1379 году путешествует по Уралу и Сибири, получив благословение епископа Герасима, с целью «проповеди слова Божия среди нечестивые племени пермян» [2, с. 53]. Молодой иеромонах оказался прогрессивным деятелем своего времени. Он был сыном русского и коми-зырянки, а потому с детства владел двумя языками. К своей непростой миссии Стефан подготовился заранее. Он перевел на коми-зырянский язык главные церковные книги, для чего ему понадобилось разработать собственную коми-азбуку. Таким образом, он положил начало коми-зырянской письменности. За короткий срок силой одного лишь своего убеждения иеромонах Стефан обратил в православие огромное число вычегодских коми-зырян. Он основал в их землях три церкви и открыл при них общедоступные училища. Миссионерский и просветительский подвиг Стефана сейчас сравним с духовным подвигом просветителей славян Кирилла и Мефодия. Нужно добавить также, что деятельность миссионера способствовала расширению влияния русских властей в уральских и сибирских землях. В 1383 году иеромонах побывал в Москве с просьбой об учреждении в Зауралье Пермской епархии, на что получил полное одобрение со стороны действующего тогда митрополита Пимена и великого князя Дмитрия Донского. В итоге Стефан стал первым епископом Пермской епархии, центр которой находился в

историческом Усть-Вымске, символически основанном на месте древнего языческого капища. Деятельность епископа стала сподвижничеством в области консолидации народов под началом единого государственного центра и власти. В XIV веке эти процессы в уральском регионе только зарождались, а потому духовная миссия Стефана может быть названа прогрессивной, а его просветительская инициатива особенно значимой.

Деятельность первого уральского епископа не прошла бесследно: у него появилось большое число последователей. Однако не для каждого из них выполнение сложных миссионерских и просветительских задач оказалось столь же успешным. Так, один из ближайших преемников Стефана, другой пермский епископ Питирим также ставит своей целью обращение язычников в христианскую веру. Его путь лежал на территории, прилегающей к современному городу Пермь, чтобы «крестить в святой вере чердынцов» [2, с. 53]. Но миссия Питирима не была успешной. Его жизнь оборвалась трагически: он был захвачен в плен и убит язычниками-вогуличами (народом манси), которые вели себя воинственно ко всем иноземцам.

Располагая историческими данными, мы можем утверждать, что даже трагические события не остановили миссионерской деятельности в уральских землях и в Зауралье. Уже через семь лет дело, начатое Питиримом, было продолжено. В 1462 году другой пермский епископ Иона крестил чердынских язычников, «поставя им церкви и попы» [2, с. 54], утвердив христианскую веру среди ранее враждебных народов. На месте исторических событий был устроен первый на Урале Иоано-Богословский монастырь, что еще более упрочило существование христианской культуры в регионе. Это событие принято считать началом монастырской колонизации Урала, сделавшей культуру региона органичной частью православной культуры государства.

Важно заметить, что деятели русской православной церкви на территории Урала стали первыми действующими просветителями. Общедоступных школ в регионе не было практически до конца XVIII столетия. Чтению, письму и счёту в зажиточных семьях обучались дома. В качестве учителей выступали все те же представители духовного сословия: писчие дьяки и площадные подьячие. Грамотные духовники стали составителями уральских летописей: до наши дней дошли и сохранились в различных сводах «Строгановская летопись», «Вологодско-Пермский летописный свод», «Коми-Вымская летопись» и другие источники. Только в XVIII в. на Урале стала складываться сеть учебных заведений. Так, в 1701 году тобольский воевода М.Я. Черкасский выступил инициатором создания первой общедоступной школы. Считается, что именно это учебное заведение стало одной из первых школ в советской России. Уже

в начале XVIII столетия на Урале стали открываться училища при монастырях. Известны такие учебные заведения при Николаевском, Успенском, Троицком, Далматовском и Успенском монастырях. В монастырских училищах могли обучаться дети представителей разных сословий. Они были открыты даже для крестьян. Такая доступность учебных заведений стала причиной существенного изменения уровня образованности населения края. Урал из отсталого региона с низким уровнем духовной культуры населения постепенно превращается в мощный промышленный регион, где развитие происходит и в духовном, и в материально-техническом направлении.

Уникальность процессов просвещения на Урале состоит в том, что здесь очень рано появились профессиональные учебные заведения – горнозаводские школы. Они открывались при крупных железоделательных заводах по инициативе первого «горного» начальника края В.Н. Татищева [3, с. 198]. Детей работников казенных заводов и приписных крестьян обучали читать и писать, им давали знания в области арифметики и геометрии, чтобы впоследствии получить подготовленных работников для трудовой деятельности на сложном и ответственном производстве. В.Н. Татищева можно признать первым уральским просветителем в области профессиональной подготовки кадров. Можно отметить, что созданные по его инициативе учебные заведения стали прообразом многочисленных технических лицеев, училищ и университетов, созданных на Урале в последующие столетия.

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем утверждать, что начало вхождения Урала в число российских регионов во многом определено процессами христианизации края. Установление господствующего положения данного вероучения напрямую связано с деятельностью первых уральских миссионеров и просветителей – представителей русского духовенства. Их подвижничество имело широкое культурное значение. В результате утверждения христианской веры на Урале повышалась грамотность, создавались первые летописные своды и монастыри. Именно христианство и христианские миссионеры выполнили на Урале важнейшую функцию, подготовившую консолидацию общества, состоявшего из представителей разных этнических групп и народностей.

Огромное значение на Урале имело профессиональное просвещение, подготовившее поколение мастеров, имеющих глубокие знания в области инженерно-технических процессов на крупных заводах. Профессиональное просветительство стало началом рождения новой заводской интеллигенции, которая определяла духовное развитие Урала в последующие столетия. В результате отмеченных процессов, уральский регион

смог выйти на новые пути развития, его население избежало серьезных проблем в рамках межкультурного взаимодействия, что и в наши дни дает возможность считать уральский край территорией толерантного существования культур и народов.

Подготовленное исследование может иметь практическую значимость для историков, культурологов, социологов, предметом исследования которых являются региональные культуры. Данная статья открывает пути изучения процессов просвещения в их непосредственном влиянии на становление локальных государственных образований – регионов, краев и областей. Этот вопрос может быть рассмотрен не только в исторической перспективе, но и в современном культурном контексте, где вопросы просветительского миссионерства также не утратили своего значения.

Список литературы

1. Ерыкалина А.Ю., Толстиков В.С. Духовная культура Южного Урала начала XX века (обзор современной историографии) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (29). С. 61-64.
2. Есикова Е.М. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди нехристианского населения оренбургской епархии (1859-1917 гг.). Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2010.
3. История Урала с древнейших времен до конца 19 века / под ред. академика Б.В. Личмана. Екатеринбург, 1998. 256 с.
4. История Урала с древнейших времен до конца 18 века: Сборник материалов и документов / под ред. Б.Б. Овчинниковой. Екатеринбург, 1995. 341 с.
5. Казакова Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала). Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2009.
6. Ласло Ч.К. Социокультурная адаптация древнего и средневекового населения Южного Урала // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 112-120.
7. Малеко Е.В. Гора Магнитная (Атач) как хронотоп культуры Южного Урала // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-2 (55). С. 102-105.
8. Нагорная В.А. Национальные проблемы на Южном Урале, национальная культурная политика в области образования и культуры: история и современность // Клио. 2012. № 3 (63). С. 93-96.

УДК 373.3

РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Муус Г.Н.

В статье рассматривается проблема развития морально-этической ориентации личности на примере младшего школьного возраста. Автор анализирует социальные, психологические и педагогические аспекты названного феномена и рассматривает российской культурное литературное наследие как средство, влияющее на него.

Ключевые слова: Морально-этическая ориентация, российской культурное литературное наследие, младший школьник.

The article examines the problem of the development of the moral and ethical orientation of the individual on the example of primary school age. The author analyzes the social, psychological and pedagogical aspects of the named phenomenon and considers the Russian cultural literary heritage as a means of influencing it.

Keywords: Moral and ethical orientation, Russian cultural literary heritage, children of primary school age.

Социокультурные процессы, происходящие в жизни современного российского общества, привели к необходимости формирования и реализации обновленной модели образования, обеспечивающей повышение качества жизни населения, в том числе за счет доступности качественного образования. В соответствии с требованиями инновационного развития экономики, современными потребностями общества и каждого гражданина сформулирована актуальная задача определения подходов к смысловому и ценностному наполнению содержания образования. Уже в школе дети должны получить возможность раскрыть свои способности, таланты и дарования, сориентироваться в высокотехнологичном конкурентном мире, стать частью достаточно аутентичного российского общества. Этой задаче должны соответствовать обновленные образовательные стандарты, включающие три группы требований: к результатам освоения образовательной программы, к структуре основной образовательной программы и к условиям ее реализации.

Формирование морально-этической ориентации личности как проблема рассматривалась разными учеными и педагогами во все времена. Знание норм морали, её правила и требования – это фундамент, на котором в будущем строятся и основываются собственные взгляды и убеждения индивидуума.

Понятие «мораль» обозначает традицию, народный обычай, нрав, характер. Мораль является категорией, посредством которой в рамках мыслительного и практического опыта люди следуют устоявшимся обычаям, законам, а также совершают поступки, выражающие высшие ценности, проявляя себя как разумное, сознательное и свободное

создание (существо) [13], [14]. В.И. Даль определяет ее как «нравственное ученье, правила для воли, совести человека» [6, с. 247]. Ф. Ницше считал: «Быть моральным, нравственным, этическим – значит оказывать повиновение издревле установленному закону или обычаю» [12, с. 63].

Можно сделать вывод, что понятия «мораль» и «нравственность» между собой тесно переплетены. Принято считать, что нравственность – это внутренние регуляторы поведения человека, а мораль – внешние.

Этика – проблемная сфера философии (философская дисциплина), объектом изучения которой является мораль, нравственность [14, с. 845]. Это система норм нравственного поведения человека или группы людей. Основными проблемами этики выступают: проблема определения критериев понятий «добра и зла», смысла жизни и предназначения человека.

Рассматривая этику как предмет воспитания, нужно указать на то, что её главная задача заключается во включении личности в постепенный процесс осознания и усвоения норм нравственности.

Морально-этическая ориентация в современной трактовке – это интегративная характеристика личности, проявляющаяся в интериоризации норм поведения в обществе (знание, сознание, понимание), ценностном отношении к ним (положительное, устойчивое) и адекватном выполнении. По сути это некая совокупность норм и правил поведения, принятых в обществе и присвоенных индивидуумом в процессе жизненного опыта через принятие или непринятие им определенных ценностей.

Асмолов А.Г. считает, что она представляет собой «выбор действий в условиях морального

конфликта и включает выделение морального содержания ситуации, ориентацию на мотивы поступка участников дилеммы, на выделение, идентификацию моральных чувств и их осознание» [1, с. 32].

Фундаментальность проблемы формирования морально-этической ориентации личности, таким образом, не вызывает сомнения. Одним из сенситивных периодов для этого является младший школьный возраст, особенности которого изучали Л.И. Божович, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Л. Кольберг, А.Н. Леонтьев, А.А. Люблинская, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и другие.

Младший школьный возраст имеет такие спецификации, которые детерминированы активным физическим и психическим совершенствованием, что в свою очередь обуславливает потенции в плане принятий демонстрируемых обществом норм и готовности им следовать. При этом наличествует достаточно высокая критичность, готовность демонстрировать свою точку зрения и принимать чужую как элементы моральной децентрации. В данный период жизни продолжает свое формирование произвольное поведение. Ученик начальной школы достаточно самостоятелен в своем выборе, понимает, как ему поступать в определенных ситуациях.

В рамках анализа вопроса о формировании морально-этической ориентации у детей младшего школьного возраста ряд исследователей также опирается на важность в данном процессе взаимосвязи общества и семьи, а также единства их требований по отношению к ребенку. В случаях, когда нравственная основа, заложенная в рамках семейного воспитания, будет противоречить актуальным требованиям общества, это неизбежно приведет к непониманию, которое может породить в сознании ребенка противоречия. Такое положение вещей приведет к невозможности ребенка разделять ценности на истинные и ложные, что в конечном счете может привести к низкому уровню развития формирования морально-этической ориентации в целом [8, с. 17].

Кирьякова А.В., рассматривая особенности развития морально-этической ориентации младших школьников, делит данный процесс на фазы: «1) вхождение личности в мир ценностей и ценностных отношений; 2) осмысление самооценности и переоценка ценностей; 3) формирование собственной шкалы ценностей» [7, с. 74].

Важной проблемой в формировании морально-этической ориентации личности является воспитание устойчивого морального поведения, выработки активной жизненной позиции, чувства общественного долга.

В качестве одного из средств развития морально-этической ориентации возможно рассматривать российское культурное литературное

наследие. Будучи специфической формой отражения действительности, оно детерминирует личностное развитие в целом и имеет высокий образовательный и воспитательный потенциал в частности. Культура и литература, являясь источником знаний и морально-эстетических норм, во все времена была транслятором идей и традиций общества.

Л.В. Баева, А.И. Кравченко, Д.С. Лихачев, Е.Н. Мастеница и др. считают, что культурное наследие – это интеграция элементов материальной и духовной культуры, способствующая сохранению традиций, воспроизводству ценностей и передаче их от одного поколения к другому [2], [5], [9], [10], [11].

Литература в данном контексте является источником развития внутренних моральных ориентиров ребенка. Малые фольклорные формы, рассказы, повести для младших школьников расширяют их представления о таких морально-этических понятиях, как добро, долг, справедливость, совесть, честь, смелость, сочувствие, сострадание. У ребенка этого возраста присутствует потребность быть хорошим, он стремится походить во всем на любимого героя, достойного в плане этики и морали. Дети пробуют действовать по образцу положительных персонажей.

Но более «прозрачным» для ученика начальной школы является отрицательный персонаж. На антипримерах проводится осуждение ненормативного поведения, поступков, не одобряемых обществом черт характер и личностных качеств. В детской литературе присутствует множество примеров «нелюбимых» героев. Это волк, который съел бабушку в сказке «Красная Шапочка», Бармалей, жадные помещики в русских бытовых сказках. Они призваны вызвать у ребенка «эффект от противного»: воспитывают через отторжение и непринятие всего плохого.

Для развития морально-этической ориентации могут быть использованы такие художественные произведения, как русская народная сказка «Иван-крестьянский сын и Чудо-юдо», произведение Е. Шварца «Сказка о потерянном времени», рассказы В. Осеевой «Почему?», Н. Артюховой «Трусиха», С. Маршака «Рассказ о неизвестном солдате», басни И. Крылова «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лиса», «Лебедь, Рак и Щука» и пр.

Является целесообразным включение в работу по развитию морально-этической ориентации младших школьников сказок, которые по своему простому сюжету (например, борьба добра и зла) и по своей идее (победа добра) дают разнообразный материал в простой, доступной и понятной для детей форме, что способствует развитию таких качеств, как трудолюбие, способность сопереживать, доброта, готовность помогать другому, смелость, настойчивость и ответственность.

Таким образом, очевидно влияние российского культурного литературного наследия на личность, что определяет степень актуальности изучаемой проблемы. Учитывая специфику психологии детей младшего школьного возраста, использование подобного средства позволяет развить в подрастающем поколении социально значимые качества личности. Формировать моральное сознание и моральные чувства ребенка можно, создавая условия или среду, где младшие школьники накапливали бы опыт общественного поведения. Одним из средств влияния на данный феномен является российское культурное литературное наследие.

В младшем школьном возрасте становление внутренних ориентиров происходит через подражание, поэтому важным моментом в этот период является знакомство ребенка с разноплановыми героями различных литературных произведений. Весь смысл работы, направленной на развитие морально-этической ориентации младшего школьника, состоит в обеспечении условий, при которых через сознание и понимание произойдет интериоризация норм поведения в обществе, через принятие сформируется положительное, устойчивое ценностное отношение к ним, появится соответствующее им адекватное поведение.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли. М.: Просвещение, 2014. 151 с.
2. Баева Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // Философия и общество. 2012. № 1. С. 109-118.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 2001. 349 с.
4. Болдырев Н.И. Нравственное воспитание школьников. М.: Просвещение, 2001. 289 с.
5. Веденин Ю.А. Культурное и природное наследие России. М.: Институт наследия, 2005. 112 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Пашков Дом, 2004. 1118 с.
7. Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей. СПб.: Питер, 2002. 35 с.
8. Ковалев Н.Е. и др. Введение в педагогику. М.: Просвещение, 2007. 386 с.
9. Кравченко А.И. Культурология. М.: Трикта, 2003. 496 с.
10. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Питер, 2002. 896 с.
11. Мастеница Е.Н. История создания и развития литературных музеев Ленинграда. СПб.: Питер, 2000. 208 с.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: АСТ, 2018. 412 с.
13. Филонов Г.Н. Воспитание: современность. М.: Педагогика, 2003. 180 с.
14. Философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Мн.: Скаун, 2008. 896 с.
15. Фридман Л.М. Психологический справочник учителя. М.: Наука, 2001. 173 с.

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БУДУЩИМ

Неянина С.С.

Целью данной статьи явилось изучение оснований для формирования и развития такой области научного знания, как экология культуры. Главной проблемой, которая поднимается экокulturой, автор считает проблему признания человеком ответственности перед будущим. В статье была выдвинута гипотеза о том, что в наши дни необходимо формирование особой экокulturalной этики, которая даст возможность сохранить природу и культуру в нерасторжимом гармоническом единстве для новых поколений. Исследование построено на использовании генетического, аксиологического метода и метода обобщения, позволивших прояснить взаимообусловленность бытия человека и природы, человека и культуры. Результатом статьи стал вывод о том, что современная позиция человека, направленная на сохранение и созидание, необходима как важная основа дальнейшего существования культуры, выступающей в неразрывной связи с природой.

Ключевые слова: Экология, культура, экология культуры, человек, ответственность, будущее.

The purpose of this article is to study the grounds for the formation and development of such a field of scientific knowledge as the ecology of culture. The main problem raised by eco-culture, the author considers the problem of recognition of human responsibility to the future. The article hypothesized that nowadays it is necessary to form a special eco-cultural ethics, which will make it possible to preserve nature and culture in an indissoluble harmonious unity for new generations. The research is based on the use of genetic, axiological and generalization methods, which made it possible to clarify the interdependence of human existence and nature, man and culture. The result of the article is the conclusion that the modern position of man, aimed at preserving and creating, is necessary as an important basis for the further existence of culture, acting in an indissoluble connection with nature.

Keywords: Ecology, culture, ecology of culture, man, responsibility, future.

Наука «экология» породила представление об экологическом сознании личности. Оно непосредственно связано с утверждениями о том, что «Земля – наш общий дом», «мы должны сохранить планету для будущих поколений», «чистота и сохранность планеты Земля зависит от нас». Данные утверждения являются основой понимания того, что экологические проблемы создаются и решаются при непосредственном участии человека, который является неотъемлемой частью природы. Именно человек оказывает существенное влияние на преобразование природы в результате создания мира культуры.

Данное исследование вполне актуально, т.к. основано на всеобщем признании ответственности личности перед будущим. Это ответственность не только за мир природы, но и за мир культуры, требующий особого отношения, вследствие чрезвычайной уязвимости природной и культурной среды.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем осуществляется попытка представить экокulturу как осознание существующих проблем человечества, развивающегося на лоне природного ландшафта. Экокultura признается перспективным знанием не только настоящего, но и будущего, в котором мера ответственности человека за сохранение непреходящих ценностей и невозполняемых ресурсов будет все более возрастать.

Целью данной работы стало изучение причин и оснований для формирования экологии культуры как области современного научного знания, в которой учитываются перспективы будущего человечества. Данная цель определила постановку ряда задач, решение которых было предпринято в ходе исследования. Во-первых, нам важно было составить представление о соотносительности и взаимообусловленности человека и природы, человека и культуры. Во-вторых, необходимо было установить взаимосвязь между пониманием проблем, связанных с существованием мира природы и мира культуры, обозначить круг вопросов, рассматриваемых экокulturой. В-третьих, важно было понять, каким образом в современном мире решаются проблемы, обозначенные в контексте экокulturalности как определяющие бытие будущих поколений.

В рамках проведенного исследования был использован генетический метод, позволивший рассмотреть наиболее весомые причины для возникновения экологии культуры. Метод обобщения дал возможность представить целостный взгляд на проблемы современной культуры, изучаемые в контексте основных направлений исследований экокulturalности. Аксиологический метод позволил рассмотреть ценности культуры, над которыми нависла угроза утраты, что и заставляет задуматься о будущем человечества в процессе предпринимаемых культурологических исследований.

Различные аспекты интересующей нас проблемы были представлены в работах Н.А. Агаджаян [1], Е.Г. Водолазкина [2], О.М. Завацкой, К.С. Страмаус [3] и др. Общее стремление исследователей сводится к выявлению проблем сегодняшнего дня, которые подчеркивают утрату духовных оснований существующей культуры. Изучение данной проблемы и становится важнейшей причиной для формирования нового научного знания о культуре, меняющейся под влиянием техногенной цивилизации, – экологии культуры.

В современной науке мы можем наблюдать взаимопроникновение различных видов знания, необходимое для создания объективных научных исследований. Так рождаются биомеханика, геновая инженерия, астрофизика и многие другие научные направления. Экология культуры в их числе. Рассматриваемое нами понятие «экокультура» действительно является современной научной новацией и имеет два возможных толкования.

Во-первых, под экологией культуры понимают общий уровень культуры человека, который выступает носителем экологического сознания, выраженного в его способности разумно вести природопользование, сознательно и бережно относиться к окружающей природной среде в результате осуществления хозяйственно-экономической деятельности.

Во-вторых, экология культуры представляет собой заботу о будущем самой культуры, духовная основа которой подвержена обесцениванию, искажению до полной утраты вследствие усиления роли материального, массово-повседневного.

Экология как наука о состоянии мира природы и культурология как наука о закономерностях существования культуры во взаимном проникновении заставляют нас задуматься прежде всего о соотносительности и взаимообусловленности бытия человека и природы, человека и культуры.

Драматизмом отмечены взаимоотношения человека и природы. Природа безответна, она не может оказать противодействия человеку, а потому он ощущает свое полное и безраздельное владычество над миром природы. Мы считаем, что в этих отношениях должна быть установлена ясная и всеми признаваемая философия экологии, на которой в свою очередь будет строиться этика экологии. Ошибочны утверждения «человек и природа», «отношение человека к природе», в которых мы подчеркнута разделяем человека и природу. Важно осознать, что человек не противопоставлен природе. Он сам является ее неотделимой частью. При этом однозначное место человека в природе до сих пор не определено. Его можно считать разумной составляющей природы. Однако именно разум выделяет человека из природного мира. Это

положение подчеркивает наше «промежуточное существование» между миром природы и миром культуры. Современная наука в различных дисциплинах все более подходит к этому признанию [8].

Одновременно человеческий разум дает уникальную возможность ощутить ответственность за все живое. Именно человек, усвоивший особую экокультурную этику, может встать на защиту живой и неживой природы. Этические основы экокультурного поведения личности в наши дни могут быть сформированы исключительно в процессе современного образования и воспитания, что в целом отмечено в рассуждениях, представленных исследователем А.П. Парахонским [6]. Рациональный подход к окружающему нас миру может позволить осуществлять его изменения без нанесения вреда, открывать новое без ущерба уже существующему, данному нам объективно, вне зависимости от нас самих. Такой подход необходимо воспринимать как философию современной культуры, создающей новую этику культурного бытия. Поскольку науке неизвестно существование других разумных существ, кроме людей, человек может быть представлен как носитель разума и самосознания всей безграничной Вселенной.

Существование мира природы и мира культуры определяет их тесную взаимосвязь на уровне общих проблем, общего круга вопросов, рассматриваемых экокультурой как новой областью научного знания [5, с. 276]. Наш общий дом состоит из природного комплекса и искусственно созданной среды – культуры. Мы живем на природном ландшафте и одновременно в среде исторических памятников, произведений искусства, результатов научных открытий, технических достижений. Это обстоятельство и дает возможность рассматривать экологию как состоящую из двух частей: одна ее часть непосредственно связана с сохранением природы, вторая же направлена на сохранение культуры. Обе части особенно важны, т.к. они касаются самой сущности человека. Человек есть часть природы, но он есть и часть созданной в течение тысячелетий культуры. Человек и природа могут погибнуть одновременно по причине уничтожения всего живого, но человечеству угрожает и духовная гибель вследствие полного уничтожения культуры. В обоих случаях действует созданный разумом механизм неразумной силы, которая создает опаснейшую ситуацию для будущего. Это угрожающее сочетание бездуховного человечества и дикой («бескультурной») природы вполне возможно, если переустройство существующего мира будет основываться на принципах, лишенных разумного основания. Многие исследователи культуры убеждены в том, что мы уже идем по этому пути, не замечая опасности, которая подстерегает современное человечество.

Отсутствие разумного человека является в наши дни главной проблемой природы и культуры. Если природа лишится разума, то ее существование окажется бессмысленным. Одновременно разума лишится и культура, состояние которой превратится в хаос без возможности восстановления в нем определенного порядка. И отношение к природе, и отношение к культуре требуют общих действующих правил нравственности, полного осознания человеком своей личности как части природы и одновременно части культуры. До сих пор отношения человека и природы выглядели как потребительские: из природы лишь изымалось то, что было необходимо. Изъятие происходило насильственно, без раздумий о том, как подобные действия повлияют на будущее. Человек во взаимоотношениях с природой словно забыл о разуме, сохраняя в себе повадки хищника, для которого насилие над безмолвным миром стало проявлением диких инстинктов. В этой связи экология культуры призвана объяснить человечеству новые этические нормы. Они должны быть основаны на полном прекращении насилия над природой. Этика сохранения и созидания необходима как важная основа культуры, выступающей в неразрывной связи с природой.

Мы считаем, что в современном мире экокультура призвана к определению путей для решения проблем, влияющих на характер бытия будущих поколений. В первую очередь следует обозначить данные проблемы, заявившие о себе с особой очевидностью. Так, по данным исследователей, на пороге третьего тысячелетия общая кризисная ситуация в живой природе осложняется тем, что вымирание биологических видов идет во все более ускоряющемся темпе. Достаточно упомянуть о том, что в настоящее время 63% естественных экосистем Земли на суше уже полностью разрушены. Продолжается и гибель многих водных систем: и пресноводных, и морских. Данные процессы связаны не только с техногенным загрязнением биосферы, но и с потребительским использованием природных ресурсов. Такой подход человека к природе можно объяснить только одним – недостаточным уровнем сформированности экологической культуры. Причины данного упущения можно обнаружить в историческом прошлом. Важно напомнить о том, что еще в эпоху европейского Возрождения была утверждена этика антропоцентризма, долгое время вызывавшая восторг у последующих поколений. Человек признавался безраздельным хозяином мира, способным изменить ход вещей при помощи науки. Этот принцип был закреплен в идеологии Нового времени, утвердив парадигму взаимоотношений человека и природы. До сегодняшнего дня человек воспринимает природу как «банк ресурсов», из которого он черпает необходимые средства, даже не думая о каком-либо

возврате. Именно поэтому современное человечество столкнулось с серьезной проблемой исчерпаемости ресурсов, конечности того, что предоставляет нам в безвозмездное пользование планета Земля. Таким образом, мы видим, как экологические проблемы переходят в разряд общекультурных, поскольку касаются будущей судьбы всего человечества. Отметим, что именно современный человек порождает новую техмаскультуру, которая является основой для искажения и даже полного уничтожения существующих традиций. Культура постиндустриального общества, созданная человечеством на природном ландшафте, агрессивна по отношению к природе, внациональна, призвана нивелировать все личностное, духовное. Эта культура уничтожает важный механизм связи между поколениями – традиции. Однако стоит признать и то, что современное общество все чаще задумывается о возможности сохранения своих духовных оснований, ведь они общепризнанно выступают стержнем дальнейшего развития человечества. Пути сохранения лучших проявлений человеческого духа призвана проанализировать экология культуры.

В итоге экология культуры формирует новые ценностные ориентиры человечества. Они подразумевают отношение к природе не только как к материальной, но и как к духовной ценности. Природные ресурсы не могут быть предметом купли – продажи, залогом экономической несостоятельности, резервным фондом, который используется в случае погашения долгов в период национальных экономических коллапсов. Экология культуры помогает понять всю остроту современной экологической ситуации. Она заключается в том, что человечество в рамках своей производственно-экономической деятельности, направленной на удовлетворение материальных потребностей, изменило окружающую природу до неузнаваемости. Под угрозой сейчас оказались сами основы жизни, существования человека как биологического вида. Именно экология культуры дает нам осознание того, что катастрофические изменения в природном мире не существуют в отрыве от изменений в области культуры. Взаимосвязь между миром природы и миром культуры устанавливает сам человек, который сейчас оказался в опасности. Угрозу для будущего представляют действия, осуществляемые в настоящем: изменение природного мира, создание преобразованной среды, приспособленной к требованиям современной личности.

Экология культуры предлагает путь для урегулирования взаимоотношений между личностью и природно-культурной средой [7]. Нам важно понять, что культура не должна быть врагом природы, так же как и природа не должна восприниматься как враг культуры. Экология культуры должна заботиться о сохранности культурных ценностей, которые являются

основаниями для продолжения самой жизни. Единство природы и культуры в сознании современного человека должно стать такой ценностью. Мы согласны с общим мнением, представленным в работах Р.А. Логуа: культура всегда была и остается естественной формой связи общества с природой, и в этом смысле она «экологична по своей сути» [4]. Таким образом, осознание культуры как специфически человеческой формы связи общества с природой является, как свидетельствует исторический опыт, перспективным и плодотворным решением многих проблем, определяющих уже сейчас, каким предстанет будущее человечества. Экология культуры закономерно должна быть воспринята как знание-предупреждение о возможных ошибках, которых человечество может избежать, одновременно воспринимая экологию культуры и как руководство по сохранению природно-культурной среды.

Список литературы

1. Агаджанян Н.А. Экология души: культура, нравственность, духовность // Экология человека. 2011. № 2. С. 35-38.
2. Водолазкин Е.Г. Экология культуры // Экология и жизнь. 2010. № 7. С.34.
3. Завацкая О.М., Страмаус К.С. Взаимодействие культуры и экологии как способ общего осознания человеком себя как части природы и части культуры // Культура как национальная идея России: сб. материалов Межрегиональной науч.-обществ. конф. 2018. С. 154-157.
4. Калашникова И.А., Рубанова Н.А. Лицензионный контроль и прокурорский надзор как эффективные меры экологического контроля // Юридическая мысль. 2017. № 4 (102). С. 57-65.
5. Карпова Е.В. Права предпринимателей при осуществлении государственного экологического контроля // Экономика и политика. 2016. № 2 (8). С. 28-32.
6. Логуа Р.А. Экология культуры. М.: Изд-во РАГС, 2007. 350 с.
7. Малек Е.В., Чикунов Г.И. Становление экологии культуры как культурологическая проблема // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. 2020. С. 276
8. Парахонский А.П. Взаимосвязь экологии и культуры в образовательном процессе // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 4. С. 90-91.
9. Рубанова Н.А. Экологическая культура в системе правовых норм РФ // В книге: Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. тезисы докладов 76-й международной научно-технической конференции. 2018. С. 284-285.
10. Тимофеева С.В. О проблеме взаимосвязи экологической культуры и экологического сознания человека (социально-философский аспект) // Вестник КрасГАУ . 2010. № 11. С. 213-217
11. Tavstukha O.G., Korzhanova A.A., Chistyakov A.A., Vasilenko A.S., Chistyakov K.A., Shatskaya I.I., Starikova L.D., Maleko E.V. Personality Ecological Consciousness: Values Ethical Vector of Nature Safety Sustainable Development // Ekoloji. 2018. T. 27. № 106. С. 1355-1364.

ДИНАМИКА АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ В ХРИСТИАНСКОМ ХРАМОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ращектаева О.Г.

Целью данного исследования является рассмотрение с эволюционно-исторических позиций актуального для культурологии вопроса влияния культурной эпохи на формирование и развитие архитектурных форм христианских храмов. Гипотезой выступает тезис о том, что христианский храм хотя и соответствовал требованиям времени и создавался по определенным канонам, все же позволял зодчему экспериментировать с архитектурными формами, приносить свое понимание религиозной концепции. Методологическую базу данной статьи составляют сравнительно-исторический, сравнительно-типологический методы и метод историко-архитектурного исследования. Результатом исследования стало умозаключение о том, что в основе любого исторического архитектурного стиля лежит идеология, господствовавшая в данную эпоху, тогда как сегодня любой исторический канон подвергается модернизации, адаптируясь к современности.

Ключевые слова: Архитектура, храм, зодчество, христианство, стиль, культурно-исторический период.

The purpose of this research is to consider the issue of the influence of the cultural epoch on the formation and development of architectural forms of Christian churches, which is relevant for cultural studies, from an evolutionary and historical point of view. The hypothesis is the thesis that the Christian Church, although it met the requirements of the time and was created according to certain canons, still allowed the architect to experiment with architectural forms, to bring his own understanding of the religious concept. The methodological basis of this article consists of comparative-historical, comparative-typological methods and the method of historical and architectural research. The result of the research is the conclusion that any historical architectural style is based on the ideology that prevailed in this era, while today any historical Canon is undergoing modernization, adapting to modernity.

Keywords: Architecture, temple, architecture, Christianity, style, cultural and historical period.

В настоящее время мы наблюдаем активный интерес к вопросам религии и сохранению религиозного культурного наследия. Религия – это мировоззренческая система, существующая много веков, вследствие этого отличающаяся статичностью и воспроизводящая себя часто в неизменном виде, что находит отражение и в религиозных видах искусства. За долгие столетия происходит концептуализация художественных форм, определяющих облик того или иного произведения искусства, причем это касается всех видов искусства – от литературы [1], [2] до архитектуры. Однако на сегодняшний день стали очевидны качественные изменения, которые вынуждают религию как систему взглядов адаптироваться к ним и способствуют появлению совершенно новых форм искусства. В таком контексте показательно христианское храмовое зодчество и динамика его архитектурных форм в диахроническом аспекте.

Современное активное строительство новых храмов обусловлено стремлением не только сохранить классические традиции возведения храмов, но и внедрить новаторские методы. Если рассматривать храмовое зодчество в контексте конфессиональной принадлежности к католицизму, православию или протестантизму, то можно обнаружить, что в архитектуре православных храмов в меньшей степени свободы для поисков модернистских новаторских преобразований, нежели в католических и протестантских храмах. И тем не

менее многие критики [8, с. 249], [11], анализируя проекты современных христианских храмов и соборов, указывают на то, что они далеки от канонов. Это детерминировано тем, что вызовы времени принимаются религией, заставляя отказываться от архаичных форм и адаптировать существующие каноны к современным требованиям. Так, в некоторых проектах христианских храмов зачастую отсутствуют какие-либо важные религиозные символы, и это обусловлено либо их не востребованностью в данную историческую эпоху, либо устарелостью. Показательно в таком контексте храмовое древнерусское зодчество, которое, активно заимствуя византийские формы, обрело оригинальные черты, приспособившись к тем или иным историко-культурным реалиям. Не случайно в русской классической литературе неотъемлемой частью характеристики национального пространства является храм [6, с. 92].

Динамику развития архитектурных форм можно проследить при компаративном и диахроническом анализе храмовой архитектуры. Отметим, что раннехристианская архитектура, заложила основы форм, которые впоследствии воплотились во всем многообразии на территории Европы и частично Востока. Более того, эта архитектура завершила период античного строительства, с традиционными особенностями изобразительного искусства и организацией интерьера храма. В храме осуществляется единство

двух миров – земного и небесного, и именно он объясняет свое устройство, предназначение, положение человека в своем нравственном очищении и духовном совершенствовании: в христианской мировоззренческой парадигме считалось, что человек был создан по образу и подобию Божьему, жизнь его была посвящена общению с богом и искуплению первородного греха. Таким образом на протяжении всех веков человек так или иначе возвращался к церковным символическим формам, дающим сакральное понимание пространства храма.

I век н.э. – после длительной борьбы между сословиями, обусловленных гражданскими войнами, сложилась новая политическая форма власти – военная диктатура императора. Новая образовавшаяся религия была на нелегальном положении, соответственно христиане были вынуждены скрываться, их демократический характер, простота служения и культа, все это служило формированию особенностей раннехристианской архитектуры. Выступления проповедников происходят в синагогах, в основе которых лежит конструкция храма, в свою очередь повторяющая устройство скинии, построенной евреями в пустыне. Последователи Христа собирались в домах прихожан, из которых позднее формировались отдельные церкви. Например, Дом-церковь в Дура-Европос, 231 г. Во время гонений христиане использовали катакомбы – подземные галереи-некрополи в Риме, Эфесе, Александрии, и других городах, а также пещеры для своих собраний. Например, пещерные церкви Каппадокии на территории современной Турции.

Значительные изменения произошли в начале IV в. н.э., христианство становится господствующей религией, начинается масштабное строительство христианских церквей, благодаря императору Константину Великому. Заимствовав формы от античной архитектуры, а именно, базиликального типа храма, византийское зодчество постепенно их видоизменяет [5, с. 326]. Получив свободу, предстояло вновь открыть глубину подлинной символики, восстановить переживание ее неисчерпаемости, ее тайны и выработать новый тип сооружений, по плану и всей конструктивной системе существенно отличающийся от типа древнехристианских базилик. Главную его особенность составляет строительство купола, известным еще в языческом Риме и на Востоке, как символа неба, планетарных сфер, проливающих свет на земное. Собор Святой Софии в Константинополе может считаться высшим достижением византийского искусства. Константинополь становился не только вторым Римом, но духовным центром христиан, вторым Иерусалимом. В соборе целостно отражена идея величия, сложности, торжественности, бесконечного многообразия мира. Архитектура собора заставляла человека ощутить

свое ничтожество перед божественными силами и внушала мысль о мощи Византийской империи и церкви.

Его уникальность так же в том, что византийские архитекторы впервые смогли разместить купол над основанием квадратного плана здания, с применением парусной технологии. Купол становится важнейшим элементом архитектуры собора и прототипом храмовых сооружений других стран, подвергшихся всеобщему политическому и культурному влиянию Византии. В ходе дальнейшего строительства храмов византийские зодчие брали за основу купольную систему, но видоизменяли план и основные формы. Шло массовое строительство церквей того же типа, что и собор Святой Софии, но уже непохожих на неё. Например, церковь Святой Ирины в Константинополе.

Окончательное разделение Римской империи на Восточную и Западную послужило отправной точкой для складывания индивидуального облика. На протяжении первых двух веков после раскола империи общим государственным языком по-прежнему оставался латинский, однако уже тогда важным отличием Византии от Западной Римской империи стало превалирование на её территории греческой (эллинистической) культурной традиции.

К концу VIII в. произошло окончательное оформление крестово-купольной застройки храмов. В восточной христианской традиции на смену базиликальному типу строительства приходит центрический. Главным символическим элементом такой архитектуры становится купол. Другой важнейшей особенностью являлось крестообразное пространство интерьера. Следует отметить, что свой окончательный облик крестово-купольный храм приобретает не сразу, ему предшествовали множество других разнообразных построек центрического типа, это подчеркивает интенсивность процесса осмысления образа христианского храма, который на долгие столетия станет основой восточно-христианского храмового зодчества.

Главенствующий романский стиль на территориях Западной Европы и некоторых стран Восточной Европы до XIII века отличался характерными особенностями в архитектуре. В этот период появляются храмы и замки, похожие на крепость, главным их элементом становится башня – донжон, вокруг нее располагаются остальные постройки, составленные из простых массивных геометрических форм, поверхности которых прорезаны маленькими окнами. Орнамент в архитектурных постройках такого типа используется редко. Такая динамика архитектурной формы связана прежде всего с особым отношением к религии и богу в целом. Отныне храм становится символом духовной твердыни, нерушимого оплота веры и незыблемой основы жизни мирянина. Не менее важен исторический контекст этих изменений, связанный с

желанием христианской церкви укрепить и усилить свои позиции в различных регионах мира. Примером могут служить крестовые походы, а также другие военные мероприятия, идеологической основой которых выступали религиозные убеждения.

В начале XVI века Реформация принесла радикальные изменения в церковный дизайн [4]. Это широкое общественно-политическое движение не только способствовало преобразованию церкви как института и появлению новых радикальных направлений в западно-христианском мире, но и значительным образом оказало влияние на изменение внешнего вида и внутреннего убранства храмов. Они лишаются своих украшений, поскольку главными идеями провозглашаются аскетизм и простота.

Кроме того, средневековые соборы также оказались подвластны влиянию византийской архитектуры, включающие в себя купол и греческий крест и концентрирующие внимание на алтаре в центре церкви. Например, Ставкирка в Урнесе в Норвегии.

Готический стиль, появившись во Франции, сменил архитектуру романской эпохи и распространился впоследствии по всей Западной и Центральной Европе. Период расцвета готической архитектуры связан с периодом зрелого и позднего Средневековья. Мировоззренческие основания данного периода базируются на постулатах о том, что бог есть недостижимая и абсолютная истина, тогда как человек – жалкое и несовершенное его подобие. Наиболее яркое выражение получили черты этого стиля: изящество, устремлённость ввысь, богатое декоративное убранство. Архитектурные особенности готики подчеркивают ее отличие от купольных и базиликальных позднеантичных и византийских храмов, стремящихся преодолеть притяжение и прорваться к трансцендентному [3, с. 442]. Например, костёл Святой Анны в Вильнюсе.

Архитектура Возрождения Западной Европы XV-XVII веков является духовным и материальным возрождением культуры Древней Греции и Рима. Собор эпохи Возрождения становится отражением представлений о боге, мире и человеке. Происходит отказ от средневековых устоев и мировосприятия, культура становится светской. Появляется концепция, согласно которой на земле творит не только бог, но и сам человек. На первый план выходит человек-творец, человек-демиург. Новые идеалы способствовали становлению принципиально новой культуры. Меняется архитектурный облик пространства, происходит расцвет городской культуры. Это период сознательного возрождения римской архитектуры с её симметрией, математическими пропорциями и геометрическим порядком. Например, собор святого Петра в Риме.

Для архитектуры эпохи классицизма, сформировавшегося во Франции в XVII веке, был характерен возврат к формам античного зодчества

как к эталону гармонии и простоты [10]. Ей в целом присуще строгое следование правилам и канонам, строгость пропорции, симметрии и упорядоченности. Динамика культурных форм Нового и Новейшего времени подчинена тенденции к многообразию. Полифония мнений и идей способствует распространению самых разнообразных концепций в культуре, философии и творчестве.

Стиль модерн XIX – начала XX веков – это поиски гармонии в искусстве, поскольку менялся образ жизни человек, культурная среда: активно развивалась промышленность, внедрялись новые технологии, применялись ранее широко не используемые материалы, такие как бетон, стекло, металл. Церковь Ам-Штайнхоф (церковь Святого Леопольда) считается одним из самых важных образцов венского модерна. Церковь построена по проекту Отто Вагнера на холме Штайнхоф, некогда пригорода Вены.

На сегодняшний день мы видим огромное количество примеров, сочетающих в себе как традиции, так и новации современного искусства в архитектуре храмов. Благодаря символике храма с его архитектурными формами и средствами верующему доступно понимание небесного, невидимого, божественного, отраженного в самом устройстве святыни.

Швейцарский архитектор Марио Ботта, умеющий свободно смешивать традиции античной и средневековой архитектуры с находками современности, тонко чувствует аскетичную красоту древнего стиля. Церковь Сан-Джованни Баттиста в швейцарском Маньо, выстроенная из натурального мрамора и гранита, имеет вместо кровли плоскую стеклянную крышу. В плане здание овальной формы, а снаружи представляет собой срезанный цилиндр. Увлечение архитектора итальянской романской архитектурой выражалось в символах и формах, заимствованных из прошлых веков, посредством тщательно подобранных сочетаний цветов и фактур полосатой кладки церкви. Посетившие храм, имеющий столь маленькое внутреннее пространство, говорят, что оно обладает главным качеством сакрального интерьера: здесь есть ощущение мистической радости, близости к Богу за счет движущихся полос света и тени [9]. Это движение может быть медленным или стремительным, торжественным или драматичным, но это главное, что здесь происходит.

Также отметим, что под термином «каноничность» понимается механическое выполнение обязательных правил, ограничивающих творческую деятельность архитектора. Полагаем, что единого «канона» как некоего устава обязательных требований к храмовой архитектуре в церкви не существовало ни в один культурно-исторический период. Творцы древности не воспринимали традицию как нечто незыблемое и подлежащее

только буквальному цитированию. Новаторские решения в храмовом строительстве не меняли его кардинально, не отрицали того, что было до этого, но развивали предыдущее. Динамику в церковном искусстве можно считать скорее преемственной, эволюционной, чем революционной.

Сегодня невозможно представить существование единого принципа и плана храмовой архитектуры, поскольку изменилось сознание как архитекторов, так и реципиентов. Современные тенденции показывают взаимосвязь с прошлыми стилями, но не слепое копирование. Как видно из нашего исследования, в основе любого исторического архитектурного стиля лежит идеология, господствовавшая в данную эпоху, тогда как сегодня любой исторический канон подвергается модернизации, адаптируясь к современности [7].

Таким образом, если рассмотреть более подробно основные исторические периоды, сформировавшие архитектурные стили, можно выявить следующие аспекты, повлиявшие на изменения развития храмовой архитектуры:

1. Нелегальность положения религии, ее демократический характер и простота в организации служения влияли на формирование и особенности раннехристианской архитектуры.

2. Усложнение композиции храма и появление дополнительных конструкций обусловлено развитием обрядовой стороны и увеличением численности верующих.

3. С упрочнением государственной власти, тесно связанной с властью церковной, развивался прочный бюрократический аппарат. В соответствии с запросами времени возникала необходимость в создании грандиозных соборов, внушающих мысль о мощи государства, прославляющих правителя и церковь.

4. По мере распространения православия с традициями византийского зодчества, сочетающего в себе древние строительные приемы и каноны, архитектура храма приобретала особенности конкретного региона. Таким образом она воплощала в себе единство религиозного учения и мировоззрения отдельного народа.

5. Появление различных художественных

стилей и направлений оказало влияние на развитие и формирование храмовой архитектуры с ее внутренним содержанием.

Список литературы

1. Волкова В.Б. Концепт в интертекстуальном пространстве художественного дискурса. *European Social Science Journal*. 2013. № 9-1. С. 250.
2. Волкова В.Б. Художественный концепт в пространстве интер и гипертекста. *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2013. Т. 2. № 71. С. 284-287.
3. Всеобщая история искусств. Т. II. Искусство средних веков. Кн. 1 / под ред. Р.Б. Климова, И.И. Никоновой. М.: Искусство, 1960. 612 с.
4. Геца С.И. Актуальность изучения архитектуры храмов в современном обществе. *Новая наука: опыт, традиции, инновации*. 2016. № 8-2. С. 135-137. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34255844> (дата обращения: 05.10.20).
5. Иконников А.В. *Историзм в архитектуре*. М.: Стройиздат, 1997. 559 с.
6. Легонькова В.Б. Человек и природа в романе Л. Н. Толстого "Война и мир" диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Магнитогорск, 2001.
7. Соловьев А.К., Соловьев К.А. Современная культовая архитектура и актуальные проблемы церковного искусства // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2017. № 1 (38). С. 225-242.
8. Фатеева И.М., Белкина Т.Л. Традиции и новации в архитектуре современного храма // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. № 6. С. 248-251.
9. Фатыхов А.Р. Современные тенденции в развитии архитектуры католических храмов Италии. 2009. № 1-4. С. 63-67. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15560881> (дата обращения: 05.10.20).
10. Федичкин А.В. К вопросу о традициях и новаторстве в российском христианстве. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 24. 2006. № 1-2. С. 64-69. сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15004386> (дата обращения: 05.10.20).
11. Шипков Н. Канон и новаторство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vetrovo.ru/art/shhipkov-kanon-inovatorstvo/comment-page-1/> (дата обращения: 22.10.20).

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Селезнева Р.С.

Целью данной статьи является изучение древнеиндийских практик, а именно ведической астрологии и Аюрведы как её составляющей в современном мире. Гипотезой выступает тезис о том, что, несмотря на динамику культурного развития в последние тысячелетия, все же древнеиндийские практики до сих пор остаются актуальными. Методами научного исследования являются историко-типологический и герменевтический методы исследования, первый из которых позволяет обнаружить матрицу признаков ведической астрологии, а второй – проинтерпретировать их в соответствии с определенной культурно-исторической эпохой. Результатами исследования стали выводы о том, что интерес в современном мире к ведическим практикам, как, например, к ведической астрологии Джйотиш и Аюрведе, обусловлен прикладным характером данных методик и их эффективностью. Кроме этого, культурные традиции, сложившиеся за последние четыре тысячелетия в Индии, созвучны нормам и ценностям не только данной страны, но и всего мира, чем объясняется перманентный интерес к ведической философии и астрологии.

Ключевые слова: Ведическая астрология, Аюрведа, ведическая культура, Древняя Индия, натальная карта.

The main goal of this article is studying ancient Indian practices, especially Vedic astrology and Ayurveda as the component of it in the modern world. The hypothesis of this paper is the thesis that, despite the dynamics of cultural development in the last millennia, the ancient Indian practices are still relevant. The methods of scientific research are historical-typological and hermeneutic research methods. The first one allows you to discover the matrix of the features of Vedic astrology, and the second one lets to interpret them in accordance with a certain cultural-historical era. The research results are conclusions that the modern world interest in Vedic practices, such as Jyotish's Vedic astrology and Ayurveda, is conditioned by the applied nature of these techniques and their efficiency. Moreover, the cultural traditions, which have developed over the past four millennia in India, are consonant with the norms and values of not only this country, but the whole world. This explains the permanent interest in Vedic philosophy and astrology.

Keywords: Vedic astrology, Ayurveda, Vedic culture, Ancient India, Natal chart

В современном мире в условиях глобализации актуален перманентный культурный обмен, который позволяет тем или иным религиозно-философским идеям стать популярными и утратить маркер культурно-исторической идентичности. Социетальный процесс постепенно ведет к формированию единого концептуального поля (концептосферы) [5], [6], что в свою очередь становится причиной выхода различных культурных практик из генетической среды и распространения их по всему миру. Показательно, что глобализационные процессы распространяются на все сферы жизни: от языка [7, с. 56] до религии, стирая при этом границы не только пространственные, но и временные.

Так, популярными на сегодняшний день из древнеиндийских практик являются ведическая астрология Джйотиш, субнаправления которой составляют Аюрведа, хиромантия (Нади Грантха), нумерология (Санкхья Шастра), а также Васту Шастра и йога [1]. Каждая из них имеет свой подход к познанию человека, но в целом эти практики взаимосвязаны и являются частью единого целого.

Ведическая хиромантия, или Нади Грантха, представляет собой ведическую науку чтения по рукам, которая существенно отличается от популярной западной хиромантии. Представители Нади Грантха работают с картой, нарисованной на руке, и данное направление имеет взаимосвязь с ведической астрологией. Но при компаративном

анализе становится очевидно, что ведическая астрология, в отличие от её субнаправлений, имеет развернутую теоретико-методологическую научную базу.

Ведическая нумерология, или Санкхья Шастра, что в переводе означает наука о цифрах, в отличие от астрологии, имеет более простую и ясную структуру, но тем не менее она также способна дать общую (например, ментальную, физиологическую и духовную) характеристику человеку и некоторые рекомендации для дальнейшего развития личности.

Субнаправление Васту Шастра, как и предыдущее Санкхья Шастра, имеют общий инструментарий для исследования. Но отличие заключается в том, что Васту Шастра представляет из себя науку о гармоничном построении жилого и рабочего пространства в соответствии с законами природы. Но объектом исследования в любом случае остается личность, которая существует в определенном топосе. Показательно, что в переводе с санскрита Васту означает «пространство», а Шастра – «знание».

Йога как одна из философских школ Древней Индии ориентирована на связь человека с Богом и включает в себя не только физические упражнения, но и мантры, медитации и молитвы.

К числу наиболее распространенных, популярных и имеющих прикладной характер направлений относятся ведическая астрология и её

«медицинская отрасль» – Аюрведа.

Ведическая астрология именовалась ранее Веданга Джйотиш, что означает в переводе с санскрита «изучение света», а также Джйотирведа – «наука света», или «Божественный свет», и являлась частью Вед, священных писаний Древней Индии. Аюрведа также является частью ведических писаний, а именно «Ригведы», и переводится как «наука о жизни, о долголетьи».

Ведическая астрология была изложена в ведических писаниях, таких как «Парашара-хорашастра», «Бхригу-сутра», «Сурья-сиддханта», «Брихад-джатака» и др., около 3000 лет до н.э. великими мудрецами Парашара Муни, Бхригу Муни, Нарада Муни и др. В своих трудах они описывают устройство Вселенной, методы исчисления индивидуальной астрологической карты и ее трактовки [2, с. 314].

В начале 2000-х гг. ведическая астрология стала предметом политической борьбы между представителями религии и академического сообщества. Комиссия по университетским грантам и Министерство по развитию человеческих ресурсов Индии решили ввести курс ведической астрологии в индийских вузах, подкрепляя это решением Высшего суда штата Андхра-Прадеш, несмотря на протесты научного сообщества Индии, индийских учёных, работающих за границей, и вопреки извещению Высшего суда Индии о том, что это шаг назад, подрывающий научное доверие, которое на протяжении многих десятилетий зарабатывала страна. Высший суд индийского города Мумбаи в 2011 году отклонил требование запретить рекламу астрологии, заключив, что она является «уважаемой наукой», практикуемой 4 тыс. лет, и не попадает под действие закона 1954 года, запрещающего публично выступать с ложными прогнозами. На сегодняшний день несколько индийских вузов предлагают учёные степени в ведической астрологии Джйотиш.

В Индии, как и в прошлых столетиях, в настоящее время астрология имеет большое значение. Все важные события в своей жизни преобладающая часть людей Индии обсуждает с астрологами: выбор супруги(а), свадьбу, зачатие ребенка, выбор имени для ребенка, выбор профессии и т.д.

Если в натальной карте у девушки есть развод или вдовство, то проводится обряд бракосочетания с деревом (обычно выбирают банановое), чтобы избежать трагических последствий, после чего дерево срубают. Только после этого разрешается сыграть свадьбу. Именно этот брак распознается как неудачный, после чего с девушки снимаются все проклятия. Это своего рода нейтрализация, отмена развода по судьбе. По окончании данного ритуала считается, что девушка способна обрести счастье в настоящем браке [3, с. 162].

Многие главы государств, не только Индии,

пользуются советами астрологов или имеют личных специалистов в этой области. Рональд Рейган по совету астролога устроил свою первую инаугурацию в 5 часов утра, потому что астролог пообещала ему два срока правления, если он выполнит данное условие.

Натальная карта представляет из себя индивидуальную астрологическую карту, построенную на основе данных: даты, времени и места рождения (координаты). Она отражает наше состояние, как внутреннее, так и внешнее. Индивидуальная астрологическая карта включает в себя:

– 12 сфер (домов, полей) жизни, каждая из которых отвечает за физическое и духовное здоровье человека;

– 12 астрологических знаков: 1 – Овен; 2 – Телец; 3 – Близнецы; 4 – Рак; 5 – Лев; 6 – Дева; 7 – Весы; 8 – Скорпион; 9 – Стрелец; 10 – Козерог; 11 – Водолей; 12 – Рыбы;

– 9 планет: 1 – Солнце; 2 – Луна; 3 – Юпитер; 4 – Раху; 5 – Меркурий; 6 – Венера; 7 – Кету; 8 – Сатурн; 9 – Марс [4].

Раху и Кету являются теньными планетами. Выстраивая различные комбинации, они отражают наше внутреннее состояние и, как следствие, происходящие события.

Медицинской ветвью ведической астрологии является аюрведическая астрология, которая имеет собственный взгляд на здоровье и целительство. Ведическая астрология в свою очередь отражает психологическую и духовную сторону Аюрведы. Таким образом, аюрведическую астрологию применяют для исцеления тела, ума и души, используя данные о влиянии звезд и планет на психику и тело человека. Симптоматично в таком контексте заявление греческого врача Гиппократ, который утверждал, что «не знающий астрологии, не имеет права называться врачом, ибо всякое лечение начинается с изучения гороскопа пациента» [1, с. 34].

Взаимосвязь Аюрведы и астрологии дает возможность распознать врожденные слабые места человеческого организма через знание расположения планет и звезд на момент рождения. Это позволяет предотвратить заболевание, проводить профилактические меры, а также использовать детально разработанные ведические меры коррекции судьбы, понять и осознать кармические причины болезни.

Ведическая астрология совместно с Аюрведой имеет энергетический взгляд на вселенную и подразделяет жизненные энергии на три основные силы, называемые доши, что в переводе означает «факторы нарушения». Эти три доши – вата, питта, капха. А три качества силы, называемые гуннами, – это саттва, означающая благость, раджас, т.е. страсть, и тамас – невежество.

Гуна в переводе с санскрита означает

«веревка». В «Йога-сутрах» есть более подробный перевод: гуны – «это то, что лежит в основе всех качеств». Это указание на суть гун, ведь все в этом мире находится под их влиянием.

Саттва – гуна благодати, отождествляемая со светом, умом, сознанием, добродетелью, нравственностью, гармонией и балансом.

Раджас – гуна страсти, отождествляемая с энергией, жизнью, эмоциями, проявлениями, неустойчивостью и изменениями.

Тамас – гуна невежества, означающая темноту и отождествляемая с материей, инерцией, бессознательным, тусклостью, сопротивлением и стабильностью.

Гуны не существуют отдельно, они тесно переплетены и смешаны друг с другом. Под их влиянием также находятся планеты, влияющие на нас, но если нас не устраивает качество влияния, то мы в силах изменить его, меняя качество нашей жизни.

По умолчанию, в натальной карте энергию благодати (саттва-гуна) имеют Солнце, Луна и Юпитер;

энергию страсти (раджа-гуна) имеют Венера и Меркурий;

энергию невежества (тама-гуна) – Марс, Сатурн, Раху и Кету.

В таком контексте важно прояснить, почему те или иные астральные объекты (реальные и мифологизированные) отвечают за определенный тип энергии: Луна, Солнце и Юпитер являются королевскими планетами, поэтому ассоциируется с энергией благодати; Венера и Меркурий в силу своей молодости и активности ассоциируются с энергией страсти, которая рассматривается не только с позиций сексуальности, но и стремления к материальным благам, к роскоши и карьерным, социальным достижениям. Марс, Сатурн, Раху и Кету относятся к «зловредным» планетам, поскольку отвечают за негативную карму человека: человек, будучи носителем различных энергий, ответствен сам за свою судьбу, но в натальной карте указывается, что планеты выражают способ проявления этих энергий.

За вата дошу в астрологической карте отвечает Сатурн, Меркурий и Раху (т.к. эти астрологические объекты отвечают за воздушную стихию, например, за такие знаки зодиака, как Водолей и Близнецы);

за питта дошу – Солнце, Марс, Кету (т.к. эти астрологические объекты отвечают за огненную стихию, например, за такие знаки зодиака, как Овен и Лев);

за капха дошу – Луна, Венера, Юпитер (т.к. эти астрологические объекты отвечают за водную стихию, например, за такие знаки зодиака, как Рак и Рыбы).

Такие же знаки зодиака, как Весы, Стрелец,

Козерог, Скорпион, Телец, Дева, имеют смешанную природу, поскольку само созвездие имеет одну природу, а управляющая им планета – другую. Но это прежде всего учитывается в Аюрведе, т.е. в медицинской астрологии.

Вата доша означает «жизненный ветер» и связана с элементом воздуха; питта доша – с элементом огня и капха доша – с элементом воды. Каждая из них отвечает за определенные аспекты физического тела. Вата отвечает за нервную систему, питта – за пищеварительную и капха – за большую часть телесных тканей и жидкостей.

В эмоциональном аспекте вата доша отвечает за воздушные эмоции, т.е. в отрицательном аспекте это страх, тревога, беспокойство и в положительном – творчество, понимание, приспособляемость.

Питта доша отражает огненные эмоции: в отрицательном аспекте они выражаются в виде агрессии, злости, раздражения, в положительном как бесстрашие, мужество, проникательность и защита.

Капха в негативном аспекте выражается как привязчивость и алчность, в положительном – как любовь, вера и терпимость.

По дошам определяют конституцию человека, ведь она является важнейшим условием для правильного лечения.

Вата-типы имеют тонкую кость и хрупкое телосложение. Часто у них сухая кожа, мышцы слабо развиты, вены просвечивают, а сами представители этого типа выглядят недоедающими. Они чувствительны к холоду, ветру и сухости воздуха. Бывают очень активны, не обладая при этом большим запасом энергии. Часто страдают от тревоги, депрессии и чувства незащищенности; имеют слабый иммунитет и проблемы с пищеварением. У таких людей есть склонность к заболеваниям нервной системы.

Питта-типы обычно имеют среднее телосложение и хорошее здоровье. Их мышцы хорошо развиты, кожа немного жирная, глаза чувствительны, склонные к покраснению. Этот тип чувствителен и к жаре, но при этом имеет хороший аппетит, обладает сильной волей, может обладать импульсивным, взрывным характером. Представители данного типа стремятся доминировать, но здоровье часто подрывают вследствие несчастных случаев, происходящих с ними из-за безрассудства и агрессивности. Из заболеваний им свойственна лихорадка, инфекция, отравление, также они имеют склонность к гематомам и кровотечениям.

Капха-типы склонны к полноте, они коренастые. У них часто встречаются выразительные глаза, густые волосы, красивые здоровые зубы, но представители данного типа плохо переносят холод и сырость. Они эмоциональны, любвеобильны, преданны и терпимы к чужому мнению. Этот тип имеет склонность к заболеваниям легких, почек, а

также к болезням, связанным с ожирением. Если они научатся контролировать свой вес, то могут быть самыми здоровыми и долгоживущими среди всех типов вообще.

Аюрведическую классификацию по дошам дополняет классификация девяти планетных типов, которая является более подробной.

Также имеется классификация по знакам зодиака, домам гороскопа и их связью с болезнями. Если знак или соответствующий ему по номеру дом поражены в натальной карте, то это укажет на проблемы и заболевания, связанные с этим домом и знаком.

Ведическая астрология предполагает не только методы прогнозирования, но и методы коррекции судьбы, аюрведические методы лечения и профилактику заболеваний. Аюрведу считают «матерью всей медицины», т.к. она включает в себя все формы лечения, а также диеты, травы, массаж, гимнастику, хирургию, психологию и йогу. В Индии и в настоящее время Аюрведа является традиционной медициной. Всемирная организация здравоохранения признала Аюрведу наилучшей альтернативой традиционной медицине по всему миру.

Широко распространены и пользуются особой популярностью аюрведические препараты, косметика и средства гигиены. Это не удивительно, учитывая, что люди в современном мире все больше предпочитают натуральное искусственному.

Особое внимание Аюрведа уделяет профилактике заболеваний.

В первую очередь, профилактика включает в себя правильный образ жизни и мировоззрение.

С точки зрения Всемирной организации здравоохранения здоровье человека зависит на:

- 50% от образа жизни;
- 20% от наследственности;
- 20% от экологии;
- 10% от медицины.

По мнению Аюрведы, здоровье человека зависит на:

- 68% от образа жизни;
- 14,5% от уровня медицины;
- 9,5% от экологии;
- 8% от наследственности.

Понятие образа жизни включает в себя не только сон, питание, физическую активность, но и взаимоотношения человека с собой и окружающим миром, его мировоззрение и знание законов этого мира.

Аюрведа включает в себя 4 составляющие здоровья [8, с. 284]:

1. Арогья – физическое здоровье.
2. Сукхам или Шукха – состояние социального счастья, т.е. благополучие, доброжелательное отношение к людям, состояние, в котором человек удовлетворен профессиональной деятельностью, своими способностями,

самореализацией, доходами, семейным положением, отношениями с супругой (ом), детьми, своим полом, местом, в котором живет и правительством страны.

3. Свастха – самодостаточность, сознательность, самостоятельность, т.е. осознание своей духовной природы. Это состояние, когда человек может ответить на вопросы: Кто я? Чем мне заниматься в жизни? Для чего я живу, какое мое предназначение?

4. Свабхава, или Ананда – состояние внутреннего счастья, не зависящее от внешних обстоятельств. На этом уровне человек может иметь тяжелое заболевание или физические недостатки, например, отсутствие конечностей, при этом быть внутренне счастливым человеком. Свабхава подразумевает отношения с Богом.

В священных писаниях Индии говорится, что если человек пришел в этот мир в теле человека, то пришло время задавать вопросы, пришло время для Ахато Брахма Джитйасах – времени для познания истины. В вопросах истины и самопознания помогает разобраться ведическая астрология.

Согласно ведической философии, главной целью в жизни любого является развитие божественной любви, однако у каждого есть четыре основных предназначения, которые ведут к гармонии, счастью и любви:

Дхарма – долг, обязанность, предназначение, духовное развитие;

Артха – материальное процветание, деньги, богатство;

Кама – исполнение желаний, удовлетворенность;

Мокша – освобождение от сансары, круга перерождений.

Дхарма предполагает исполнение своего долга перед семьей, обществом, а также духовное развитие и следование своему предназначению. Большое значение в раскрытии предназначения уделяют кастам. Считается, что человек должен заниматься делом, согласно своей природе. Различают четыре типа деятельности:

Брахманы – жрецы, ученые, учителя;

Кшатрии – воины, правители, руководители;

Вайшьи – торговцы, бизнесмены;

Шудры – мастера на все руки, ремесленники [9, с. 73].

Если раньше принадлежность к варне (касте) определялась происхождением, то сейчас, учитывая данный фактор, тем не менее астрологи обращают внимания прежде всего на астрологическую карту. Астрологи определяют по положению знаков и планет в гороскопе, к какой касте относится человек, согласно своей природе. Так, к брахманам относятся водные знаки: Рак, Скорпион и Рыбы; к кшатриям – огненные знаки: Овен, Лев, Стрелец; к вайшьям – воздушные знаки: Близнецы, Весы и Водолей; к шудрам – земные знаки: Телец, Дева, Козерог.

Парашара Муни считает, что каста определяется по положению Юпитера и Венеры. Также следует учитывать, в знаках какой стихии находится больше всего планет, и, конечно же, в первую очередь смотреть на восходящий знак и на положение Луны и Солнца.

Говорится, если человек следует дхарме – своему долгу, то к нему приходит артха – богатство. Богатство – обширное понятие, включающее в себя не только деньги и материальное ценности. Истинным богатством считается здоровье, время, солнце, чистый воздух и вода, общение, чистая здоровая пища, золото, бриллианты и другие драгоценные камни и металлы.

После артхи (богатство) приходит кама – наслаждение, когда человек с помощью артхи может удовлетворить все свои чувства, желания и амбиции. Но душа не может быть счастлива в этом мире и должна вернуться к Богу, т.е. получить освобождение от цикла перерождения и смерти – мокшу. Мокши можно достичь, преодолев желания и вожделение, т.е. если человека уже ничего не привлекает в этом мире, то он осознает всю его бренность и иллюзорность.

Таким образом, интерес в современном мире к ведическим практикам, как, например, к ведической астрологии Джйотиш и Аюрведе, обусловлен прикладным характером данных методик и их эффективностью. Кроме этого, культурные традиции, сложившиеся за последние четыре тысячелетия в Индии, созвучны нормам и ценностям не только данной страны, но и всего мира, чем

объясняется перманентный интерес к ведической философии и астрологии.

Список литературы

1. Ананда В., Кумар Р. Ведическая нумерология. СПб., Институт метафизики, 2013. 328 с.
2. Блект Р. Как стать провидцем, или Самоучитель настоящей астрологии. М.: Издательство ООО «Благодарение», 2011. 528 с.
3. Блект Р. О влиянии планет на судьбу и здоровье человека, или как договориться со Вселенной. М.: Издательство ООО «Благодарение», 2012. 226 с.
4. Блект Р. Три энергии. Забытые каноны здоровья и гармонии. М.: Издательство АСТ, 2017. 315 с.
5. Волкова В.Б. Интертекстуальные концепты в военной прозе О.Н. Ермакова конца 1980 - начала 2000 гг. Магнитогорск, 2010.
6. Волкова В.Б. Концептосфера современной военной прозы диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2014.
7. Волкова В.Б. Проблема сохранения русского языка в условиях глобализации как задача современной эколлингвистики. Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 1 (3). С. 56-60.
8. Фроули Д. Астрология провидцев. Руководство по ведической / индийской астрологии. М.: Саттва, 2001. 384 с.
9. Фроули Д. Аюрведическая астрология. М.: Саттва, 2008. 140 с.

УДК 304:379.822

НЕТРАДИЦИОННЫЙ МУЗЕЙ: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И НОВЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Соколова Е.В.

Целью данной статьи является изучение нетрадиционных форм организации работы музеев. Автором статьи была выдвинута гипотеза о том, что причиной их нетрадиционного функционирования стали перманентные изменения социальных запросов в различных культурных ситуациях, в условиях информационной, постиндустриальной культуры. Исследование построено на использовании социологического метода, который позволил проанализировать зависимость изменений, происходящих в работе музеев, от общественных преобразований. Результатом статьи стал вывод о том, что в рамках коммерциализирующейся культуры музей вынужден стать гибкой и мобильной культуротворческой структурой, стремящейся к конкурентоспособности в области предоставляемых возможностей для организации досуга и получения новой информации.

Ключевые слова: Культура, музей, формы работы музея, нетрадиционный музей, социокультурная деятельность, организация досуга.

The purpose of this article is to study non-traditional forms of organizing the work of museums. The author of the article hypothesized that the reason for their non-traditional functioning was permanent changes in social requests in various cultural situations, in the conditions of information and post-industrial culture. The research is based on the use of a sociological method, which allowed us to analyze the dependence of changes occurring in the work of museums on social transformations. The result of the article was the conclusion that under kommersializirovatj culture the Museum has to become flexible and mobile cultural structure, striving for competitiveness in a region of opportunities for leisure activities and new information.

Keywords: Culture, Museum, forms of Museum work, non-traditional Museum, socio-cultural activities, leisure activities.

Современный человек является свидетелем особого исторического этапа, на котором развитие культуры обусловлено возникновением постиндустриального информационного общества, где рождаются новые ценности и принципы существования [4]. Меняется социокультурное пространство, претерпевая радикальные преобразования, рождаются новые формы культуры. Возникновение информационного общества формирует новое отношение личности к культурному наследию способом его сохранения и передачи последующим поколениям.

Актуальность данного исследования непосредственно связана с объяснением причин обновления музея как социокультурного института. Мы считаем, что изменения в формах работы и организации музея следуют за изменениями, происходящими в обществе.

Новизна исследования связана с определением наиболее перспективных форм работы музея в условиях информационного общества. В работе подчеркнуто мнение о том, что инновации в музее определяют его конкурентоспособность, «выживаемость» в условиях коммерциализирующейся культуры.

Целью данной статьи стало изучение нетрадиционных форм организации работы музеев. Данная цель определила круг задач исследования. Во-первых, выяснить причины, по которым существование традиционных музеев уже не представляется возможным. Во-вторых, обозначить

способы и методы функционирования нетрадиционных музеев. В-третьих, представить значимость нетрадиционного музея в условиях современной социокультурной деятельности, направленной на организацию досуга.

Исследование построено на использовании социологического метода, который позволил проанализировать зависимость изменений, происходящих в работе музеев, от общественных преобразований.

Обсуждение нетрадиционных форм музейной работы активно ведется в научной литературе первых десятилетий XXI века. Оно вызвано снижением популярности музеев у общественности, что влечет за собой пересмотр моделей досуговой деятельности [3], а также направлений менеджмента в музейной сфере [5]. Современные исследователи предлагают разные выходы из сложившейся проблемы. Это, во-первых, пересмотр направленности музейной деятельности, усиление педагогической составляющей в работе музеев, о чем пишет, например, Р.М. Абрамова [1]. Музеи могут и должны стать неотъемлемой частью туристических программ, считают М.Ю. Шерешева и М.Ю. Колков [8]. Во-вторых, предложения о создании актуальных музейных экспозиций, где посетитель будет активно взаимодействовать с экспонатами и где будет исключена его роль как пассивного наблюдателя. Подобное новшество описано в работе Е.А. Окладниковой [7]. Можно отметить и работы, созданные об отдельных инновационных музеях: в исследовании

О.Е. Афанасьева, А.В. Афанасьевой представлен музей легенд [2], Е.Н. Мастеница анализирует значимость литературного музея [6] и т. д. Таким образом, исследователи все чаще рассуждают о возможных путях повышения мобильности музея, его социальной отзывчивости на запросы дня.

Очевидно, что изменения в обществе подготовили трансформацию деятельности традиционного музея, расширили его функции. Изменились запросы социума, относящиеся к организации досуга [3]. Возникло требование о повышении его привлекательности путем усиления событийности, активности, использования оригинальных форм его организации. Обновляются формы работы музея, изменяется функционал музейных работников. Музею сейчас нужен новый менеджмент [5], который будет направлен на развитие данного социокультурного института, на обеспечение его «выживаемости» в условиях жесткой конкуренции среди организаций сферы досуга. Современный музей должен научиться работать с любой аудиторией, с любыми социальными группами. Важно по-новому взглянуть на экспозицию, найти креативные формы ее организации. Музеям нужны средства для существования, которые можно получать из негосударственных фондов: в результате поддержки меценатов, грантоискательства, участия в конкурсах социокультурной направленности. Современный музей должен предоставлять услуги, которые ранее считались для него нехарактерными (например, обучение древним ремеслам, произведения которых могут быть представлены в музее).

В итоге перечень требований, предъявляемых к существованию музеев в современных условиях, свидетельствует о том, что традиционные формы музейной практики постепенно становятся неприемлемыми, требуют обновления с учетом особенностей современной социокультурной ситуации. Именно поэтому возникают нетрадиционные музеи. Такой музей может решать новые проблемы, характерные для современного общества. Своей главной целью он должен сделать воспитание толерантности – более лояльного, более уважительного отношения к другим культурам прошлого и настоящего. Музей способен решать проблемы социализации и инкультурации личности, вовлекая своих посетителей в активное взаимодействие. Именно поэтому сейчас очень важно гибко пересмотреть общую концепцию функционирования музея в целом.

В нетрадиционном музее наших дней акцент сделан на изменение работы с посетителями. Инновационным методом сейчас является дополнение статичной экспозиции костюмированным театрализованным действием, включением в нее анимации, тематических презентаций и т.д. В этом случае традиционный монолог музейного

экскурсовода превращается в диалог с посетителем, который активно вовлекается в процесс общения.

Сегодня музей посещают целенаправленно и случайно, в него приходят подготовленные посетители и те, кто проявил интерес к музейной экспозиции впервые. Музейным работникам важно укрепить случайный интерес, чтобы музей захотелось посетить еще не один раз. Эта позиция характерна для нетрадиционных музеев. Одна и та же музейная коллекция здесь может быть представлена по-разному, музейные материалы градируются в зависимости от сложности их восприятия. Посетитель, знакомясь с экспозицией, как бы переходит с одного уровня восприятия информации на другой. Современный нетрадиционный музей активно использует информационные и коммуникационные технологии, что делает его среду более доступной для восприятия посетителей.

Нетрадиционный музей решает следующие важные задачи: рассказывает о различных культурах, показывает процесс их формирования, объясняет принципы межкультурного взаимодействия и обобщает результаты культурного обмена. В этом случае принципы построения музейной композиции очень важны, их варьирование может практически полностью изменить концепцию музея.

Нетрадиционной формой работы современного музея сейчас является взаимодействие с представителями маргинальной культуры. Оно направлено на обеспечение социальной включенности маргиналов в определенную культурную среду. Нетрадиционный музей уже подготовлен к работе с людьми, имеющими ограниченные физические возможности, психические расстройства; с трудными подростками; переселенцами и другими категориями населения. Правильно организованный досуг приводит к восстановлению сил и душевному спокойствию. Именно поэтому своей целью нетрадиционный музей ставит арттерапию – излечение искусством. Музей может «излечивать» и организованным общением, в процессе которого происходит постижение личностью мира духовной и материальной культуры.

Нетрадиционный музей постоянно расширяет целевую аудиторию. Для него важно молодое поколение, которое еще только формирует круг своих интересов и пристрастий. Для студентов и школьников музей может стать лекторием, в рамках которого будут представлены самые разнообразные образовательные программы. Так, например, историю можно изучать не как отвлеченную теорию, а на основе анализа музейных экспонатов, которые являются живыми свидетелями прошлых эпох. Используя такой подход, нетрадиционный музей становится средой для формирования креативного мышления подрастающего, формирующегося поколения.

Нетрадиционный музей учит понимать и

самостоятельно истолковывать заинтересовавшие выставочные явления. Для этого в интерактивных музеях используются информационные проспекты, интерактивные баннеры, виртуальные экспозиции, которые демонстрируют экспонаты, представленные далеко за пределами данной выставки, но устанавливают с ней непосредственную взаимосвязь; в музее звучит музыкальное сопровождение, влияющее на эмоциональный характер восприятия.

Музей может и должен обучать – таков современный принцип его существования. Однако отличительной чертой обучения в нетрадиционном музее является неформальный подход, основанный на принципе добровольности, возможности максимально удовлетворить свои интересы и даже реализовать свои способности (например, созданные при музеях школы мастеров позволяют освоить древнейшие технологии производства, используемые нашими предками). Личный интерес к музею, эмоциональное переживание воспринимаемой в нем событийной информации закрепляет информацию вербальную. Нетрадиционный музей ставит своей целью достижение реального ощущения истории в процессе полного погружения в историческую реальность.

В нетрадиционном музее кардинально меняются принципы выставочной экспозиции. Ее композиция теперь подобна сценарию, который выстраивается на основе научной и художественной концепции. Музей давно перестал привлекать посетителей молчаливыми экспонатами. Конечно, экспозиционные экспонаты в музее остались, но теперь они презентуются, производя эффект эмоционального воздействия. В нетрадиционном музее тишину залов сменяет музыка, голоса людей прошлых столетий, звуки работающих машин, звуки природы и т.д. Все это дополняет общую концепцию экспозиции. Нетрадиционный музей помогает современному человеку «раствориться» в иной культуре, представленной в музейных залах, чтобы понять ее до самых глубин, буквально став ее частью. Сами экспонаты в нетрадиционном музее превращаются в ансамбль, элементы которого выступают в согласованном единстве, оказывая на посетителя сильное эмоциональное влияние.

В нетрадиционном музее инновацией явилось использование аудиогuida. Интересным новшеством оказывается то, что посетитель слышит не только монотонный рассказ экскурсовода, который звучит из наушников и портативного устройства, но и может послушать комментарии к экспонату его автора-создателя, известного государственного деятеля, знаменитого актера и т.д. Разнообразие мнений заставляет задуматься о собственной позиции по поводу увиденного и услышанного в музее. Такой подход пробуждает активное восприятие, развивает критическое мышление.

Социальные сети в наши дни активно

рассказывают о нетрадиционных музеях. Информация передается из уст в уста, как личное мнение об увиденном и услышанном. Именно поэтому Twitter, Facebook и фотосайт Flickr помогают расширять музейную аудиторию. Мобильные приложения становятся важным подспорьем для работы нетрадиционного музея. Так, в социальных сетях уже создано приложение для iPhone, которое позволяет вести виртуальные археологические раскопки на древних руинах и пополнять музейную коллекцию обнаруженными артефактами.

Таким образом, проведенное исследование помогает понять, что в наши дни полностью меняются представления о взаимодействии музея со своими посетителями. Все его средства должны быть направлены на выстраивание конструктивного диалога с каждой отдельной личностью, проявившей интерес к представленной экспозиции. От этого обстоятельства напрямую зависит эффективность музейной деятельности. Конкурентоспособность музея может быть создана за счет его гибкой и мобильной работы, в которой используются инновационные достижения науки и техники. Современный нетрадиционный музей постепенно становится привлекательной средой для личностного развития, образования на основе объективно представленных и органично воспринимаемых образов иных культур. Только такой музей, в котором создана «атмосфера притяжения» для всех посетителей, может считаться нетрадиционным. Можно с уверенностью отметить, что будущее различных социокультурных институтов напрямую связано с подобной нетрадиционностью и постоянным обновлением спектра досуговых услуг.

Список литературы

1. Абрамова Р.М. Инновационная деятельность в образовании: музейная педагогика // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: сборник научных статей. 2017. С. 240-248.
2. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Музеи легенд в современном туристском пространстве // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т.10. № 2. С. 38-46.
3. Кулешова А.В., Малек Е.В. Особенности создания модели организации досуговой деятельности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 20-22
4. Малек Е. В. Особенности формирования личности в пространстве информационной культуры // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 1 (13). С. 29-31
5. Малек Е.В. Перспективные аспекты менеджмента в современной музейной деятельности // Актуальные вопросы экономики и управления. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.Р. Балынской. 2019. С. 104-109.
6. Мастеница Е.Н. Литературный музей как модус современной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017.

№ 3(32). С. 88-90.

7. Окладникова Е.А. Технологии формирования актуальной музейной среды (на примере экспонирования ритуальных шпилек для волос индейцев Калифорнии) // Гуманитарное знание. Сборник научных статей. Сер. «Научные горизонты» под. общ. ред. В.Г Егоркина. Санкт-Петербург,

2008. С. 70-86.

8. Шерешева М.Ю., Колков М.Ю. Роль музеев в развитии туризма с участием малых городов (на примере Владимирской области). Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т 12. № 1. С. 120-133.

УДК 7.067

НЕЙРОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НАУКА О СПЕЦИФИКЕ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА МОЗГ ЧЕЛОВЕКА

Терещенко И.С.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы подвести итог последним достижениям в области изучения нейрокультуры и тем самым спроецировать эти знания на будущее исследование влияния среды на мозг конкретного человека, изучая изменения его творческого продукта в различные периоды жизни, произведенного в разных культурных общностях. В статье сделана попытка обобщить основные достижения в области культурной нейронауки, осмыслить её основы и актуальность в современном мире. Автор предлагает использовать данную науку как фундамент для изучения влияния меняющейся культурной среды на мозг конкретного человека в процессе его жизни. Предметом исследования могут стать материальные субъективно и объективно значимые творческие продукты, созданные человеком.

Ключевые слова: Нейрокультурология, нейропсихология, мозг, культурная среда, теория двойной наследственности.

The purpose of this article is to summarize the latest achievements in the field of neuroculture research and thereby project this knowledge to future research on the influence of the environment on the brain of a particular person, studying the changes in his creative product in different periods of life, produced in different cultural communities. The article attempts to summarize the main achievements in the field of cultural neuroscience, to comprehend its foundations and relevance in the modern world. The author proposes to use this science as a foundation for studying the influence of the changing cultural environment on the brain of a particular person in the course of his life. The subject of research can be material, subjectively and objectively significant creative products created by man.

Keywords: Neuroculturology, neuropsychology, brain, culture environment, theory of double heredity.

Современная когнитивная наука дает богатый материал для изучения взаимосвязи мозга человека, культуры и окружающей среды, опираясь при этом на исследования мозговых структур человека как основы для формирования поведенческих реакций и продуктов культуры. Соотношение биологического и культурного давно уже оказывается в центре внимания ученых. Симптоматично, что раньше науки ответ на этот вопрос искало искусство, прежде всего литература, глубоко исследующая структуры человеческого психики. Писателей интересовал не только человек в природе, но и природа самого человека [9, с. 46], что впоследствии и предопределило научный поиск связи между культурной средой и мыслительными процессами личности.

Фундаментальной основой для многих областей знаний становится нейронаука, претендующая последние десятилетия на главенствующую роль в социально-культурной революции. Наряду с подобными науками: нейроэкономикой, нейроэстетикой, нейрополитологией и т.д. – культурная биология, или нейрокультурология, дает толчок к пониманию сознания живых систем во взаимосвязи с окружающей средой. За последние десятилетия выявлено, что когнитивные процессы напрямую связаны не только с вербализацией, но и с концептуализацией, поскольку именно концепты с их ядерными и периферийными зонами определяют глубину мышления [3], [5]. 250]. И это более чем перспективное направление, прогресс которого

приостановился тогда, когда начали изучать поведение человека и бросили изучать его сознание, хотя казалось, что противоречие между «врожденным и приобретенным» перестало быть предметом споров ещё во времена Ч. Дарвина, который никогда не отрицал роль культуры и среды обитания. По его мнению, человек – самый адаптирующийся вид из всех известных, наиболее способный к обучению путем передачи социокультурного опыта [7].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы подвести итог последним достижениям в области изучения нейрокультуры и тем самым спроецировать эти знания на будущее исследование влияния среды на мозг конкретного человека, изучая изменения его творческого продукта в различные периоды жизни, произведенного в разных культурных общностях.

Для понимания сущности изменений в мозге человека невозможно обойтись без фундаментальных положений нейропсихологии, которые сформулировал отечественный ученый А.Р. Лурия. Во-первых, это теория о морфо-функциональной организации мозга, которая предполагает деление на два полушария. Чтобы работало правое полушарие, оно должно соприкоснуться с действительностью чувственно. Левое полушарие, напротив, функционирует по принципу абстрагирования от чувственных символов. По этой классификации левое полушарие доминирует в заданиях, требующих вербализации и категоризации информации, правое же обеспечивает опознание образных стимулов. Кроме этого, мозг делится на первичные, вторичные и третичные поля. Первичные поля – это «корковые

концы анализаторов», они функционируют от природы, то есть являются врожденными. Вторичные поля обеспечивают процессы восприятия и воспроизведения. Уровень зон третичных полей коры мозга может быть определен как языковой. Разные области третичной коры также обмениваются информацией, благодаря чему завязываются ещё более сложные ассоциативные связи, обогащающие мышление [6, с. 130-173].

Во-вторых, еще одним значимым положением нейропсихологии является отсутствие строгой локализации высших функций в головном мозге. Такую локализацию называют динамической, так как одна и та же зона мозга может включаться в самые разные ансамбли мозговых областей, то есть динамично менять свои положение и роль. Все области новой коры связаны не только с нижележащими отделами мозга, но и между собой при помощи транскортикальных, междолевых и междольковых пучков. Это означает, что мозг – единая целостная структура, части которой непрерывно взаимодействуют [6, с. 77-80].

В-третьих, формирование мозговой организации когнитивных процессов в онтогенезе происходит от стволовых и подкорковых образований к коре головного мозга, от правого полушария мозга к левому, от задних отделов мозга к передним. Главным итогом онтогенеза являются влияние лобных отделов левого полушария на субкортикальные, поскольку функция именно лобной коры заключается в посредничестве между эмоциональными устремлениями и интеллектом [6, с. 116-122]. Стоит уточнить, что данный (третий) блок не окажет существенной помощи в исследовании взрослого человека при условии, что у него не было девиаций в процессе развития мозга в детском возрасте.

Достижение и анализ результатов в области нейронауки широко представлены в зарубежной нейробиологической и нейропсихологической литературе [11, р. 44].

Исследования, проводимые в рамках данной науки, показывают, что культурная среда влияет на биохимические процессы в головном мозге человека вплоть до изменения генетического материала, потому что нейроны образуют десятки тысяч связей, а обработка информации может осуществляться уже на уровне входных клеточных отростков нейрона (дендритов) [8]. Таким образом, электрическая активность индивидуальных нейронов – это всего лишь один из многочисленных компонентов сложнейшего динамического ансамбля перемещений молекул и электромагнитных потоков. В таком контексте грамотное использование идей коэволюции генома человека и его культуры как показателей биологического и социального, регулируемого особенностями личной жизни, может серьезно изменить понимание субъекта познания в духе

когнитивного универсализма, вновь поставить во главу угла вопрос о том, что культурно универсально, а что культурно индивидуально [1, с. 23-43].

Если говорить о специфике влияния культурной среды на мозг человека, то следует уточнить понятие «культурная среда» с позиции нейрокультурологии. Несмотря на то что само понятие «культура» тождественно «второй природе», а значит, включает в себя совокупность материальных и духовных ценностей, созданных непосредственно человеком, все же в современной нейронауке под культурой обычно понимают и эволюционно-генетические процессы, предполагающие биологические изменения человека и его мозга под влиянием социальных условий. Именно эти факторы «влияют на биологические и психологические процессы человека и определяют векторы убеждений и норм, разделяемые группами людей» [12, р. 75-92]. К этому стоит добавить, что культурная среда так или иначе предоставляет личности возможность развития.

Однако при исследовании конкретного человека нам скорее всего придется прибегать к некоторым допущениям и даже трансформации умозаключений по мере необходимости, так как субъекту исследования придется изучать продукты художественной деятельности и поведенческие реакции, ведь мы не можем непосредственно видеть «образное мышление», «созидательное восприятие» или «семантическую память», поэтому так важно знать физиологическую природу фактов, на которых построены данные когнитивные процессы [11, с. 53].

Обобщая достаточный опыт рассмотрения человека во взаимодействии генетической и культурной эволюции, Роберт Бойд и Питер Ричардсон описали теорию «двойной наследственности человека». Согласно этой теории, мозг формирует культуру, а культура в свою очередь формирует мозг как некий биоартефакт, меняющийся в процессе эволюции. Согласно исследованиям последних десятилетий, можно утверждать, что мозг обладает высокой нейропластичностью, то есть он меняется под воздействием внешних факторов, и даже такое статичное понятие, как «ген», имеет настолько сложную и многоуровневую структуру, что также подвержен изменениям [10]. В то же время недавние работы по нейропластичности мозга показали, что публичные паттерны поведения в течение ряда повторяющихся событий, вероятно, вызывают систематические изменения в нейронных связях мозга. Таким образом, разумно предположить, что повторяющееся, активное и длительное участие в сценарных поведенческих последовательностях (то, что называется культурными практиками или задачами) может мощно формировать и изменять мозговые пути. Свойство пластичности мозга выражается в том, что, с одной стороны, это нейробиологическая структура, а с другой – продукт

культуры, поскольку «наполнение» мозга как носителя сознательного и бессознательного детерминируется культурой, которая закрепляется уже на физиологическом уровне и оказывает обратное влияние на социокультурное окружение [2].

Еще один важный вопрос в рамках данного исследования заключается в том, насколько велико и значимо влияние на мозг творческого человека смена места жительства и постоянное усвоение когнитивных аспектов паттернов разных культур. Известно, что одно из направлений культурной нейронауки сравнивает нейронные процессы людей с принадлежностью к восточной и западной культуре. Несмотря на успешные исследования в данной области, в частности, социального психолога Шинобу Китаями [14], все же остается до конца не проясненным вопрос о том, какие качественные изменения в мозге происходят в результате непрерывного вовлечения индивида в коллективную реальность разных культур, в том числе и в культуру смешанную, и насколько они зависят (или не зависят) от социокультурного ареала.

В частности, можно предположить, что такие изменения происходят в результате постоянного вовлечения в культурные практики, которые каждый индивид либо добровольно выбирает в силу их созвучности собственным устремлениям, либо принимает ценности чужой культуры из-за необходимости стать полноценным членом общества, тем самым повышая шансы на адаптацию в данной культурной среде. Важнейшим способом адаптации личности к культурной среде является язык, который служит первичной семиотической системой и благодаря которому становится возможным приобщение к различным культурным практикам [4, с. 285]. По сравнению с индивидуумами, живущими в относительно небольшом и стабильном сообществе в течение длительного периода времени, индивидуумы, которые более мобильны, часто меняя свое место жительства, более склонны обосновывать свои действия самости и идентичности на относительно стабильных внутренних атрибутах, таких как личностные черты, способности и навыки, а не на социальных ролях и позициях в обществе. В отличие от тех, кто не двигается, часто перемещающиеся люди имеют обширную сеть дружеских связей и с большей вероятностью оценивают личностные черты как более центральные, а групповые принадлежности – как менее центральные в своей идентичности [14, р. 7-21]. И если рассматривать творческие и интеллектуальные продукты как отражение внутренних изменений в человеке, то можно с большой долей вероятности оценить степень влияния той или иной культурной среды на мозг конкретного индивида.

Итак, социум и культура оказывают существенное влияние на формирование и

функционирование мозга; именно они во многом предопределяют активность тех или иных нейронных сетей и связей в головном мозге. В свою очередь архитектура и активность различных областей оказывают обратное воздействие на социум и культуру, придавая им специфические черты. Социум, культура, мозг – это целостная система, каждый элемент которой так или иначе влияет на остальные элементы; это система, в которой работает принцип обратной связи [2].

Список литературы

1. Бажанов В.А. Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+РООИ Реабилитация», 2019. 288 с.
2. Бажанов В.А. Социум и мозг: биокультурный конструктивизм // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 28-36.
3. Волкова В.Б. Концепт в интертекстуальном пространстве художественного дискурса. *European Social Science Journal*. 2013. № 9-1. С. 250.
4. Волкова В.Б. Проблема сохранения русского языка в условиях глобализации как задача современной эколлингвистики. Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 1 (3). С. 56-60.
5. Волкова В.Б. Художественный концепт в пространстве интер и гипертекста. Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2013. Т. 2. № 71. С. 284-287.
6. Лурья А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 384 с.
7. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки. [Электронный ресурс]: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Баарса, Н. Гейдж; пер. с англ. под ред. проф. В.В. Шульговского. Эл. изд. Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 552 с.). М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014.
8. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4-18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22669504> (дата обращения: 14.10.2016).
9. Легонькова В.Б. Человек и природа в романе Л. Н. Толстого "Война и мир" диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Магнитогорск, 2001.
10. Boyd R., Richerson P. Culture and the Evolutionary Process // The University of Chicago Press. Chicago, 1985. 301 p.
11. Gallistel C.R., Gelman R. Preverbal and Verbal Counting and Computation // *Cognition*. 1992. Vol. 44. P. 43-74
12. Hyde L. W., Tompson S., Creswell D., Falk E. Cultural Neuroscience: New Directions as the Field Matures // *Culture and Brain*. Vol. 3. № 2. М., 2015.
13. Oishi S. The psychology of residential mobility: implications for the self, social relationships, and well-being. *Perspect. Psychol. Sci.* 2010.
14. Shinobu K., Ayse K.U. Culture, Mind, and the Brain: Current Evidence and Future Directions // *Annu. Rev. Psychol.* by University of Michigan. 2011.

УДК 304.2

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шмелева К.П.

Целью данной статьи является рассмотрение истории музыкальных фестивалей в контексте российской социокультурной практики. Автор статьи считает, что в России организация фестивалей связана с важными социальными событиями, являющимися неотъемлемой частью культурной политики государства. В статье была выдвинута гипотеза о том, что музыкальный фестиваль в наши дни можно воспринимать как неотъемлемую часть массовой культуры. Исследование построено на использовании историко-хронологического, социологического и структурного метода, позволяющих наиболее объективно представить историю и современное состояние фестивального движения в России. Результатом статьи стал вывод о том, что музыкальный фестиваль представляет уникальную модель досуговой деятельности.

Ключевые слова: Музыкальный фестиваль, культура, культурно-массовое мероприятие, социокультурная деятельность, виды фестивалей.

The purpose of this article is to examine the history of music festivals in the context of Russian socio-cultural practice. The author of the article believes that in Russia, the organization of festivals is associated with important social events that are an integral part of the state's cultural policy. The article hypothesized that a music festival today can be perceived as an integral part of mass culture. The research is based on the use of historical-chronological, sociological and structural methods that allow us to present the history and current state of the festival movement in Russia in the most objective way. The result of the article is the conclusion that the music festival represents a unique model of leisure activities.

Keywords: Music festival, culture, cultural event, socio-cultural activities, types of festivals.

Фестиваль (фр. festival, лат. festivus – «праздничный») – это культурно-массовое мероприятие, общественное празднество, сопровождающееся просмотром какого-либо вида искусства. Уже в «Большой советской энциклопедии», созданной в 60-70-е годы XX века, музыкальный фестиваль в целом был представлен как циклы концертов и спектаклей, объединенные общим названием, единой программой и проходящие в особо торжественной обстановке. И в наши дни мы воспринимаем фестиваль как неотъемлемую часть массовой культуры, как зрелищное мероприятие, имеющее программу и привлекающее большое число зрителей.

Считается, что самые первые фестивали, посвященные музыке, проходили не в России, а в Великобритании. С середины XVIII века фестивали начали широко распространяться в Европе. Это были фестивали хоров, основу которых составляла церковная музыка. Именно тогда музыкальный фестиваль приобрел специфические черты, характерные для его современных форм.

Рассмотреть историю фестивалей значит понять их природу и культурный смысл. С этой точки зрения данная работа вполне актуальна, так как проведение фестивалей не утратило своего значения и в настоящий момент, являясь важной частью современной социокультурной практики.

Новизна исследования заключается в том,

что в нем фестиваль представлен в историческом развитии как явление культуры, которое тесно взаимосвязано с той средой и тем временем, в которое формируются его основные художественные и социальные черты.

Целью работы стало рассмотрение истории музыкальных фестивалей в контексте российской социокультурной практики. Общественное значение фестивалей представлено в статье как их важнейшая характеристика.

При рассмотрении главного вопроса исследования были решены задачи, постановка которых была вызвана требованием наиболее обстоятельного изучения и наиболее полного изложения материала по интересующей нас теме. Они заключались в том, чтобы:

- 1) проанализировать предпосылки возникновения музыкальных фестивалей;
- 2) обосновать цели проведения данных культурных мероприятий в России, назвать крупнейшие из них;
- 3) представить классификацию фестивалей в рамках современной социокультурной практики.

При решении данных задач мы использовали определенный ряд методов научного исследования. Так, при изучении истоков музыкальных фестивалей мы обратились к историко-хронологическому методу, позволившему определить некоторые традиционные формы русской культуры прошлого как источник для

разработки музыкальных фестивальных мероприятий в последующие эпохи. Для обоснования целей организации и проведения музыкальных фестивалей в России мы обратились к социологическому методу, так как фестиваль является неотъемлемой частью общественной жизни. Метод анализа и структурный метод были использованы для обоснования классификации существующих музыкальных фестивалей.

В числе современных исследований сейчас представлено не так много работ, касающихся истории музыкальных фестивалей в России. Прежде всего мы должны назвать исследования таких авторов, как А.А. Барабанов [1], [2], С.А. Воробьева [3], Э.И. Медведь, О.И. Киселева, В.И. Портников [6]. Все эти работы объединяет общая мысль о том, что организация фестивалей связана с важными социальными событиями, являющимися неотъемлемой частью культурной политики государства. Фестивали дают возможность приобщиться к музыкальному искусству, понять его предназначение, научиться отличать музыкальные стили и направления. Музыка дает человеку ощущение гармонии, ритма, дает особый эмоциональный настрой. Музыка всегда имела большое значение в истории культуры России, что постоянно отмечают исследователи в своих работах.

Предпосылками к возникновению музыкальных фестивалей как отдельного вида социокультурной деятельности можно считать массовые торжества, происходящие в разных культурах. Так, например, славянские языческие обычаи, многие из которых сохранились и до наших дней, зачастую включали в себя элементы демонстрации исполнительских искусств, присущие современным музыкальным фестивалям. Масленица – праздник, посвященный богу солнца, знаменовал приход весны. Традиционно весну встречали на «красных горках», на которых пелись песни, водились хороводы, проводились весенние обряды. Подобные празднества у язычников носили в первую очередь религиозный характер. Считалось, что обряды и песнопения задабривают богов. Музыкальная составляющая присутствовала практически во всех календарных обрядах – день Ивана Купалы, Коляда, святки – на каждом празднике традиционно пели песни, танцевали.

С принятием христианства на Руси многие обычаи видоизменились, но сохранили в себе элементы фестивального творчества. Празднования в честь святых соединились с днями особого поклонения языческим богам. Так, день Ивана Купалы (Купала – это не языческое божество, а славянский вариант имени Иоанна Крестителя, возникший от греческого эпитета «Купатель») совпал с ритуалом очищения огнем в честь солнечного божества Дажьбога. Празднования громовику Перуну преобразились в день святого Ильи Пророка,

по убеждению народному ездившего на колеснице по небу и пускающего по свету грома и молнии. Как и прежде, во время проведения религиозных празднеств было принято танцевать и петь песни. Кроме того, как особый вид исполнительского искусства появилось церковное песнопение, сопровождающее христианское богослужение.

Важно отметить, что в России долгое время события, которые можно обозначить как музыкальные фестивали, проходили под другими названиями. Зачастую музыкальная составляющая была частью фестивалей, включавшей в себя различные виды творчества.

В царской России культурные инициативы исходили зачастую от частных лиц: промышленников, меценатов, владельцев крупных компаний. Государство поддерживало музыкальное искусство довольно скудно. Музыкальные концерты, фестивали и другие мероприятия организовывались меценатами и проходили, как правило, в закрытом формате и предназначались для узкого, строго определенного круга лиц. Для большей же части населения культурных массовых мероприятий не организовывалось, и большая часть достижений профессионального музыкального творчества была недоступна. В целом в крепостной России по сравнению с Европой музыкальная жизнь была довольно скудной по причине отсутствия профессиональной школы и отсутствия государственной поддержки. Усилиями братьев А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов были созданы первые в России консерватории в Санкт-Петербурге (1862) и Москве (1866). Лучшие образцы мировой музыкальной культуры в то время были открыты только для высшего света, простой же люд довольствовался народным, непрофессиональным песенным и музыкальным творчеством.

Годы Советской власти стали периодом расцвета музыкального образования. Музыкальные вузы были созданы во всех союзных республиках. Появилась четкая политика в сфере музыкального искусства: доступность классической музыкальной школы для каждого гражданина. Появилась система государственных концертных организаций, основной функцией которых было планирование концертов и фестивалей, поддержка молодых исполнителей, организация зарубежных гастролей советских музыкантов. Деятельность этих организаций принесла ощутимые плоды: в 1932 году прошла Всесоюзная олимпиада самодеятельного искусства, собравшая более пяти тысяч участников, а в 1933 – первый музыкальный фестиваль СССР, прошедший в Ленинграде. Тогда же во многих городах страны вошли в социокультурную практику ежегодные «дни музыки». Такая массовость в приобщении к музыкальной культуре и подготовила почву для того, чтобы музыкальные фестивали стали органичной, устойчивой частью российской культуры.

В послевоенные годы музыкальные фестивали на территории СССР стали четко разграничиваться по жанрам. Так, в 1949 году прошел Джазовый Таллиннский фестиваль, ставший прообразом для большого количества джазовых фестивалей, проходивших позднее. Впоследствии Таллиннский Джазовый фестиваль получил статус международного и проводился вплоть до 1967 года. С середины 1950-х годов музыкальных фестивалей становится все больше, во многом этому поспособствовал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в 1957 году. Создаются музыкальные фестивали различных масштабов – от локальных до всесоюзных – и различных жанров – от классики до эстрады. Высокий уровень организации музыкальных фестивалей создает положительный образ СССР как страны с богатой и сильной культурой.

С начала 60-х годов XX в. особое место в исполнительском искусстве и фестивальном движении СССР занимает рок-музыка. Первый советский рок – это переводы популярных западных песен. Робкая попытка привнести в привычное звучание советской музыки новый жанр натывается на яростное противостояние со стороны государственного аппарата. Тексты не проходили цензуру худсоветов, в состав которых, как правило, входили пожилые политработники: агрессивное звучание рок-музыки остается не понятным и не востребованным государственными органами.

В 1969 году в штате Вашингтон, в США, проходит легендарный фестиваль Вудсток (Вудстокская ярмарка музыки и искусств), который стал эталоном независимой музыки. Тогда же, в 60-е годы, мировую популярность получает группа Beatles из Великобритании, которая вопреки жесткой цензуре добирается и до Советского Союза. Цензура в СССР носила в первую очередь идеологический характер. Функции цензурного контроля были возложены на специальные государственные учреждения, которые проверяли все композиции на предмет соответствия идеологическим нормам. В то время в советской музыке существовало три основных направления: классическое, эстрадное и народное. Программы концертных выступлений утверждались отдельно от текстов произведений. В 1983 году Министерство культуры СССР приняло инструкцию, согласно которой все профессиональные и любительские музыканты обязаны были 80 % концертного репертуара составлять только из песен, написанных членами Союза композиторов СССР. При этом средний возраст членов Союза составлял 60 лет, а новых членов туда не принимали с 1973 года. Все музыканты, чье творчество не соответствовало идеалистическим нормам, подвергались бойкоту, они не могли выступать публично, их музыка не могла попасть в радио- и телеэфир. Именно поэтому такое направление, как рок-музыка, было обречено уйти в

подполье. Впоследствии рок-музыка была взята под жесткий государственный контроль путем создания профессиональных вокально-инструментальных ансамблей (ВИА). В отличие от западных рок-групп, обязательным наличием в таких ансамблях становилась духовая секция и её полное участие в репертуаре. Строгую цензуру проходил и сам репертуар. Он мог быть либо народным (народные песни или песни, написанные под народные мотивы), либо эстрадным. То же касалось и самодеятельных ансамблей. Таким образом, цензура противопоставляла советские ВИА западным рок-группам с их «агрессивной музыкой».

Российские рок-музыканты, пытавшиеся создать именно рок-группы, подвергались преследованиям. Например, Юрию Шевчуку в 1983 году в Уфимском отделении КГБ предлагали дать подписку о том, что он никогда не будет больше исполнять, записывать и сочинять своих песен. Иногда жесткая цензура давала послабления и пропускала «неформатные» музыкальные направления и их исполнителей. В частности, такая временная «свобода творчества» началась в преддверии Летних Олимпийских игр 1980 года, когда многочисленным зарубежным гостям надо было показать прогрессивность и некоторую свободу советского строя. Тогда же был проведен в СССР один из первых официальных рок-фестивалей «Весенние ритмы. Тбилиси-80».

Еще одна разновидность фестивалей в России – это фестивали бардовской песни. Часто они также не получали согласования со стороны властей. Так, например, в 1973 году на территории Челябинской области состоялся Ильменский фестиваль «Первый областной конкурс авторской песни», проводимый ежегодно. Однако с 1983 до 1986 года фестиваль был запрещен из-за «большого числа низкого идейно-художественного уровня». Грушинский фестиваль авторской песни, проводимый под Самарой с 1968 года, также был официально запрещен с 1980 по 1986 год. Советские худсоветы не устраивала духовная свобода бардов, которая особенно ярко проявлялась на фестивалях в среде единомышленников.

Фестивальное музыкальное творчество получило свободу в России лишь после падения авторитарного режима. Цензура начала ослабевать в 1980-е годы, после окончания «холодной войны» и в начале распада социалистического лагеря. На территорию СССР проникают записи популярных западных артистов разных жанров, набирают популярность российские рок-группы «КИНО», «Наутилус Помпилиус», «ДДТ», «Ария» и другие. Уже существующие «Машина времени» и «Аквариум» публикуют свои альбомы официально. В 1981 году открывает свои двери Ленинградский рок-клуб». Однако за ослаблением, а после «перестройки» и за полным исчезновением цензуры последовал и

резкий спад финансирования сферы культуры. Огромное количество музыкальных фестивалей классической музыки прекратили свое существование. Закрываются музыкальные школы и музыкальные училища, устоявшаяся система культурных ценностей рушится, уступая место андеграундным направлениям музыки.

12-13 августа 1989 года на стадионе Лужники в Москве состоялся Московский Международный Фестиваль Мира, организованный «Центром Стаса Намина», под девизом «Рок против наркотиков». Он стал первым полноценным международным рок-фестивалем, возвестившем о новых свободах в СССР, впоследствии был назван «Российским Вудстоком». В фестивале приняли участие группы «Bon Jovi», «Mötley Crüe», «Gorky Park» и другие. Все средства, вырученные с продажи билетов, были направлены на финансирование программ по борьбе с наркоманией в России. Фестиваль посетили около 120 тысяч человек.

28 сентября 1991 года на аэродроме Тушино в Москве вскоре после августовского путча ГКЧП состоялся международный рок-фестиваль «Монстры рока», участие в котором приняли популярные западные рок-группы «Metallica», «AC/DC», «Pantera» и другие. Вход на фестиваль был бесплатным, в результате чего этот фестиваль по количеству зрителей стал самым массовым за всю историю музыкальных фестивалей в России, он собрал около 700 тыс. человек. Фестиваль был профинансирован корпорацией «BIZ Enterprises» в лице Бориса Зосимова (MTV-Russia, Universal Music Russia) и компанией Time Warning (США)

Два отмеченных нами фестиваля ознаменовали приход новой эры свободной музыки и фестивалей в России. Примерно с середины 2000-х годов наблюдается четкое разграничение российских музыкальных фестивалей по форматам проведения. Сейчас мы можем составить достаточно стройную классификацию современных музыкальных фестивалей. Так, выделяются группы мероприятий, различающиеся

- по жанрам (классические (фестивали академической музыки и хорового пения); эстрадные (фестивали популярной эстрадной музыки); жанровые (рок, фолк, метал, рэп, техно и пр. фестивали); многожанровые);
- по масштабу проведения (местные; региональные; национальные; международные);
- по месту проведения (открытые (Open Air); закрытые (клубные));
- по источнику финансирования (частные; государственные);
- по стоимости входа (платные; бесплатные).

Зачастую классификация проводимых мероприятий носит весьма условный характер и не всегда фестиваль под открытым небом (например, в СК «Лужники», г. Москва) можно назвать Open

Air'ом, а платный вход не всегда свидетельствует об окупаемости мероприятия и уж тем более об извлечении прибыли. Но в общем плане современные российские фестивали можно поделить на следующие группы:

1) Крупные коммерческие фестивали, организуемые профессиональными концертными агентствами и медиа-холдингами при финансовой и рекламной поддержке крупных брендов («Нашествие», «Пикник «Афиши», «Park Life» и др.), включают рок-фестивали и фестивали поп-музыки с привлечением зарубежных хэдлайнеров.

2) Полукоммерческие, региональные («Доброфест» (Ярославль), Рок над Волгой (Самара), Ленинградские мосты (Санкт-Петербург), Тамань (Краснодарский край) и пр.) организуются при финансовой поддержке муниципальных образований и местных компаний.

3) Некоммерческие фестивали («Ural Music Night» (Екатеринбург), «Метафест», «Платформа» и пр.), фестивали с бесплатным входом, проводятся за счет грантов и частных пожертвований для реализации основной идеи и миссии фестиваля.

4) Моностилевые (джаз-, фолк-, метал-фестивали) фестивали ориентируются на узкую целевую аудиторию какого-либо стиля музыки.

5) Средние и мелкие клубные коммерческие фестивали. Как правило, организуются в направлениях электронной музыки, техно, даб-степ и пр. и проходят несколько раз в году в формате закрытых вечеринок.

6) Фестивали бардовской песни.

7) Фестивали классической музыки.

8) Фестивали церковной музыки.

Наиболее значимым событием российской культуры последних лет, на наш взгляд, стал фестиваль «Нашествие» – наиболее крупный многодневный фестиваль на открытом воздухе. Он появился благодаря радиостанции «Наше Радио», которая с момента основания в 1998 году стала эталоном звучания постсоветского «русского рока». В 1999 году был проведен первый рок-фестиваль «Нашествие», приуроченный к годовщине вещания радиостанции, а впоследствии мероприятие стало ежегодным. Формат вещания «Нашего Радио» во многом определил музыкальные вкусовые предпочтения россиян на ближайшее десятилетие, поскольку «Наше Радио» долгое время оставалось единственной радиостанцией в формате русскоязычной музыки наряду с «Русским Радио», форматом которого была и остается популярная эстрада. С этим, пожалуй, и связан успех фестиваля «Нашествие», с 2015 года ежегодно собирающего от 150 до 200 тысяч человек. Фестиваль «Нашествие» – коммерческое мероприятие, проводимое на закрытой охраняемой территории, с 2013 года проходит при поддержке Министерства Обороны РФ, чем обуславливается некоторая милитаризация

фестиваля, не всегда одобряемая посетителями. Несмотря на кажущуюся стабильность в формате фестиваля, из года в год на главную сцену которого приглашаются одни и те же артисты –представители русского рока, организаторы стараются идти в ногу со временем, приглашая молодых исполнителей разных жанров, организовывая различные театральные и танцевальные перформансы.

Подводя итоги исследования, мы хотели бы отметить, что в России музыкальные фестивали прошли достаточно сложный путь становления. Значение данного мероприятия трудно переоценить, т.к. оно представляет собой уникальную модель досуговой деятельности [4], организуя большие массы людей на основе общих музыкальных пристрастий. Даже в пространстве информационной культуры [5] музыкальные фестивали сохраняют «живое» музыкальное искусство, формируют группы единомышленников, увлекают возможностью приобщения к излюбленному музыкальному направлению в различных вариациях представленных произведений. Музыкальные фестивали являются неотъемлемой составляющей культурной политики государства, социокультурной практики, выступая в качестве отдельного направления российской

культуры.

Список литературы

1. Барабанов А.А. Музыкальный фестиваль как явление культуры: региональные фестивали в культурной политике России // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 39-54.
2. Барабанов А.А. Фестивали классической музыки в культурной политике России // Государственная служба. 2014. № 3 (89). С 117-118.
3. Воробьева С.А. Изучение развития музыкальных фестивалей в России // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием. 2017. С. 313-316.
4. Кулешова А.В., Малек Е.В. Особенности создания модели организации досуговой деятельности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 20-22
5. Малек Е. В. Особенности формирования личности в пространстве информационной культуры // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 1 (13). С. 29-31
6. Медведь Э.И., Киселева О.И., Портников В.И. Музыкальные фестивали в реализации культурной политики России // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 12-1. С. 166-170.

УДК 304.2:659

ПРИЧИНЫ ЗАРОЖДЕНИЯ РЕКЛАМЫ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Яшина В.В.

Целью данной статьи стало рассмотрение причин зарождения рекламы, а также анализ ее исторических форм. Исследование вопроса представлено в культурологическом аспекте. Автором была выдвинута гипотеза о том, что понимание и изучение современной рекламы невозможно без рассмотрения основных исторических этапов ее развития. В процессе исследования был использован генетический метод, позволивший выявить исторические основы изучаемого явления; деятельностный метод, давший возможность рассмотреть рекламу как социокультурную практику, и историко-хронологический метод, определивший взаимосвязь эволюции форм рекламы со сменой историко-культурных эпох. Результатом исследования стал вывод о том, что реклама является неотъемлемой частью культурной жизни общества, т.е. понимание ее социальной значимости не представляется возможным вне культурного контекста.

Ключевые слова: Реклама, протореклама, история, исторические формы рекламы, культура, социокультурная деятельность.

The purpose of this article is to examine the reasons for the origin of advertising, as well as to analyze its historical forms. The research is presented in the cultural aspect. The author hypothesized that understanding and studying modern advertising is impossible without considering the main historical stages of its development. In the course of the research, we used a genetic method that allowed us to identify the historical foundations of the phenomenon under study; an activity method that made it possible to consider advertising as a socio-cultural practice; and a historical and chronological method that determined the relationship between the evolution of advertising forms and the change of historical and cultural epochs. The result of the article is the conclusion that advertising is an integral part of the cultural life of society, that is, understanding its social significance is not possible outside of the cultural context.

Keywords: Advertising, proto-advertising, history, historical forms of advertising, culture, socio-cultural activities.

Реклама – динамичная, быстро трансформирующаяся социокультурная сфера человеческой деятельности. Характер рекламы, ее содержание и форма претерпевают кардинальные изменения вместе с развитием культуры: производительных сил общества, сменой социально-экономических формаций и т. д. Факторами развития рекламы в социокультурном пространстве являются потребности производства, торговли и финансов, форма государственного правления, цели различных религиозных конфессий, политиков и простых граждан.

Реклама по праву рассматривается как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры, которая существует и развивается по своим уникальным законам. Понимание и изучение современной рекламы невозможно без рассмотрения основных исторических этапов ее развития. Одновременно общую цель и задачи рекламы, на наш взгляд, правильнее всего анализировать с позиций культурологии, т.к. вне социума и культуры реклама полностью утрачивает свой смысл.

Актуальность данной работы определена тем, что изучение рекламы в наши дни становится исследованием значимой части социокультурной деятельности. История рекламы неразрывно связана с определенными этапами развития культуры, она неотделима от общественных потребностей, а также от общекультурных изменений и преобразований в целом.

Новизна данного исследования связана с выбранным аспектом рассмотрения существующего явления. Реклама представлена в контексте культурологического исследования, что подчеркивает ее социокультурную значимость и в момент возникновения, и в процессе исторического развития.

Целью данного исследования стало изучение причин зарождения рекламы, ее основных форм, претерпевших изменение в связи с перманентными общекультурными метаморфозами.

Цель исследования определила и круг его задач. Во-первых, для рассмотрения рекламы как социокультурной деятельности было необходимо представить истоки формирования данного явления в общекультурной практике. Во-вторых, важно было составить представление о формах рекламы, в которых исторически отражены культурные представления эпохи. В-третьих, требовалось определить важнейшие социокультурные функции рекламы, которые отчетливо проявились в истории культуры, ее взаимосвязь с развитием различных форм коммуникации.

Данное исследование изначально предполагало использование генетического метода для выявления исторических основ изучаемого явления. Деятельностный метод позволил представить рекламу как социокультурную практику и, одновременно, как неотъемлемую часть экономической деятельности человека. Историко-хронологический метод дал возможность изучения

изменений форм рекламной деятельности в их зависимости от смены историко-культурных этапов.

В настоящий момент история рекламы обстоятельно представлена в работах таких исследователей как О.В. Карташева, Б.В. Потапов, К.А. Присмотрова, О.Е. Симонова, М.Г. Бреслер, Л.Р. Петрова, Е.В. Снопков, М. Тангейт и др. В научных статьях и монографиях различных авторов находит отражение история зарубежной и российской рекламы, исторические формы рекламы сопоставляются с современными. Однако большинство из этих работ основано на исследовании экономической и узкопотребительской стороны рекламы даже в том случае, когда речь идет об исторической эволюции данного феномена. Именно поэтому в данной работе был выбран иной, культурологический, аспект рассмотрения рекламы, представленной в качестве неотъемлемой части общекультурных процессов.

Отметим, что в различных источниках авторами указываются разные исторические периоды зарождения рекламы. Часто это положение прослеживается уже при анализе определения интересующего нас явления. Если рассматривать рекламу как особый вид деятельности, который имеет экономическую основу, то можно выделить три важнейших условия ее возникновения и последующего развития в процессе эволюции общества:

- 1) возникновение рынка товаров и услуг;
- 2) возникновение рынка средств распространения информации о товарах и услугах;
- 3) возникновение рынка потребителей рекламируемых товаров и услуг.

Таким образом, мы можем утверждать, что реклама как экономическое явление появилась только в момент зарождения рыночных отношений.

Если же рассматривать рекламу исключительно как средство передачи информации, то оказывается, что первые ее формы появились задолго до возникновения рынка. Самые первые варианты возникшего феномена сейчас часто называют проторекламой [6], [8]. Приставка «прото» здесь указывает на стадию, предшествующую сложившемуся в своем окончательном варианте явлению. Однако в нашем понимании протореклама представляется как исторически сложившийся набор коммуникативных приемов, основная функция которых заключена в обмене информацией, то есть это всего лишь первоначальный этап развития рекламы, на котором она уже сформировалась как социально-культурное явление, но еще не выполняла своей экономической функции. Реклама в этот момент не получила возможности продавать что-либо. В самых общих представлениях реклама зародилась одновременно с появлением культуры. В тот момент, когда человек стал противопоставлять себя природе, соответственно вести борьбу с

природой за выживание, у него возникла необходимость самоидентификации и наглядной презентации своих социальных качеств [1, с. 250]. Уже тогда появилась потребность в коммуникации и первые средства коммуникационного взаимодействия: изобразительные, словесные и иные способы общения. Сейчас мы можем утверждать, что уже в позднем палеолите появляются знаки и символы, без которых узнавание других и представление себя не представляются возможными.

Вполне обоснованно выглядит заявление о том, что к прообразам рекламы можно отнести первую наскальную живопись [8]. В этом случае первобытные рисунки нельзя признать чистым искусством, т.к. для художественного творчества необходима определенная степень индивидуализма, которого при «первобытном коммунизме» просто не могло быть. Наскальная живопись служила средством образовательного процесса членов племени, а также объектом, включенным в ритуалы. Таким образом, в процессе пропаганды и популяризации силы тотемов, ловкости охотников формировалось уважение к ним. Как следствие, наскальная живопись по праву может быть рассмотрена как «политическая» протореклама, зародившаяся в период первобытнообщинного строя.

Оригинальным примером проторекламы, на наш взгляд, являются палеолитические Венеры – фигурки с гипертрофированными признаками женского пола. Они не были воплощением эстетического идеала древних, а являлись символом единства и родства первобытных общин, следовательно, представляли их силы в противоборстве с природой. Говоря иными словами, фигурки Венер заключали в себе идею объединения для всего человеческого рода, выполняя при этом функцию проторекламы. Основываясь на современных представлениях, мы можем предположить, что это была протореклама социальной, гендерной направленности, основной задачей, которой была пропаганда значимости женщины – матери, основательницы рода, хранительницы его силы и стремления к продолжению в последующих поколениях.

Вариантами древней рекламы, на наш взгляд, можно считать татуировки, раскраску тела, различные сакральные предметы, обереги, талисманы, которые закреплялись на теле человека, на его одежде или устанавливались перед входом в жилище, – маркеры, обозначающие границы территории того или иного племени. Эти знаки сообщали жизненно важную информацию относительно других людей или территорий. Они помогали понять соотнесенность социальных позиций «свой – чужой», а также определить социальный статус человека в племени. В данном случае целью проторекламы было оповещение, рассказ, предупреждение.

Важно подчеркнуть, что древнейшие формы проторекламы проходят трансформацию в период зарождения рыночных отношений. Существующий феномен приобретает экономическую составляющую, а к его задачам добавляется функция стимулирования сбыта. Культура рекламы начинает эволюционизировать согласно развитию товарно-денежных отношений. Самые первые торговцы-предприниматели налаживали связи с потребителями посредством устного общения. Места продаж всегда оглашались громкими криками продавцов. Вполне закономерно, что само слово «реклама» происходит от латинского понятия «*geslamare*» – «выкрикивать» [8, с. 2]. Таким образом, одной из первых форм рекламы стала «вербальная реклама», которая осуществлялась институтом глашатаев и распространяемой молвы. Глашатай – специально нанятый человек, в задачи которого входило привлечение покупателей к товару и озвучивание его преимуществ. Возникновение института глашатаев было обусловлено его главным преимуществом – удаленностью источника устной рекламы от места продаж. Теперь информацию о товаре можно было получить далеко за пределами места его продажи, что значительно расширило и границы устной коммуникации. Профессия глашатая быстро приобрела высокий социальный статус, что зафиксировано и в литературно-художественных произведениях. Так, например, римский писатель Апулей в романе «Метаморфозы, или Золотой осел» описывал, как богиня Венера, желая найти сбежавшую Психею, наделила Меркурия – бога торговли – функциями глашатая. Нередко призывы глашатаев принимали песенно-поэтическую форму и становились произведениями, отмеченными высоким литературным мастерством.

В эпоху крестовых походов роль глашатаев видоизменилась, их стали именовать герольдами. Обязанностями герольда были восхваления своего господина и контроль за соблюдением церемоний при проведении турниров. Только наиболее знатные люди могли позволить держать в своей свите герольда. Глашатаи являлись уважаемыми людьми, в их функции входило не только составление грамот и гербов, но и присутствие на мероприятиях. Именно герольды объявляли войну или мир.

На Руси глашатай являлся государственным служащим, а в советской России данную должность упразднили за ненадобностью. На сегодняшний день в монархических государствах герольды все еще существуют. Глашатаи прошлых эпох в современном мире стали сотрудниками маркетинга, распространяя среди прохожих в общественных местах информацию о товарах и услугах.

К древнейшим видам устной рекламы мы считаем возможным отнести и передачу информации «из уст в уста» или молву. С ее помощью сведения о качестве продаваемых товаров распространялись на

большие расстояния, тем самым стимулируя производителей поддерживать свою репутацию. И в наши дни репутация товара определяет приоритет его производителя.

Для быстрого и качественного продвижения товара одного лишь устного упоминания о нем было мало. Устная реклама постепенно была дополнена предметно-изобразительной составляющей. Так, изобразительные формы античной рекламы дошли до нас в виде образцов художественных эмблем ремесленников, логотипов, клейм и вывесок. В Средние века мастерство граверов, скульпторов, художников тоже было востребовано в рамках рекламной деятельности. Их творчество не ограничивалось иллюстрированием рукописей, храмов, а вышло на улицы средневековых городов. Художественная символика пропитывала повседневную жизнь общества [6, с. 37]. Одно из ее ответвлений – геральдика – сложилось в XI – XII веках, найдя воплощение в торговой и цеховой геральдике. Гербы обозначали род занятий и название ремесленного предприятия. Мастера Средневековья сохраняли культуру маркировки своего товара. Такая реклама решала задачи узнавания и запоминания.

Заметим, что уже на ранних этапах развития культуры реклама смогла обрести форму письменного текста. Этому процессу предшествовало изобретение самого письма. Письменная реклама давала простор для фантазии предпринимателей. К такому виду рекламы на ранних этапах развития можно отнести папирусы, восковые таблички, альбомы (белые стены фасадов), афиши, граффити (надписи, нацарапанные или начерченные на стенах), а также фирменные названия и текстовые вывески. Эмоциональное воздействие надписей многократно усиливалось иллюстрациями. Опыт такого совмещения текста и рисунка находит применение и в современной практике рекламной деятельности [7, с. 220].

Глобальный прорыв в процессе совершенствования коммуникации был связан с изобретением печатного станка. Его использование способствовало развитию системы просвещения и культуры того времени. Оно же легло в основу фундамента системы средств массовой информации. Изобретение Иоганна Гуттенберга (1400 – 1468 гг.) непосредственно коснулось рекламной деятельности. Мы считаем, что именно книгопечатание (с 1445 г.) стало важнейшей предпосылкой формирования нового средства коммерческой коммуникации – печатной рекламы. Сами же представители печатного дела стали первыми производителями рекламных услуг. Первое печатное объявление было разработано страсбургским типографом Эггштейном в 1466 году, а в 1472 году в Англии печатник Уильям Кэстон в целях стимулирования сбыта напечатанных им же молитвенников создал объявление, которое впоследствии было наклеено им на дверях церкви, в

здании университета и гостиницы. По инициативе книгопечатников формируется новый жанр печатной рекламной продукции – каталог [8, с. 57]. Поначалу это были составленные перечни книг с заглавием и одобрительными отзывами. Таким образом, изобретение типографского станка создало предпосылки для создания печатных средств массовой коммуникации и формирование предпосылок для количественного и качественного увеличения рекламной продукции. Одним из важнейших последствий изобретения И. Гуттенберга уже в начале XVII века стало бурное развитие печатных СМИ. По мере распространения газет и журналов растет спрос на размещение в них рекламных объявлений, что положило начало размещению рекламы в прессе. В первой половине XVII в. возникают и первые специализированные издания. Так, в 30-х гг. XVIII века Т. Ренодо запускает первый рекламный журнал «Petites Affiches» («Маленькие афиши») [8, с. 67].

Уже к началу XIX в. рекламные издания были достаточно распространенным явлением. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1801 году Наполеон Бонапарт (1769-1821) издает декрет с Положением о периодической печати. Этот документ четко выделяет рекламные издания из всех остальных с жестким запретом публикаций в них статей литературного и политического характера.

Технический прогресс способствовал резкому росту тиражей периодических изданий в начале XIX века, что привело к повышению качества подачи рекламных материалов. Если еще в XVI – XVII вв. в газетах изредка встречались объявления, выполненные в технике ксилографии (оттиск на бумаге, сделанный с гравюры), то уже в начале XIX в. совершенствование методов репродукции позволило создать новый тип изданий – иллюстрированные журналы. В конце XIX в. стали применяться фотографические технологии, что позволило использовать их достижения в фоторекламе. Формы рекламы становятся все более и более информативными. Теперь информация может передаваться не только в форме печатного слова, но и в форме образа, т.е. постепенно визуализируется.

Рекламные плакаты стали таким новшеством, пройдя путь от монохромных листовок, не превышающих размер 22x25 сантиметров. Их себестоимость была достаточно высокой, а сроки изготовления большими. Но с появлением нового способа плоской печати – литографии – плакаты стали иметь большой размер, а стоимость их изготовления значительно снизилась. Технологии хромолитографии и фотолитографии позволяли делать изображения, которые получались реалистичными и цветными. Эти преимущества широко использовались при изготовлении плакатов, этикеток, каталогов, оберточной бумаги, листовок и т.д. Нужно отметить, что с фотографией в рекламу

пришло правдоподобие и целый новый мир художественного творчества, поскольку она позволяла показать товар, людей и отдельные места на планете не глазами художника, а такими, какими они были на самом деле.

Не подлежит сомнению тот факт, что с изобретением радио, а потом и телевидения реклама все больше приобретает массовый характер. Реклама на радио переняла все функции глашатайства с более обширной территориальной распространенностью. Телевидение же совмещало в себе практически все формы рекламной деятельности и имело неоспоримое преимущество, передавая «живую картинку». Теперь картинка не была статичной, а образы – нарисованными, что, несомненно, передавало ощущение реальности происходящего. Все это вызывало интерес зрителей, пробуждало яркий эмоциональный отклик. Этим преимуществам не могли не отметить создатели рекламы, ведь именно то, к чему они всегда стремились, можно было воплотить средствами телевидения. Телевизионная реклама воздействует сразу на несколько органов чувств, рассчитана на визуальное и аудиальное восприятие, и на телевидении она имеет массовый характер. Таким образом, реклама на телевидении в полной мере решает задачу формирования потребности в товаре. Сейчас телевидение корректирует вкусы общества, поведение личности, ценностные ориентиры через рекламу, представленную здесь достаточно агрессивно. Реклама на телевидении чередуется с визуализированной информацией о спорте и политике, с развлекательными и познавательными передачами, а значит, занимает время, отведенное на досуг. По сути, современная телевизионная реклама становится неотъемлемой частью пространства досуга современного человека [2]. В современной культуре экспансия телерекламных текстов с неизбежностью вызывает вопрос о ее пределах и последствиях. В наши дни нельзя не задумываться об итогах суммарного воздействия массивированной рекламы на общественную систему ценностей и нравственный потенциал индивидуумов, формируемых в пространстве информационной культуры [3].

Несмотря на все недостатки и достоинства, современная телереклама реализуется не просто в качестве элемента маркетинга, а как полноценный элемент культуры. Но все же, несмотря на свое широкое распространение, телереклама в большей своей части ограничена рамками той или иной страны. Глобальный характер реклама приобретает только с появлением всемирной сети Интернет. Именно интернет-реклама вобрала в себя все черты, присущие телерекламе, но отличается от нее глобальностью распространения, такая реклама более точно, адресно воздействует на потребителя. Это означает, что сейчас мы наблюдаем формирование нового витка в эволюции рекламы.

Подводя итоги нашего исследования, мы должны отметить, что в зависимости от исторического периода, места и технических возможностей реклама могла иметь те или иные характерные черты. Так, если в античном мире главное место занимала устная реклама экономической направленности, то в Средние века на первый план вышла реклама религиозной направленности. Если в императорской России конца XIX в. был достаточно высокий количественный и качественный уровень развития коммерческой рекламы [5], то в постреволюционное время реклама стала носить определенный политический характер [4].

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что реклама является частью культурной жизни общества, на нее оказывают влияние политические, экономические, технические, социальные, моральные и другие сферы человеческой жизни. Рекламу по праву можно назвать зеркалом культуры того времени, в которое она создавалась. Исторические формы рекламы вполне сопоставимы со специфическими чертами отдельных исторических периодов, в рамках которых происходили существенные изменения общекультурных представлений.

Список литературы

1. Каргашева О.В. История рекламы – история развития общества // Медиапространство многополярного мира: сборник научных статей. 2017. С. 249-256.
2. Кулешова А.В., Малек Е.В. Особенности создания модели организации досуговой деятельности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 20-22.
3. Малек Е.В. Особенности формирования личности в пространстве информационной культуры // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 1 (13). С. 29-31.
4. Потапов Б.В. История создания рекламы в России // Вопросы гуманитарных наук. 2014. № 3 (72). С. 167-168.
5. Присмотрова К.А. История развития рекламы в России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 1 (13). С. 253-256.
6. Симонова О.Е., Бреслер М.Г., Петрова Л.Р. История рекламы. Уфа: Башкирский государственный университет, 2013. 234 с.
7. Снопко Е.В. Реклама: история и современность // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 3. С. 217-222.
8. Тангейт М. Всемирная история рекламы. М.: Альпина Паблшер, 2015. 286 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В БЛОГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ИНСТАГРАМ»)

Асмус Н.Г.

В статье предложен анализ гендерных особенностей блогговых постов на примере социальной сети «Инстаграм». Под жанром «блог» мы понимаем особый тип асинхронного лично-ориентированного общения, имеющего устно-письменную текстовую форму полилога и порожденный блогговым интерфейсом. Нам удалось выделить два основных способа конструирования личностной идентичности в киберпространстве: самописание и самовыражение. В женских блогах преобладает стратегия самовыражения, в мужских блогах – самописание. Гендерные различия между обеими стратегиями в виртуальном общении проявляются на всех уровнях языка.

Ключевые слова: Виртуальная коммуникация, блог, социальная сеть, гендер, способы конструирования личностной идентичности.

The article offers an analysis of the gender differences of blog posts on the example of the social network «Instagram». By «blog» we mean a special type of asynchronous person-centered communication, which has an oral-written text form of a polylogue and is generated by a blog interface. We were able to identify two main ways of constructing personal identity in cyberspace: self-description and self-expression. In women's blogs the strategy of self-expression prevails, in men's blogs – self-expression. Gender differences between both strategies are manifested on all levels of the language.

Keywords: Virtual communication, blog, social network, gender, ways of constructing personal identity.

Появление нового типа общения приводит к формированию особого коммуникативного пространства, которое определяет способ и сферу общения, участников коммуникации и выбор ими средств выражения, временной и пространственной фактор взаимодействия. Виртуальная коммуникация, став привычной формой общения, получения информации, услуг и возможностей для современного человека, диктует новые условия взаимоотношений, заключения договоров и ведения бизнеса.

Мы выделяем следующие черты виртуального коммуникативного пространства: субъективность информации, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность и мозаичность. Попадая в новую среду общения, текст приобретает и особые черты. Так, для сетевого текста характерны: диалогичность построения, наличие гипертекста, комбинация различных типов дискурса, речевая однородность круга общения, неограниченность в выборе языковых средств и наличие специфической компьютерной этики.

Гендерные исследования в области виртуальной коммуникации проводились многими исследователями, но в большинстве работ были выделены черты, присущие всему Интернет-общению

в целом. Поэтому относительная неизученность данного вопроса и отсутствие единства мнений среди лингвистов определяют актуальность данного исследования. Сегодня в компьютерной коммуникации участвуют в равной мере как мужчины, так и женщины, что позволяет нам говорить о гендерной составляющей виртуальной коммуникации, в частности, общения посредством электронных дневников – блогов. Проанализируем роль гендерного фактора и его влияние на электронную коммуникацию на примере интернет-блогов.

Под жанром «блог» мы понимаем особый тип асинхронного лично-ориентированного общения, совмещающего черты «классического» дневника и разговора по душам, имеющего устно-письменную текстовую форму полилога и порожденного блогговым интерфейсом. Блоггинг как коммуникативная платформа реализуется в рамках таких сервисов и социальных сетей, как официальный сайт компании, Twitter, Инстаграм, Facebook, YouTube.

Изначально блог представлял собой своеобразный вариант персонального дневника в электронном варианте, где отдельная личность или группа личностей освещала события, произошедшие с ним или с ними за прошедшие дни. Постепенно

жанр блога трансформировался в своего рода глобальный сетевой аккумулятор новостей. В любой момент незнакомый пользователь может присоединиться к некоторой группе людей, опубликовавших в сети определенную новость, и адресовать мировой аудитории описание события, произошедшего не с ним, а с другим, т.е. похожего события, случившегося в месте проживания участника блога. Эти особенности определяют «медийность» блогговых текстов, под которой понимается универсальное свойство текстов «быть сжатым сообщением об актуальных и значимых событиях и фактах из жизни реальных людей» [3, с. 46]. Признаками медийности являются: актуальность новости, неожиданность происшествий, включенность автора в событие, апелляция к популярным концептам и составляющим актуальных на данный момент тем, экспрессия, публичная адресованность, обратная связь.

Блоги могут быть написаны группой профессиональных авторов, посвящены только одной теме, состоять из цитат и репостов из других блогов. Мы будем рассматривать блог как совокупность недлинных, регулярно добавляемых записей, преимущественно бытовой тематики, написанных любым пользователем и направленных на самопрезентацию личности с целью спровоцировать реакцию, вызвать эмоции или удивить, не оставляя равнодушным.

Лайфстайл-блогеры пользуются огромной популярностью у фоловеров как икон стиля или моды, у рекламодателей и владельцев бутиков и ресторанов как модных критиков, информирующих аудиторию о том, что читать, как одеваться и какие курсы для самореализации выбрать. Лайфстайл-блог напоминает журнал, состоящий из фотографий и коротких записей, связанных с модой, стилем, одеждой с точки зрения их смыслового содержания. Он отражает интересы и реальный (или воображаемый) образ жизни блогера, направленный на скрытую рекламу и продвижение определенных товаров или услуг. Основным типом контента выступают посты о современной моде, новых тенденциях в сфере музыки, спорта, искусства и развлечений; публикации, в которых блогеры рассказывают о последних событиях в этих областях, выкладывают фотографии с показов одежды на неделях моды, рассказывают о том, что нужно носить в текущий сезон, как питаться, где найти подходящий фитнес-центр или студию йоги. А также выкладывают собственные фотографии (так называемые looks – луки или образы), где подробно описывают, какой марки одежда, где куплена, какова её стоимость, и объясняют, почему вещи лучше сочетать именно таким образом.

При общении в блоге исходное сообщение нередко состоит из одного-двух предложения и в зависимости от интереса пользователей

сопровождается комментариями. По сути, комментарии и являют собой «само содержание общения в рамках таких блогов» [2, с. 208]. Интернет-комментарий в нашей работе рассматривается как отдельно взятое сообщение, размещенное сразу после текста статьи, написанной подписчиком в качестве обратной связи. Констатируем вслед за Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой, Л.Т. Касперова, М.В. Ивановой, С.Ф. Барышевой [1, с. 52] то, что в нем обычно сочетаются элементы информативного, оценочного, императивного и ритуального типов жанра. Интернет-комментарий состоит менее чем из 50 слов и содержит ссылку на предыдущий комментарий подписчика или пост блогера. Основная часть комментария может быть написана в виде аналитического комментария, содержащего мысли читателя над постом или вопросы к блогеру или анализ его сообщения с лингвистической точки зрения. Комментарий может быть эмоциональным откликом на сообщение или фрагментом, представляющим коллективное литературное произведение.

Нам удалось выделить два основных способа конструирования личностной идентичности в киберпространстве: самоописание и самовыражение. Основными стратегиями самоописания виртуальной личности являются: автобиография пользователя, список интересов и посты. Авторы в первую очередь стремятся рассказать о себе, своих интересах и увлечениях, возможно, преследуя цель найти пользователей со схожими интересами, поделиться с ними мнениями и впечатлениями о различных событиях своей жизни. Самовыражение в свою очередь характеризуется акцентом на ментальных представлениях о типичных ситуациях социальном-коммуникативного взаимодействия. Основной формой саморепрезентации является творчество пользователя: стихи, фотографии, дизайн личной странички и т.д.

marieforleo: *As of today, 3 of my friends have Coronavirus. They are thankfully okay right now, and doing their best to recover. ☐☐I was just meditating and this S.A.F.E. acronym downloaded in my mental theater. ☐ Pls read it, share it, but most importantly DO IT. I cannot emphasize the importance of these steps enough. At my home we have some gloves, bandanas, lots of soap and water, some wipes and most important — a step-by-step system to 1) receive deliveries and move them safely into the house 2) a system to stay safe if/when we need to go to the grocery store. This is not about fear, it's about facts, science and the free things we can do to stay healthy and do our part to help our fellow citizens. If all of us do this (and stay home) it really can make a difference. Love you ☐☐☐ ✓update: our system: I wear gloves or use wipes on all handles (my car, baskets, shopping cart, freezers), then when I'm done, I safely remove gloves, then wash my hands.*

В данном примере тактика самоописания реализуется при помощи высокореферентных эгоцентричных местоимений «I» и «We», где автор поста всецело концентрируется на своих чувствах и переживаниях и противопоставляет позицию «своего» позиции «чужого или чуждого мировосприятия».

tanianishiv: *I've been social distancing with my family for 5 weeks now... Is it easy? No. Jeez no. Is it necessary? Fuck YES! How is it we are still waiting for people to take this seriously!? Will it take the PM going into intensive care for people to start realising this virus is no joke and kills!!! Black and White. No grey area! What else needs to happen?*

Does it need to affect someone you know for you to care??? Is it easy to be lax because it's «happening to someone else».....??? WTF!? How selfish... Wake up! Your 'someone else', is someone elses' loved one. Someone elses mother, father, sister, brother, grandparent, great grandparent, uncle, aunt, niece, nephew, cousin, grandchild, son or daughter... So what if it is not someone «you know» If you keep on keepin on as you are, it will be, and then what... well, then, it will be too late... you happy to live with that?

Take responsibility for yourself and your actions and #staythefuckathome !

Данный пост посвящен той же теме – борьбе с коронавирусом. Автор в своем послании обращается ко всем пользователям Инстамира быть бдительным и внимательным к своему здоровью и здоровью своих близких. Тактика самовыражения построена на использовании антитезы (*black and white; to take seriously, to be no joke, to kill; to care and to be lax; someone else, someone elses' loved one*), риторических вопросов (*What else needs to happen? , Is it easy to be lax because it's «happening to someone else»*), побудительных конструкций (*Wake up, Take responsibility*), однородных членов (*mother, father, sister, brother, grandparent, great grandparent, uncle, aunt, niece, nephew, cousin, grandchild, son or daughter*), капитализации и мультипликации знаков препинания. Твердая авторская позиция не направлена на позиционирование «я», напротив, автор предлагает простой, но действенный способ решения проблемы: задуматься и начать с себя.

Мы провели исследование лингвистических особенностей аккаунтов Instagram известных блогеров, которые имеют более миллиона подписчиков. Согласно результатам исследования, мы можем утверждать, что существуют определенные различия между блогерами мужского и женского пола в использовании различных языковых средств и стратегий.

В женских блогах преобладает стратегия самовыражения (68%), которая реализуется посредством таких тактик, как тактика создания красочного высказывания, тактика смягчения агрессивного тона высказывания, тактика

поддержания дружеского контакта, тактика сокращения дистанции. Для выражения эмоций и отношения к описанному женщины-блогеры часто используют множество оценочных эпитетов с положительной коннотацией (*“incredible small businesses, creators”, “deathly allergic”, “exceptionally tidy”, “pretty legendary insults”, “countless sacrifices”, “lovely fabrics”*), экспрессивно-оценочных аффиксов («*Three deary year-ies*», «*Doggie days*», «*Senator Patton, Sweetie*»), метафоры, фразеологизмы, средства семантической гиперболизации речи, сравнения (*“My heart has melted”, “wipe my smirk off the face”, “act like a nightmare”, I had a million dollar idea, “to be up for”, “to keep up with!”*, *“behave like a bizarre creature”*). Эпитеты с негативным значением встречаются реже. Обильное использование усилителей является одной из характерных черт американских и британских блогеров-женщин и более типично для женского пола (*“much too young», “awfully pretty”, “too dressed up”, “perfectly happy”, “totally lost”, etc.*

Нельзя не отметить появление окказионализмов в текстах женских блогов, которые чаще всего образованы путем словосложения («*an up-close-and-personal look*», «*Touch-Off-A-Tantrum*», «*being a #boymom*»).

Согласно результатам исследования, женский пол широко использует лексические аппроксиматоры, которые определенным образом можно считать маркерами женственности (*“sort of right”, “kind of mysterious”, “sort of distant”*). Одной из причин, связанных с приблизительным значением, является уклончивость в некоторых ситуациях.

Часто авторы стремятся к иронии или самоиронии, умело вводя в текст своего дневника шуточные высказывания:

She's a cloth-diapering pro, and she whipped that thing up like it was no big deal. “So you know what I'm really excited about?” she said, rolling the diaper up in some kind of magical bag that hides the toxic fumes of a 1-year-old.

But can we maybe just give women – even, heaven forbid, pregnant women, who actually have brains, too – just a teensy bit of credit?

Современные женщины-блогеры, как правило, выражают свою точку зрения по любому вопросу или новости. В некоторых сообщениях можно встретить сленгизмы и табуизированную лексику, которые указывают на независимость женщин и их активную позицию в обществе (*“jerk”, “What's the hell with...”, “totally out of whack”, «holy crap, it's exhausting». “What the fuck is a horny toad?”, “Calm the shit down, mom”*).

На синтаксическом уровне необходимо отметить, что доминирующими конструкциями, используемыми блогерами-женщинами, являются эллиптические предложения (*“Care to think?”, “Still alone?”*), модальные глаголы (*“You might be thinking”,*

“I must confess”), эмфатические конструкции для усиления выразительности речи (“I do believe”, “She did speak on it”, “We put on a pretty marvelous show, didn’t we?”), параллельные конструкции («So may I just speak for all mothers when I say — holy crap, it’s exhausting. It’s exhausting to try to wonder what touching receipts, breathing air, or being too stressed will do to our babies»; But that’s not enough. It’s not enough to support freedom of gender expression for kids in general»).

В целом необходимо отметить, что в женских блогах преобладают сложные предложения, но в силу того, что стиль написания приближен к устному по принципу «что говорю, то и пишу», встречаются как простые, так и неполные предложения («Hell to the NO», «Tell me yours!», «A question for the ages: Why am I always exhausted? Seriously»). Использование парцелляции в блогах женщин придает тексту дополнительную эмоциональную окраску: «If I’d have known those curves were going to be so short lived, I would have set up an exotic photo shoot. Me. Naked. On a Beach».

Самоописание ярко просматривается в мужских блогах (77%), самовыражение встречается реже (23%). Большинство постов связано с работой или хобби и менее эмоционально по сравнению с женскими блогами; блогеры-мужчины более замкнуты и самодостаточны. Так же как и блогеры-женщины, блогеры-мужчины используют различные лексические единицы, которые направлены на реализацию функции самопрезентации: сленговые и табуизированные слова («the fucking mole people», «Off fuck», «Irrelevant smart-ass comment», «dammit», «ass-hat», «can cop a feel»), эпитеты («how talented, amazing, kick-ass and beautiful you are», «marvelous mood», «magic moments»), метафоры («Love is the best medicine»), сравнения («like a monster», «like a real man»), идиомы («horse around», «shoot the breeze»). Но их количество незначительно, т.к. принцип экономии усилий говорящего и мужской стиль подачи информации – сжато, сухо, логично – не позволяют мужчинам быть многословными и красноречивыми. Необходимо упомянуть такую мужскую черту, как логичность и краткость изложения, и использование языковых средств аргументации и перечисления: «In a nutshell, going to the gym is all about exercising and using high-tech machines to derive immense health benefits. However, that is not the only way to gain these health benefits. Exercise is a simple activity».

Блогеры-мужчины склонны придерживаться более нейтрального тона в своих постах и историях. Нами было выявлено использование большого количества слов, характерных для разговорной речи и звукоподражательных конструкций («how talented, amazing, kick-ass and beautiful you are», «Wanna know what I’m weird about?», «Just kidding», «I realized it’s all just STUFF», «Yick», «haha», «Oh», «gee», «uh»,

«oh», «wow», «Yup»).

Интересно отметить, что блогеры-мужчины используют профессионализмы и термины для того, чтобы описать ту или иную сферу жизни и свою профессию («powertrain – electric, plug-in hybrid, and gas-electric hybrids», «in the wiring (easily fixable)», «wifi-enabled devices», «a 4G LTE connection with 3G as backup», «liquid coolant»). Типичным для многих блогов является наличие обращений к потенциальным читателям, что объясняется присутствующей в электронных дневниках обратной связью в виде комментариев к написанному автором блога. Среди анализируемых нами электронных дневников мы встретили следующие обращения: «Are you guys paying for», «No target practice needed, sir», «Hey man, This is awesome», «That is no joke man», «hey brock, thanks for including my site on your top 50 list!», «that was super nice of you buddy».

На синтаксическом уровне в блогах мужчин и в комментариях преобладают простые предложения. Это объясняется желанием быть лучше понятым и сконцентрировать внимание на деталях («As for the second question, that is undeniable, «yes». I do miss it», «For now, and for good. That I know», «Because they are not. At all»).

В мужских блогах можно встретить большое количество восклицательных предложений. Восклицательные предложения показывают степень экспрессивности и заинтересованности проблемой, обсуждаемой в постинге, и могут выражать огромное количество эмоций, начиная от возмущения и заканчивая восхищением. Например, «And if I don’t, there’s always my right hand!», «Give yourself this gift and then tell me in the comments below how you feel!», «Fiscal responsibility, people!»

Кроме того, одним из способов выражения эмоций в мужских блогах являются эмфатические конструкции: «I’m a man. I do things. That’s about the gist», «I do miss it», «Little did anyone realize the seriousness of the situation».

Другой особенностью мужских блогов на уровне синтаксиса является наличие логической связи между предложениями, которые у некоторых авторов даже пронумерованы: «First of all, we criticize people for one of two reasons:

1) We want others to realize and reach their potential. We think we’re motivating other people, but we’re actually not.

2) We lack a quality or skill ourselves, so we highlight these as faults in other people. This is known as transference».

Следующей синтаксической особенностью мужских блогов является частое отсутствие вспомогательного глагола в вопросах: «awesome you say?», «Right direction?», «which country he from?»

Итак, в результате нашего исследования мы пришли к выводу, что мужчины и женщины в равной степени участвуют в виртуальном общении, поэтому

стало возможным различать как гендерные сходства, так и различия в англоязычной блогосфере. Гендерные различия в виртуальном общении зависят от коммуникативных установок, типа дискурса и временного параметра.

Список литературы

1. Клушина Н.И., Смирнова Н.В., Касперова Л.Т., Иванова М.В., Барышева С.Ф. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 50-54.

2. Танабаева И. Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // Молодой ученый. 2017. № 51 (185). С. 207-210.

3. Хорольский В.В. Медийность и научность: сямские близнецы или дальние родственники? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. 2015. № 1(14). С. 42-51.

4. Instagram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/nicolettemason/> (дата обращения: 23.11.2020).

МОТИВ ДОМА В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И.А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Руденко И.А.

Целью данного исследования анализ образа дома в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи», значений слова «дом» и его лексических и контекстных синонимов. Сопоставление образов дома помогает определить жизненные ценности писателя, понять, какую нравственную оценку он дает своим персонажам. Научная новизна заключается в рассмотрении мотивной структуры традиционного для русской литературы образа дома, в изучении символических значений слова «дом» в контексте художественного творчества И.А. Бунина. Результат исследования состоит в том, что в цикле рассказов «Темные аллеи» образ дома является важнейшим: запретная любовь, грех и очищение, расплата за содеянное, безвозвратно уходящее прошлое, судьба, несбывшиеся мечты, истоки личности – вот основные мотивы, которые писатель связывает с образом дома.

Ключевые слова: Образ дома, мотив, «Темные аллеи» И.А. Бунина, цикл рассказов, символ.

The main goal of the present research is to analyze the image of a house in the collection of Ivan Bunin's short stories named "Dark Alleys" and to study the meaning of the word "house" itself and its lexical and contextual synonyms. The comparison between images of "house" helps to determine the writer's life values, as well as to understand how he assesses the moral qualities of his characters. The scientific novelty consists in consideration of motif structure of the traditional image of "house" and in studying of some symbolic meanings in the Ivan Bunin's literary work's context. The result of the research is that the "house" image appears to be the most significant one in the whole collection of Bunin's stories: the primary motives that the writer connects with the image of "house" are forbidden love, a sin and redemption, retaliation, the past that one cannot change, the fate, unfulfilled dreams and roots of personality.

Keywords: Image of the house, motif, «Dark alleys» by I.A. Bunin, cycle of stories, symbol.

«Дом» – это один из важнейших концептов национальной концептосферы любого народа, причем смысловая природа данного концепта весьма разнообразна. Представляет интерес анализ понятийной, ценностной и образной составляющих [2], [3] концепта «дом» в гипертекстуальном пространстве художественного дискурса. Образ дома является важнейшим в творчестве И.А. Бунина, причем, кроме значений, зафиксированных в словарях и встречающихся в рассказах цикла «Темные аллеи», у писателя слово «дом» в разных контекстах приобретает символические значения.

Слово «дом» и его синонимы в произведениях И.А. Бунина чаще всего употребляются в следующих словарных значениях:

1. жилое (или для учреждения) здание.

2. квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. [6, с. 141].

Рассказ Бунина «Темные аллеи», открывающий цикл и дающий ему название, начинается с того, что «в холодное осеннее ненастье» к «длинной избе» подъезжает тарантас. В экспозиции слово «изба» выступает синонимом слова «дом» в первом значении [4, с. 194], позже мы узнаем, что одна часть длинной избы – почтовая станция, а другая – постоялая горница, место, где можно отдохнуть и переночевать после утомительной дороги [1, с. 5], и старик-военный, приехавший в тарантасе, вбегает на крыльцо избы. Для создания гармоничного мира дома И.А. Бунин сочетает зрительные («золотистый образ», «печь... ново

белела мелом»), осязательные («было тепло, сухо») и обонятельные («пахло щами – разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом») образы. Здесь дом – место покоя, физического и душевного, И.А. Бунин противопоставляет ненастье мира внешнего уюту дома, и усталый путник, который сначала не узнает в хозяйке частной горницы свою бывшую возлюбленную, отмечает это: «И как чисто, приятно у тебя» [1, с. 6].

Однако Надежда, содержательница горницы, несмотря на свою любовь к хозяйствованию, воспринимает свой дом и род занятий с некой обреченностью: «...А надо же чем-нибудь жить» [1, с. 6].

История Надежды обыденна: крепостная дворовая девушка, выросшая «при господах», влюбляется в Николая Алексеевича, барина, который после быстротечного романа «бессердечно» ее бросает. Господа же, по-видимому, чувствуя вину перед Надеждой и не желая видеть ее страдания, дают ей вольную, но это благодеяние оборачивается для героини утратой дома – места, где она была влюблена и счастлива, где ей читали стихи «про всякие темные аллеи» [1, с. 9]. Именно поэтому дом, хозяйкой которого после долгих скитаний стала героиня, она воспринимает лишь как эрзац того, что могло бы быть: длительная и болезненная любовь к Николеньке не позволила Надежде выйти замуж, создать семью, т.е. обрести дом во втором словарном значении этого слова.

Теряет и не обретает дом в значении «семья,

близкие люди» и Николай Алексеевич, случайно узнавший в хозяйке частной горницы Надежду, в которую он был влюблен тридцать лет назад. После расставания с ней герой создает семью, но его дом постепенно рушится: жена изменяет герою и бросает его, сын вырастает наглецом «без сердца, без чести, без совести». Теряя дом, герой Бунина расплачивается за малодушие, неспособность пренебречь социальными условностями ради любви, боль, причиненную им Надежде [1, с. 10]. Именно поэтому жизнь пожилого героя лишена домашнего уюта, покоя: Николай Алексеевич на протяжении рассказа находится в дороге (едет на лошадях, спешит на поезд), останавливаясь в частной горнице Надежды – временном приюте – лишь для того, чтобы острее ощутить свое одиночество и понять, что счастье безвозвратно потеряно. По пути на станцию герой, несмотря на кажущуюся ему абсурдность воображаемого, мысленно видит Надежду в роли жены, матери своих детей и хозяйки петербургского дома, соединяя мечты героини о вечной любви и свои представления о семейном счастье. Здесь дом символизирует надежды героев, которым никогда уже не суждено сбыться [1, с. 11].

С мотивом запретной любви связывает Бунин образ дома в рассказе «Кавказ». Герой-повествователь, приехав в Москву, «воровски» останавливается «в незаметных номерах», где и происходят его свидания с замужней возлюбленной [1, с. 11]. Рассказчик испытывает чувство вины, он ощущает себя преступником, героиня же боится того, что муж узнает о ее связи с любовником и что кровавой развязки не избежать [1, с. 12]. Здесь образ дома, которым являются незаметные номера гостиницы, показывает временность, обреченность отношений героев.

Следующий временный приют любовников – купе поезда, в котором герой, испытывающий вину и стыд, но не способный справиться со страстью, не может чувствовать себя как дома: он прячется, чтобы не видеть сцену прощания героини с мужем [1, с. 13]. Героине же, убежавшей из дома, покинувшей семейный очаг, это временное пристанище приносит облегчение: именно поэтому она первый раз называет героя на «ты». Но в то же время женщина понимает, насколько нестабильно ее положение, и она готова расплатиться жизнью за короткий миг счастья («Но бог с ним, лучше смерть, чем эти муки») [1, с. 14].

На юге домом любовников становится хижина, из окон которой героям открывается дикая, первозданная красота Кавказа. Казалось бы, герои обрели утерянный рай (один из синонимов слова «хижина» – куца, что вызывает ассоциации с райскими кущами) [3, с. 88]. Но словарное значение слова «хижина» таково: хижина – небольшой сельский домик, избушка [2, с. 704]. Хижина – это непрочное строение, и этот образ у Бунина связан с ощущением зыбкости, призрачности счастья, именно

поэтому героиня плачет, понимая, что из временного рая ей придется возвращаться в ненавистный дом, в Москву, к мужу, которого она ненавидит и боится.

Но если в начале рассказа «Кавказ» в московских номерах селится любовник героини, то в конце произведения в сочинской гостинице оказывается обманутый муж. Его московский дом (во втором словарном значении) предательски разрушен, поэтому самоубийство, напоминающее торжественный ритуал (герой надевает чистое белье, белоснежный китель, а белый цвет традиционно связан с мотивом очищения), муж героини совершает в гостинице, очищаясь от нанесенного оскорбления и одновременно освобождая свою неверную жену от чувства ненависти и страха [1, с. 16]. Жизнь обманутого мужа заканчивается не в оскверненном доме, а в гостинице у моря, и если московские номера, в которых останавливается любовник, – место греха, то приморская гостиница – место высокой жертвы и очищения.

С мотивом греха и очищения связан образ дома и в рассказе И.А. Бунина «Баллада». Произведение начинается с изображения деревянного господского дома, который особенно дорог герою-повествователю в «большие зимние праздники». В канун Рождества в доме моются полы, перед иконами зажигаются лампы, и тогда дом напоминает церковь, поэтому рассказчик ощущает «благоговейный и как бы ждущий чего-то покой» [1, с. 17]. Здесь дом для героя-повествователя – родовое гнездо, нечто вечное, вневременное, дающее нравственную опору.

И именно в этом доме в одну из праздничных ночей пожилая странница Машенька, иногда гостившая зимой в поместье, рассказывает повествователю «балладу» о святом – Божьем волке, услышанную ею еще в юности. Дед ее молодой барыни умирает страшной смертью. После того как великая царица разгневалась на князя и заточила его «вдаль от себя», он предается прелюбодеянию [1, с. 23]. Дом князя Машенька называет сералем, а согласно толковому словарю, сераль – это дворец на востоке, а также гарем во дворце [2, с. 581]. Герой оскверняет дом изменой православным ценностям, однако самый страшный грех его в том, что он прельщается женой своего сына, которую должен считать дочерью, и хочет догнать сына и новобрачную, понявших его намерения и ночью уехавших из страшного дома. Слепленный страстью, князь стреляет по лошадям беглецов, но «великий, небывалый волк» останавливает сластолюбца, пересекая ему «кадык клыком» [1, с. 24].

Умиряющего князя привозят в дом, и оскверненное жилище очищается: герой перед смертью кается, причащается и велит написать Божьего волка, который помог ему избежать самого страшного греха, в церкви над его могилой в назидание «всему потомству княжескому». [1, с. 24].

Дом в этом рассказе – место, оскверненное человеком и очищенное благодаря божьему провидению, не позволившему человеку пасть окончательно.

Эта «баллада» во многом определяет жизненный путь самой Машеньки: сироту, оставшуюся без родителей и взятую из сострадания господами в барский дом, впечатляет история о Божьем волке, поэтому героиня становится божьим человеком, странницей, ходящей по домам и рассказывающей людям о господней милости и справедливости. И барский дом, в котором она впервые услышала страшное предание, – это некая точка отсчета, определяющая дальнейшую жизнь героини.

Образ дома является важнейшим и в рассказе И.А. Бунина « Степа ». Молодой купец Красильщиков, учившийся в Москве, приезжает в свою тульскую усадьбу, которую уже не воспринимает как дом, но чувствует себя здесь « помещиком-купцом, вышедшим из мужиков » и любит себя [1, с. 26]. Однако его московскую квартиру можно назвать домом лишь условно: мебель в чехлах, люстры и картины в кисее, запах нафталина говорят о том, что это жилье чужое для героя. Чувства его любовницы-актрисы, которая навещает Красильщикова, тоже фальшивы: она приезжает поздно, хотя герой ее ждет, говорит неискренне и чересчур эмоционально [1, с. 26]. Временное жилье связано с минутными чувствами и короткими отношениями, и утратившему внутреннюю связь с родиной герою не удастся в Москве обрести новый дом.

Так же как и в рассказе « Темные аллеи », герой оказывается в дороге во время дождя. Но, в отличие от Николая Алексеевича, который останавливается у постоялой горницы осенью, в ненастье, Красильщиков оказывается у постоялого двора мещанина Пронина, вдовца, в тот момент, когда « кругом стало проясняться » [1, с. 26]. То есть дом, в котором на некоторое время останавливается герой, – это его шанс изменить жизнь, познать настоящую любовь, обрести счастье.

Но Красильщиков, поддавшись страсти, соблазняет влюбленную в него юную Степу, дочь уехавшего мещанина. Он обманывает рыдающую девушку, готовую ради любимого оставить дом, обещая жениться на ней, но понимая, что этого никогда не будет. Красильщиков разрушает чужой дом, причем он осознает, что вернувшийся из города отец девушки « все сразу поймет » [1, с. 30]. Но за эгоизм и неумение контролировать свои чувства герой расплачивается окончательной утратой дома: « воротясь домой », он тотчас же начинает собираться и через два дня оказывается в Кисловодске [1, с. 31].

Однако дом в цикле « Темные аллеи » герои теряют не только когда расплачиваются за содеянное. Жестокая судьба порой лишает бунинских персонажей дома. Подобное мы видим в рассказе « Красавица ».

Молодая красавица выходит замуж за невзрачного пожилого чиновника казенной палаты. Она « отлично и крепко сложена, всегда хорошо одета, внимательна и хозяйственна по дому », поэтому сразу занимает главное место в семейной иерархии. Дом для красавицы – созданная ею семья, в которой нет места ненавидимому семилетнему сыну мужа от первой жены. Отец мальчика « из страха » перед новой хозяйкой дома притворяется, « будто у него нет и никогда не было сына » [1, с. 61].

Мальчик же становится « как бы не существующим в доме », его жизненное пространство постепенно сужается: из отцовской спальни его перемещают на диван в гостиную, оттуда – на пол, « между кадкой и диваном », в угол гостиной. Он живет « совершенно обособленной от всего дома жизнью », находясь формально в доме, но лишившись навсегда семейного уюта, тепла. Ребенок теряет дом из-за несправедливой судьбы, людской жестокости, предательства самого близкого человека.

Мотив потерянного дома есть и в рассказе И.А. Бунина « Холодная осень », только там героиню лишает дома стихия исторических событий: Первая мировая война, революции, гражданская война. Читателю рассказывается о дворянской усадьбе, куда на праздники съезжается много народу, где есть балкон, столовая и сад. Жених героини собирается на войну, и вечерняя прогулка по саду, чтение стихов Фета вызывает у героини чувство тревоги и грусти оттого, что времена « дедушек и бабушек » безвозвратно уходят [1, с. 246]. И жениху героини кажется, что « совсем особенно, по-осеннему светят окна дома », потому что именно здесь он любил, был счастлив, находился в гармонии с миром. Образ дворянского гнезда концептуализируется [5], поскольку смысловым центром становится семья, друзья, дороги сердцу люди, утрата которых трагически отзывается в судьбе каждого из героев.

Разрушение дома героини начинается с отъезда жениха, поэтому, проведив возлюбленного, она возвращается в « опустевший дом » [1, с. 247]. Жениха убивают, к восемнадцатому году нет в живых и родителей героини, дом в значении « семья » перестает существовать, а о родовом гнезде, где жили поколения предков рассказчицы, больше не упоминается, и героиня живет в московском подвале у торговки, которая издевается над дворянским происхождением молодой женщины.

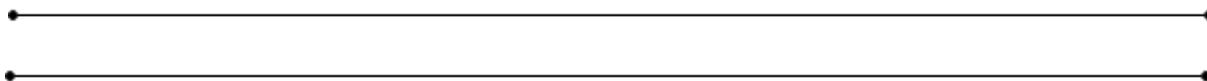
Попытка героини создать семью, обрести новый дом тщетна: пожилой военный, человек « редкой и прекрасной души », за которого она выходит замуж от отчаяния, умирает по пути в Турцию, его племянник с молодой женой (этих людей рассказчица считает теперь самыми близкими) уплывают в Крым, оставляя ей свою маленькую дочь. Героиня пытается выжить, зарабатывая на себя и на девочку « черным трудом », скитается по всей Европе, но дома так и не обретает: девочка вырастает « совсем

француженкой», абсолютно равнодушной к героине, а сама рассказчица живет в Ницце «чем бог пошлет» [1, с. 249]. Образ дома в рассказе «Холодная осень» имеет широкое, символическое значение: дом – это родина, и лишившийся родины человек никогда не сможет найти ей замену. Поэтому в памяти героини всю жизнь «тот холодный осенний вечер», она считает все произошедшее с ней после прощания с женихом у родного дома ненужным сном и воспринимает смерть как избавление от страданий и способ навсегда вернуться туда, где жених ждет ее «с той же любовью и молодостью, как и в тот вечер» [1, с. 249].

Итак, в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» образ дома является важнейшим: запретная любовь, грех и очищение, расплата за содеянное, безвозвратно уходящее прошлое, судьба, несбывшиеся мечты, истоки личности – вот основные мотивы, которые писатель связывает с образом дома.

Список литературы

1. Бунин И.А. Темные аллеи. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
2. Волкова В.Б. Интертекстуальные концепты в военной прозе О.Н. Ермакова конца 1980 - начала 2000 гг. Магнитогорск, 2010.
3. Волкова В.Б. Концептосфера современной военной прозы диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2014.
4. Глинкина Л.А. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1998. 280 с.
5. Легонькова В.Б. Человек и природа в романе Л. Н. Толстого "Война и мир" диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Магнитогорск, 2001.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. 750 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асмус Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет, г. Челябинск.

Дегтярев Евгений Владимирович – профессор, доктор философских наук, директор, Магнитогорский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Магнитогорск.

Емельянова Ксения Константиновна – магистр государственного муниципального управления, старший лаборант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Кива Галина Леонидовна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Кривошлыкова Марина Владимировна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Кривуть Виталий Иванович – доцент, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Лыгин Максим Михайлович – аспирант, кафедры электроснабжения промышленных предприятий, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Малеко Елена Валерьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Малеко Владислава Евгеньевна – бакалавр, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический

университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Мусс Галина Николаевна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики дошкольного и начального образования, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург.

Неянина Светлана Сергеевна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Ращектаева Олеся Геннадьевна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Руденко Ирина Анатольевна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Селезнева Рита Салаватовна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Соколова Екатерина Вячеславовна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Терещенко Ирина Сергеевна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Шмелева Ксения Петровна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Яшина Варвара Владимировна – магистрант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов. Журнал зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и будет постоянно опубликован на сайте электронной библиотеки Elibrary.ru.

1. Социальные науки
2. Филология

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИНИМАЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ

К публикации принимаются статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов.

СТАТЬЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧАТЬ:

- индекс УДК
- аннотацию (до 5-ти предложений)
- ключевые слова (4-5 слов)
- список литературы (ГОСТ Р 7.05-2008)

Аннотация и ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Рекомендуемый объем статьи – 8-12 стр.
2. Текст статьи, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и список литературы представляются на электронном носителе в виде файла, созданного средствами **Microsoft Word** формата А4.

При наборе статьи в **Microsoft Word** рекомендуются следующие установки:

шрифт – **Times New Roman**, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, перенос слов – автоматический; поля – 2 см. с каждой стороны; отступы перед и после абзаца – 0 см.;

К статье должна быть прикреплена заявка, включающая следующую информацию:

- Ф.И.О.
- Название статьи, количество страниц
- Место работы (учебы)
- Должность, ученая степень, ученое звание
- Телефон, e-mail.

Статьи проходят обязательное научное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38. Магнитогорский государственный технический университет.

Телефоны: 89123034461 Контактные лица: Рубанова Наталья Анатольевна, к.юрид.н., технический редактор
E-mail: rubanova64@mail.ru; (с указанием темы сообщения «Журнал»).